

ISSN 0131-6117

Рус-
RUSSIAN
ская
SPEECH
речь

МОСКВА, 2021

НОЯБРЬ—
ДЕКАБРЬ

Журнал основан в январе 1967 года

Выходит 6 раз в год

Главный редактор:

А. Д. Шмелев д. ф. н., проф., Московский педагогический государственный университет;
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Зам. главного редактора:

М. Л. Каленчук д. ф. н., член-корр. РАО, проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Е. Я. Шмелева к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Редколлегия:

Е. Л. Березович д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Уральский федеральный университет

А. А. Гиппиус д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»; Институт славяноведения РАН

М. Горэм PhD, проф., Флоридский университет, США

В. В. Дементьев д. ф. н., проф., Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского

А. Ф. Журавлев д. ф. н., проф., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова

А. А. Кибрик д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН; Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова

Ю. А. Клейнер д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

А. М. Красовицкий PhD, Оксфордский университет, Великобритания

М. А. Кронгауз д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

М. А. Осадчий д. ф. н., проф., Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

М. С. Полинская PhD, проф., Мэрилендский университет, США

Е. Ю. Протасова PhD, проф., Хельсинкский университет, Финляндия

Х. Пфандль Dr. phil., проф., Грацский университет, Австрия

Л. Рязанова-Кларк PhD, проф., Эдинбургский университет, Великобритания

А. А. Соколянский д. ф. н., проф., Северо-Восточный государственный университет

Зав. редакцией: **О. В. Антонова**

Зав. отделами: **А. В. Занадворова, М. А. Пузина**

Статьи отбираются редколлегией
журнала на основе анонимного
независимого рецензирования.

Журнал индексируется в: Российский
индекс научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции: 119019, Москва,
ул. Волхонка, 18/2, Институт русского
языка им. В. В. Виноградова РАН,
редакция журнала «Русская речь»

Телефон: +7 495 637-27-35

E-mail: rus-rech@mail.ru

Сайт: <http://russkayarech.ru/>

© Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
© Государственный институт
русского языка им. А. С. Пушкина
© Российская академия наук
© Составление. Редколлегия журнала
«Русская речь», 2021

ISSN 0131-6117

Russian R U S S K A Y A Speech R E C H'

MOSCOW, 2021

**NOVEMBER –
DECEMBER**

Founded in January 1967
6 issues per year

Editor-in-chief:

Alexei D. Shmelev Moscow State University of Education; Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia

Assistant editors:

Maria L. Kalenchuk Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia

Elena Ya. Shmeleva Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia

Editorial board:

Elena L. Berezovich Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Vadim V. Dementyev Saratov State University, Saratov, Russia

Alexei A. Gippius National Research University Higher School of Economics; Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia

Michael Gorham University of Florida, Gainesville, USA

Andrey A. Kibrik Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Yury A. Kleiner St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Alexander M. Krasovitsky University of Oxford, UK

Maxim A. Kronhaus National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Mikhail A. Osadchiy Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Heinrich Pfandl University of Graz, Austria

Maria Polinsky University of Maryland, College Park, USA

Ekaterina Y. Protassova University of Helsinki, Finland

Larissa Ryazanova-Clarke University of Edinburgh, UK

Alexander A. Sokolyansky North-Eastern State University, Magadan, Russia

Anatoly F. Zhuravlev Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Managing editor: **Olga V. Antonova**

Editorial staff: **Anna V. Zanadvorova, Maria A. Puzina**

Articles are selected by the editorial board on the basis of blind peer review process.

Abstracting / Indexing: Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya (RINTs).

Address: «Russkaya rech'», editorial office, Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia

Telephone: +7 495 637-27-35

E-mail: rus-rech@mail.ru

Website: <http://russkayarech.ru/>

Содержание

Проблемы современного русского языка

- 7..... *М. В. Боброва. Заварничек, сын Чайника, Назаровской породы:*
отражение родственных связей людей в современных прозвищах
- 19..... *Е. И. Голанова. Слово и образ*
- 31..... *С. В. Князев. Об одном случае полной диссимилиации*
в русском языке
- 50..... *А. Р. Пестова. Изменение стилистического статуса*
сниженной лексики в свете лексикографических
и корпусных данных
- 69..... *Т. С. Садова. Художественное «обаяние» канцеляризма:*
ненужное зачеркнуть

Из истории русского языка

- 77..... *А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. Антропонимическое воплощение*
семейного единства в средневековой Руси
- 98..... *Е. Е. Серегина, О. А. Матвеева. Прагматика церковнославянских*
местоимений в русском литературном языке

Язык художественной литературы

- 112..... *А. А. Акулов. «Песни души»: роман Ф. М. Достоевского*
«Униженные и оскорбленные» на языке мюзикла
«Владимирская площадь»

Contents

Issues of Modern Russian Language

- 7..... *Maria V. Bobrova. Zavarnichek, the Son of Chainik, of the Nazar's Breed: Reflection of People's Kinship Ties in Contemporary Nicknames*
- 19..... *Elena I. Golanova. Word and Image*
- 31..... *Sergey V. Knyazev. On a Case of Complete Lag Dissimilation in Modern Standard Russian*
- 50..... *Anna R. Pestova. Change in the Stylistic Status of Derogatory Words Based on Lexicographic and Corpus Data*
- 69..... *Tatiana S. Sadova. Poetic "Charm" of Bureaucratic Cliché: Nenuzhnoe Zacherknut'*

From the History of the Russian Language

- 77..... *Anna F. Litvina, Fjodor B. Uspenskij. Anthroponymical Embodiment of Family Unity in Medieval Rus'*
- 98..... *Elena E. Seregina, Olga A. Matveeva. Pragmatics of Church Slavonic Language's Pronouns in Standard Russian*

The Language of Fiction

- 112..... *Andrej A. Akulov. "Songs of the Soul": the Novel "Humiliated and Insulted" by F. M. Dostoevsky in the Language of the Musical "Vladimirskaia Square"*

Заварничек, сын Чайника, Назаровской породы: отражение родственных связей людей в современных прозвищах

Мария Владимировна Боброва, Институт лингвистических исследований РАН
(Россия, Санкт-Петербург), bomaripgu@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170017963-8

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена современным прозвищам жителей Пермского края, отражающим родственные связи между людьми. Последовательно рассмотрены лингвистические средства различных уровней языка, служащие трансляции сведений о семейных отношениях в социальной микрогруппе. 1. Лексические средства: с указанной целью в прозвищах используются термины родства и свойства, синонимы, когипонимы, омонимы, а также своеобразный разряд антропонимов — «уличные» фамилии. 2. Словообразовательные средства: чаще всего наличие родственных связей передается через микроантропонимы, включающие морфемы со значением 'жена лица, названного производящей основой' (-их(а), -к(а), -ш(а), -анк(а) и др.), 'сын лица, названного производящей основой', 'младший' (суффиксы -онок-, -ик-, -оныш-, -евич- и др., префикс полу-), активны притяжательные и в значении притяжательных суффиксы (-ин-, -ск-, -ич-, -ц(ы) и др.); в редких случаях образуются композиты. 3. Грамматические средства: это малочисленные примеры образования отсубстантивных прилагательных, употребления форм множественного числа в качестве самостоятельных номинаций и сочетаний слов со значением

притяжательности. 4. Семантические средства: родственные связи могут обыгрываться при помощи названий взрослых и невзрослых представителей животного мира, наименований одной тематической сферы, прецедентных имен и др. Сделаны выводы о том, что разнообразные средства образования прозвищных именований родственников отражают особенности современного семейного уклада, а именно: сохранение (а) социальной значимости кровного родства и супружества и (б) значимости отношений субординации между старшими и младшими, мужчинами и другими членами семьи, между родителями и детьми. Прозвища предстают как своего рода информационный канал для трансляции социально значимых качеств называемых лиц и ценностно-смысловых ориентиров в обществе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: неофициальная ономастика, микроантропоним, прозвище, тематическая группа, термины родства и свойства.

для цитирования: Боброва М. В. *Заварничек*, сын *Чайника*, *Назаровской породы*: отражение родственных связей людей в современных прозвищах // Русская речь. 2021. № 6. С. 7–18. DOI: 10.31857/S013161170017963-8.

Issues of Modern Russian Language

Zavarnichek, the Son of Chainik, of the Nazar's Breed: Reflection of People's Kinship Ties in Contemporary Nicknames

Maria V. Bobrova, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (Russia, St. Petersburg),
bomaripgu@yandex.ru

ABSTRACT: The article is devoted to the modern nicknames of the Perm Krai inhabitants that reflect kinship ties between people. Linguistic means of various levels of language serving to broadcast information about family relationships in a social microgroup are consistently considered. 1. Lexical

means: terms of kinship, synonyms, co-hyponyms and homonyms are used in nicknames for this purpose, as well as a distinctive category of anthroponyms — “street” surnames. 2. Word-formative means: most often, presence of family ties is transmitted through microanthroponyms, including morphemes with the meaning of ‘wife of the person named as the producing basis’ (-*ikh(a)*, -*k(a)*, -*sh(a)*, -*ank(a)*, etc.), ‘son of the person named as the producing basis’, ‘junior’ (suffixes -*onok*-, -*ik*-, -*onysh*-, -*evich*, etc., prefix *polu*-); possessive suffixes and suffixes with possessive interpretation are active (-*in*-, -*sk*-, -*ich*-, -*ts(y)*-, etc.); in rare cases, composites are formed. 3. Grammatical means: these are some rare examples of adjectives formed from nouns, use of plural forms as independent nominations and combinations of words with the meaning of possessiveness. 4. Semantic means: kinship ties can be playfully expressed by using names of adult and non-adult animal species, names from the same thematic area, precedent names, etc. Conclusions are drawn that various means of nicknaming of relatives reflect peculiarities of the contemporary family way of life, namely the continued social significance of (a) consanguinity and matrimony and (b) subordinating relationships between the older and the younger, the adult men and other family members, the parents and the children. Nicknames appear as a kind of information channel for broadcasting socially significant qualities of persons nominated by them and values and semantic guidelines of society.

KEYWORDS: unofficial onomastics, microanthroponym, nickname, thematic group, terms of kinship

FOR CITATION: Bobrova M. V. *Zavarnichek, the Son of Chainik, of the Nazar's Breed*: Reflection of People's Kinship Ties in Contemporary Nicknames // Russian Speech = Russkaya Rech'. 2021. No. 6. Pp. 7–18. DOI: 10.31857/S013161170017963-8.

Введение

В современном российском обществе используется несколько видов номинаций людей. Прежде всего это не ограниченные по сфере употребления имена, отчества и фамилии, но, кроме того, те антропонимы, за которыми их владельцы скрывают истинные именованья, — псевдонимы для официального общения и никнеймы для коммуникации в социальных сетях. Предметом речи и объектом исследования в настоящей статье стали прозвища — неофициальные факультативные вторичные именованья, служащие характеристике людей и иным целям на основе социальных,

территориальных, темпоральных, эмотивно-оценочных, событийных и иных факторов.

В обществе, особенно в среде школьных педагогов, устойчиво мнение, что прозвища не отвечают критерию чистоты речи и нежелательны, «ведь большинство характеризуемых людей предстают в этом зеркале в намеренно искривленном, нередко окарикатуренном языковыми средствами виде» [Вальтер, Мокиенко 2007: 26]. Вместе с тем многими исследователями признана уместность употребления прозвищ в отдельных социальных микрогруппах, в которых неофициальные антропонимы служат средством социализации отдельных их участников. И любой из нас, оглянувшись, поймет, что прозвища — это часть нашего общения, нашей жизни. Прозвища дают в семье (любимый человек, ребенок — это, скорее всего, *Зая, Зайчик, Пупсик, Солнышко, Медвежонок* и т. п.), на работе (высокомерная жена начальника — *Миссис Выпендривается*, вялый флегматичный коллега — *Овоц*), среди соседей (*Вась-Вась* — мужчина, который каждый день выходит во двор и подзывает своего кота Ваську, *Несвбй* — приезжий), в школе (*Феона* — школьница, которая ходит в куртке специфического оттенка зеленого, *Ласточка* — добрая, душевная, отзывчивая преподавательница) и, конечно, среди друзей (*Фантомас* — привлекательный молодой человек, *Тушёнка* — девушка крупной комплекции).

У каждого за жизнь сменяется несколько, а подчас и несколько десятков неофициальных именований. Практически в каждой книге, в каждом фильме упоминается прозвище хотя бы одного персонажа, и это не только преступные элементы вроде *Доцента, Хмыря, Косого, Николы Питерского* в фильме «Джентльмены удачи», *Шефа, Лёлика* в фильме «Бриллиантовая рука». Вот пример из книги Б. Пастернака «Доктор Живаго»: «Его мать из грузинских княжен Эристовых была взбалмошная и еще молодая красавица, вечно чем-нибудь увлекающаяся — бунтами, бунтарями, крайними теориями, знаменитыми артистами, бедными неудачниками. Она обожала Нику и из его имени Иннокентий делала кучу немыслимо нежных и дурацких прозвищ вроде *Иночек* или *Ноченька...*». Или из романа «Война и мир» Л. Толстого: «Ты этого никогда не поймешь, — сказала она, обращаясь к Вере, — потому что ты никогда никого не любила; у тебя сердца нет, ты только *madame de Genlis*¹ (это прозвище, считавшееся очень обидным, было дано Вере Николаем), и твое первое удовольствие — делать неприятности другим». Как метко могут охарактеризовать прозвища

¹ Вероятно, из имени графини де Жанлис, маркизы де Силлери (фр. comtesse de Genlis, marquise de Sillery) — известной своим ханжеством писательницы XVIII в., в сентиментальных романах которой скучное морализаторство соседствовало с весьма фривольными сценами. В оценке В. Белинского, это «лицемерная богомолка».

одним штрихом — когда-то его носителя (как у Л. Толстого), а когда-то его автора (как у Б. Пастернака)!

Было бы, наоборот, странно в один прекрасный день обнаружить, что прозвищ больше нет. За всю историю не было ни одного периода, когда бы они уходили из сферы общения: в древнейшие времена это было единственное именование человека, затем с приходом христианства они стали выполнять функции мирских, бытовых имен, затем и вовсе ушли в тень, в область неофициального общения. Со временем менялся их статус, функциональная нагрузка в обществе, но они никуда не исчезали.

Можно говорить, что «возникновение прозвищ — это обязательный и произвольный процесс» [Горелова 2012: 109]. И не просто так прозвища упорно сохраняют свои позиции. Они, подобно географическим названиям на карте, создают рельеф, но только не пространственный, а социальный, обозначая более или менее значимые «точки» и их место в обществе. И как выделяют макротопонимы, которыми называют крупные, общеизвестные объекты, и микротопонимы, которыми пользуются только в определенной местности для обозначения мелких объектов, важных только для здешних жителей, — точно так же существуют макроантропонимы (кто же не знает, что **ВВП** — это не только валовой внутренний продукт, но и Владимир Владимирович Путин?) и микроантропонимы, используемые только в микрогруппах: семейных, дружеских, коллегиальных, соседских, а также территориальных (известно, что в сельских поселениях «все на прозвищах»). И если в топонимах задается пространственная система координат: верхний — нижний, ближний — дальний, передний — задний², то в прозвищах — система социально значимых ориентиров: свой — чужой, начальник — подчиненный, старший — младший, добрый — злой, умный — глупый и др.

По справедливому заключению Х. Вальтера и В. М. Мокиенко, «прозвища — характеристика пестрого и неоднородного по составу русского человеческого “общезитя”... Вглядываясь в эту прозвищную картину, мы, как кажется, можем лучше понять себя и тот мир, в котором сейчас живем» [Вальтер, Мокиенко 2007: 4].

Как и в любой системе, прозвища отражают установившиеся между элементами системы (а здесь — членами сообщества) связи. Один из важнейших видов социального взаимодействия — родственные отношения между людьми. Остановимся на именовании, отражающих их, подробнее. А в качестве материала для анализа возьмем современные прозвища жителей Пермского края. Это данные собранного нами архива; он включает не менее 6000 наименований, в том числе из диалектных

² См. об этом, в частности, работы Е. Л. Березович, например [Березович 2009].

словарей Пермского края и их картотек, иных печатных и рукописных источников, из анкет и опросов местных жителей.

Обнаруживается, что родственные отношения между людьми могут отражаться в прозвищах различными способами, с использованием различных языковых средств.

Лексические языковые средства

Прежде всего это прямые наименования родственников, то есть термины родства и свойства, например: **Зять** 'прозвище мужчины, находящегося в зависимом от тещи положении', **Сват** 'прозвище тестя, который работает в одной организации с зятем', **Братья-Акробаты** 'прозвище братьев-близнецов, которые занимаются спортом', **Отец-Героин** 'ироничное прозвище многодетного коллеги', **Кока** 'семейное прозвище крестной матери младшей дочери' (из диалектного термина духовного родства *кока* 'крестная мать'). Такие антропонимы немногочисленны. Это может объясняться тем, что прозвища, как правило, каким-либо образом характеризуют, оценивают человека, а термины мало отвечают такому требованию. По этой причине «родственная» терминология в неофициальных антропонимах обычно имеет метафорический характер, ср.: **Дедушка** 'прозвище ворчливого одноклассника', **Ба́тя** 'прозвище директора школы', **Невеста** 'насмешливое прозвище девушки, у которой за 5 лет жизни в селе сменилось несколько женихов' и под. Иногда такие прозвища возникают в результате реэтимологизации фамилии, то есть использования слова, которое лежит в основе фамильного именования, переосмысления этого слова: **Братка** < *Браткова*, **Тётя Пету́ния** < *Пятунина* и др.

Стоит отметить, что метафоричность как типологическая особенность этой группы лексики отмечена уже давно. Наряду с ботаническим, зоологическим, соматическим, анатомическим, пищевым и иными «кодами культуры» родственную терминологию рассматривают как один из типов «семантической сети» (в терминологии Ч. Филлмора [Филлмор 1983]): это один из тематических «доноров» для формирования метафорических микросистем (рядов) в различных семантических сферах, выступающих «реципиентами» [Березович 2014]. И то, что прозвища, включающие термины родства, редко используются в прямом значении, не является специфичной чертой пермских прозвищ. Эту же особенность демонстрируют, например, архангельские микроантропонимы (см. материалы в [Качинская 2018: 212–219]).

Прозвища могут возникать на основе синонимии (отец **Черпак** > сыновья **Поварёшки**), гипо- и гиперонимии (старший брат **Пятак** > младший

брат *Копейка*). Но чаще всего — на базе омонимии: в качестве омонимов мы рассматриваем тождественные именованья разных людей на основании того, что каждый «повторяющийся» антропоним привязан к отдельному, уникальному денотату. Члены некоторых семей носят одно и то же прозвище: проживающие вместе (отец *Коля Парёнка*, мать *Валя Парёнка*, дочь *Анька Парёнка*, сын *Андрей Парёнка*) или представляющие разные поколения семьи (дед, его сын, внуки по прозвищу *Будапешка*).

Своеобразное лексическое явление — особый разряд имен собственных «уличных» фамилий, ср.: *По родам называли. Нас так и зовут. Вот Валентину Ивановну звали Евсины, нас, например, звали Харины, это по мужу, а так Гушишины [Гуцины]. Это рода такие. — Ну да, кто первый в деревню пришел. — Фетисковы, Дементьевы-Одинковы, Шаламовы-Евсиных, Хариных* (Усть-Уролка Черд.).

Словообразовательные языковые средства

Чаще всего это притяжательные суффиксы или морфемы со значением 'жена лица, названного производящей основой', 'сын лица, названного производящей основой', 'младший'.

Пожалуй, самым характерным, самым частотным и самым узнаваемым словообразовательным средством является суффикс *-их(а)*, который с древности свойствен номинациям женщин по мужу. Такие именованья могут быть образованы от имени супруга: *Агафониха, Борисиха, Кариониха, Матвеиха, Пахомиха, Петиха, Шура Териха, Федосиха* и т. д., в том числе от его производной формы: *Гордиха* < Гордя < Гордей, *Матюшиха* < Матюша < Матвей, *Тимобиха* < Тимоша < Тимофей и др. В каких-то случаях это производные от фамилии: *Лебедиха* < Лебедев, *Морозиха* < Мороз — или прозвища: *Мокшаниха* < Мокшан, *Недосучиха* < Недосук 'прозвище мужчины, который часто говорил, что ему «недосуг», *Чугуниха* < Чугун и др.

Кроме суффикса *-их(а)*, в наименованиях женщин по мужу иногда используется *-к(а)* (*Романючка* из фамилии *Романюк* и др.), *-ш(а)* (*Шуликинша* из прозвища *Шуликин*, *Кондукторша* из прозвища *Кондуктор* и др.), *-анк(а)* (*Парижанка* из прозвища *Париж*) и др.

Встретилось также прозвище тещи — суффиксальное производное от именованья зятя: *Молдаванка* < *Молдаван*.

Изредка в именовании женщин отражается родственная связь с отцом. Это осуществляется при помощи композитов, включающих производное личное имя женщины и отца, либо суффиксации имени отца: *Галья-Петя* (< Галина Петровна), *Таня-Вася* (< Татьяна Васильевна), *Тихонка* (< Тихоновна).

Изредка встречается притяжательный суффикс *-ин-*, например в именовании женщин по мужу: *Костя > Нюра Костина, Миша > Катя Мйишишина* (так!). В мужских прозвищах он обычно передает особенности характера человека: *Мишка Танин, по бабе зовут, несамостоятельный дак* (Воскресенское Уинск.). Иногда эта морфема обнаруживается и в коллективных прозвищах, образованных по типу фамильных именовании, ср.: *Идёт на другой день, голова болит с похмелья, денег-то, видно, мало, он и говорит: «Сёдня житьё-то крапива». Вот и прозвали нас Крапивины* (Калинино Кунг.).

Притяжательный суффикс *-ск-* чаще возникает в коллективных, реже в индивидуальных именовании, указывающих на принадлежность человека к определенному роду, или «породе»: *Назаровская порода, Сялямовская(я) порода, Гавринские* (дети Гаври, Гаврика), *Гавринский Борька*. Частотен «семейный» суффикс *-к(и)* (*Каретки < отец Карета, Колямки < отец Колям* и др.), редки другие такие морфемы: *-ик(и)* (*Шустрики < отец Шустрий*), *-ич(и)-* (*Гавриловичи*), *-ц(ы)-* (*Ванинцы, Николинцы*).

Особенно интересно, как «играют» суффиксы в именовании членов одной семьи, ср.: *Помидёрка у нас ещё есть. И у него сын. И сына зовут так же — Помидёрч, да как, да Помидёр. Я даже... кстати, живу [здесь] 16 лет, узнала, наверно, года два назад, как его на самом деле зовут. Так — Помидорка и Помидорка. Ну, мужчина, сколько ему лет? К сорока, не больше. Но вот за что его Помидорка прозвали? Красный, наверное, то, что такой у него цвет лица. — Кожа бледная, а на морозе дак, когда злится, выпьет, и краснеет. — Или летом, когда загорит, такой, красный. Поэтому Помидёрка. И вот, говорю, у него сын, вот щас его также Помидорка зовут. И жену у него, бывает, что «жена Помидора»... Помидёркин. Бывает вот так называют сына. Помидёрч, Помидёркин* (Турун Чернуш.). Ср. также: *Мамонт, Мамонтиха, Мамонтятя; Царь, Цариха* (прозвище первой жены), *Царевна* (прозвище второй жены), *Царёнок* и под.

Разнообразно представлены аффиксы, которые передают значение 'младший'. Так, индивидуальные наименования сыновей могут иметь суффиксы *-онок-* (*Бородёнок < Борода, Мамонтёнок < Мамонт, Мэйсёнок < Мэйсон*), *-ик-* (*Дипломатик < Дипломат*), *-оныш-* (*Бичоныш < Бич*), *-евич-* (*Царевич < Царь*), префикс *полу-* (*Полушубок < Шуба*) и др. Младшие братья и сестры могут наследовать прозвища от старших без изменений (*Лось, Фунтик, Мартина*) или с суффиксом *-ик-* (*Фонарик < Фонарь*). Молодых представителей одной породы (одного рода), детей из многодетной семьи часто называют прозвищем с суффиксом *-ат(а) / -ят(а)*: *Чугунята < отец, мать Чугунка, Козлята < род Козлов, Волчата < фамилия Волковы* и под.

Грамматические языковые средства

В отличие от словообразовательных, средства грамматики в прозвищах не отличаются разнообразием. Здесь можно отметить образование прозвищ с изменением лексико-грамматической принадлежности слова, обычно по типу отсубстантивных прилагательных (фамилия *Трошин* > **Трошинские**, имя *Михей* > *Полька Михеевска(я)* и под.). Но чаще всего морфологические изменения выражаются в том, что в отношении представителей одной семьи начинает употребляться прозвище (реже имя) ее главы или общего предка во множественном числе: **Гансы, Горшки, Делегаты, Караван, Кисели, Кички, Комарики, Мелкие, Мураши, Сидоры** и др.

Обнаружен также один пример синтаксической деривации со значением притяжательности: *Волосы-то беленьки, беленькие у него [деда], его Миша Бёлый звали. Назвали Миша Бёлый — вот и Катя Миишина была. Ребята, нас, например брátтей — Федя У Миши Бёлого* (Федя — брат старший был у меня). *Вот. Меня — Маня У Миши Бёлого, внучка* (Щеколова Юрл.).

Семантические языковые средства

Небезынтересны примеры «родственных» прозвищ, в которых обыгрываются семантические связи слов.

Родство людей может транслироваться в прозвищах благодаря тому, что именованья образованы на базе названий взрослых и незрелых особей животных, птиц, насекомых, ср.: **Курицы** — прозвище представителей старшего поколения, **Цыплята** — прозвище их детей и внуков; прозвище матери — **Курица**, прозвище дочери — **Цыпушка** (из диалектного *цыпушка* ‘молодая курица’); прозвище отца — **Жук**, прозвище дочери — **Личинка**. Но это могут быть также микроантропони́мы от слов, называющих людей разных половозрастных групп: прозвище отца — **Дед**, прозвище сыновей — **Салажонки** (значение ‘младший’ здесь подчеркивается суффиксом *-онк(и)*), коллективный характер именованья — формой множественного числа).

Иногда в отношении жены начинают использовать соответствующий феминитив: муж **Граф** > жена **Графиня**.

Иногда микроантропони́мы возникают по ассоциации с фамилией (**Бараны** — прозвище Овчинниковых), с прецедентными именами (**Чип-и-Дейл** — прозвище двух братьев).

Часто в качестве именованний родственников используются слова, входящие в одну тематическую или ассоциативную группу, например: прозвище необычно смуглого отца — **Чайник**, прозвище маленького сына — **Заварничек** (здесь использован также уменьшительно-ласкательный

суффикс -ек-); изначальное прозвище мужчины **Турок** дало коллективное именование членов его семьи **Турки**, после чего главу семьи стали называть **Султан**; прозвище матери — **Булочка**, ее сына — **Пряник**; прозвище мужа — **Пряник**, жены — **Печенюшка**; прозвище жены — **Пенициллин**, мужа — **Антибиотик**; коллективное прозвище полной жены и художатого мужа — **Печь-с-Подтопком**; прозвища родных братьев — **Обезьяна** и **Крыса**.

Авторы прозвищ весьма изобретательны в способах социальной характеристики людей. И весьма значима здесь языковая игра, благодаря которой прозвища оказываются частью народной смеховой культуры и позволяют совершать «временный выход за пределы обычного (официального) строя жизни» [Бахтин 1990: 12]. Когда-то мы уже показали, что в неофициальной антропонимии в ход идут средства всех языковых уровней, свойственные разнообразным коммуникативным сферам человеческого общения [Боброва 2016]. И в данном случае мы убедились, что эти выводы в равной степени применимы ко всей совокупности прозвищ и к отдельным их группам. Так, нами не зафиксированы «родственные» прозвища, в которых использовались бы собственно языковые фонетические средства, но есть пример «родственной» номинации, построенной на искажении фонетического облика исходной фамилии носителя прозвища. Обнаружено именование мужчины **Кучибаб**, которое возникло путем «обратного» произнесения фамилии жены-украинки **Бабичук**, взятой этим человеком при регистрации брака.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что столь разнообразные прозвища родственников несут в себе ценностные смыслы, отражают особенности современного семейного уклада в пермском регионе (а вероятно, и шире). Обратим внимание, например, на то, что обычно номинируются два-три поколения людей: дед — отец — внуки, родители — дети. Крайне редко отражаются отношения свойства (*тетя, зять, теща, тесть, невеста* и под.), за исключением отношений супругов. Кровное родство и супружество по-прежнему играют важную роль в сохранении социальных связей, и это подчеркивается общностью лексико-семантической базы прозвищ, их грамматическими особенностями. Еще более значим «вектор» этих отношений, который на языковом уровне задается отношениями производности и семантической, тематической близости лексем, используемых в качестве прозвищ. Исходным образцом практически всегда оказывается именование старшего родственника мужского пола, так что и «вектор»

четко задан — от старшего к младшим, от мужчины к остальным членам семьи, от родителей к детям. Полагаем, так отражается сохранение сложившихся в традиционной культуре представлений о субординации, где младший находится в отношениях зависимости от старшего, женщина — от мужа, дети — от родителей. И потому, например, так очевидна нестандартность, «неожиданность» прозвищ, манифестирующих нетипичное, с точки зрения номинаторов, поведение людей, противоречащее их семейному статусу.

Таким образом, авторами прозвищ активно используются разнообразные свойства и средства языка, который выступает своего рода каналом передачи той или иной информации о прозываемом человеке, значимой для участников сообщества, и о ценностно-смысловых ориентирах членов соответствующего микросоциума.

Сокращения

Кунг. — Кунгурский район Пермского края
Уинск. — Уинский район Пермского края
Черд. — Чердынский район Пермского края
Юрл. — Юрлинский район Коми-Пермяцкого округа

Литература

- Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990. 543 с.
- Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Пространство и человек. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 328 с.
- Березович Е. Л. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2014. 488 с.
- Боброва М. В. Языковая игра в современных прозвищах жителей Пермского края // Уральский филологический вестник. Екатеринбург, 2016. Вып. 2. С. 38–49.
- Вальтер Х., Мокиенко В. М. Большой словарь русских прозвищ. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. 704 с.
- Горелова Л. Д. Прозвища и причины их происхождения // Русская речь. 2012. № 3. С. 107–110.
- Качинская И. Б. Термины родства и языковая картина мира (по материалам архангельских говоров). М.: Индрик, 2018. 288 с.
- Филлмор Ч. Об организации семантической информации в словаре // Новое в зарубежной лингвистике. М.: 1983. Вып. 14. С. 23–60.

References

- Bakhtin M. M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Rennessansa* [The creative work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and Renaissance]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1990. 543 p.
- Berezovich E. L. *Russkaya toponimiya v etnolingvisticheskom aspekte: Prostranstvo i chelovek* [Russian toponymy in the ethnolinguistic aspect: space and human]. Moscow, Knizhnyi Dom "LIBROKOM", 2009. 328 p.
- Berezovich E. L. *Russkaya leksika na obshcheslavyanskom fone: semantiko-motivatsionnaya rekonstruktsiya* [Russian lexis on a common Slavic background: semantic and motivational reconstruction]. Moscow, Russkii Fond Sodeistviya Obrazovaniyu i Nauke, 2014. 488 p.
- Bobrova M. V. [Language play in current nicknames of Perm Krai residents]. *Ural'skii filologicheskii vestnik*, 2016, vol. 2, pp. 38–49. (In Russ.)
- Fillmor Ch. [About the organization of semantic information in the dictionary]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*, 1983, vol. 14, pp. 23–60. (In Russ.)
- Gorelova L. D. [Nicknames and the reasons for their origin]. *Russkaya Rech'*, 2012, no. 3, pp. 107–110. (In Russ.)
- Kachinskaya I. B. *Terminy rodstva i yazykovaya kartina mira (po materialam arkhangel'skikh govorov)* [Terms of kinship and the linguistic view of the world (based on the materials of the Arkhangelsk dialects)]. Moscow, Indrik Publ., 2018. 288 p.
- Val'ter Kh., Mokienko V. M. *Bol'shoi slovar' russkikh prozvishch* [Large dictionary of Russian nicknames]. Moscow, ZAO "OLMA Media Grupp", 2007. 704 p. (In Russ.)

Слово и образ¹

Елена Ивановна Голанова, Институт русского языка им. В. В. Виноградова (Россия, Москва),
egolanova@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170017964-9

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена судьбе одного слова — *полётность*. Рассматриваются его значения, особенности употребления и история его лексикографической фиксации. Слово *полётность* не отмечается в толковых словарях до 1980-х годов. Однако оно встречается в специальной музыкальной литературе при описании физических свойств голоса или звука, а также — техники танца. И наконец, это слово часто используют музыкальные критики в связи с творчеством А. Н. Скрябина в значении ‘вдохновенная устремленность’.

Уже в одной из своих ранних работ Д. Н. Шмелев указывал на важную роль многозначности для создания новых наименований. Мы можем проследить, как указанные значения соотносятся со значениями слова *полёт*, ср.: **ПОЛЁТ**, -а; **м.** 1. Движение, перемещение по воздуху... 2. *Спец.* Спортивный, акробатический или бальный прыжок на большое расстояние. 3. Воздушный рейс с определенным заданием... 4. Устремление, порыв [Кузнецов (ред.) 2006].

Примечательно, что словарной фиксации удостоилось именно это переносное значение (ср.: **ПОЛЁТНОСТЬ**, -и, **ж.** Наличие полета (в 4 знач.), вдохновенная устремленность... [Там же]). Остальные так и остались в сфере профессиональной терминологии.

Внимания заслуживает также путь, которым оно было образовано. Как правило, существительные на *-ость* образуются от соответствующих

¹ Статья представляет собой новую редакцию статьи: Голанова Е. И. Слово и образ // Облик слова (сборник статей памяти Дмитрия Николаевича Шмелева). М., 1997. Статья дополнена современными языковыми примерами и новыми лексикографическими данными. Автор благодарит А. В. Занадворову за помощь в подготовке статьи к печати.

прилагательных (*гениальный* — *гениальность*). Однако очевидно, что здесь отвлеченное имя произведено непосредственно от основы существительного, без участия прилагательного, так как у слова *полётный* в словарях ни одного из указанных значений не фиксируется (ср.: **полётный** — относящийся к полету самолетов; предназначенный для полета (МАС)). Рассматриваются и другие подобные новообразования на *-ость*, которые несут в себе образную эмоциональность, экспрессию, что объясняется не только семантико-словообразовательными особенностями этих имен, но и их стилистической прикрепленностью и ассоциативно-эмоциональными связями.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: потенциальные слова, терминология, словообразование, словарная фиксация, прямое и переносное значение, Д. Н. Шмелев

для цитирования: Голанова Е. И. Слово и образ // Русская речь. 2021. № 6. С. 19–30. DOI: 10.31857/S013161170017964-9.

Issues of Modern Russian Language

Word and Image

Elena I. Golanova, Vinogradov Russian Language Institute (Russian Academy of Sciences)
(Russia, Moscow), egolanova@yandex.ru

ABSTRACT: The article covers the history of one word — *poletnost'* ('flyness', 'flightness'), its meanings, peculiarities of its use and lexicographical presence are examined. *Poletnost'* is not registered in explanatory dictionaries before 1980s. Nevertheless, it was used in specialized music literature to describe physical qualities of voice and sound, as well as dancing techniques. Furthermore, this word is often used by music critics in the sense of 'inspired aspiration' to describe works of A. N. Skriabin.

In one of his earlier works D. N. Shmelev already pointed out the important role of polysemy for creation of new denominations. We can examine how the above-mentioned meanings of *poletnost'* correlate with meanings of *polet* ('flight'): **POLET:** 1) Movement through the air ...; 2) (spec.) An athletic, acrobatic or choreographic jump over a long distance; 3) Air flight with a specific purpose ...; 4) Aspiration, impulse [Kuznetsov (ed.) 2006].

Significantly, it was the figurative meaning that was first recorded in dictionaries (**POLETNOST'**: presence of *polet* (4), inspired aspiration ... [Kuznetsov (ed.) 2006]. Other meanings are still reserved for professional vocabulary.

The formation of this word is also noteworthy. As a rule, nouns ending with *-ost'* are formed from corresponding adjectives (for example, *genial'nyi* — *genialnost'*). However, it is obvious that in this case the abstract name is derived directly from the noun stem, since none of the examined meanings are recorded in dictionaries for the adjective *poletnyi* (for example, **poletnyi**: one that relates to aircraft flights, designed for flights [Small Academic Dictionary]). The article also examines other similar neologisms formed with *-ost'* that carry evocative emotionality and expression, which are due not only to semantic and word-formation features of these units but also to their stylistic attachments and associative-emotional connections.

KEYWORDS: potential words, terminology, word formation, dictionary fixation, direct and figurative meaning, D. N. Shmelev

FOR CITATION: Golanova E. I. Word and Image. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2021. No. 6. Pp. 19–30. 10.31857/S013161170017964-9.

*Выразительность слова зависит не только от того,
что оно обозначает, т. е. не только
от его лексического значения,
но и от его стилистической прикреплённости,
а также от разнообразных связей
с другими словами языка,
начиная от звуковых и кончая
ассоциативно-эмоциональными.*

Д. Н. Шмелев

В одном из писем Александр Николаевич Скрябин дал словесное описание, программу своей 4-й сонаты: «В тумане легком и прозрачном, вдали затерянная, но ясная, — звезда мерцает... В радостном взлете ввысь устремляюсь... к тебе, светило чудное, устремляю свой полет!»

Эти слова (фрагмент письма) приводит в своей книге о Скрябине Игорь Бэлза [Бэлза 1983], указывая на одну из самых ярких черт творчества великого музыканта — «полетность»: «В высшей степени важно подчеркнуть, что не только призывная интонация, которой начинается первая часть сонаты, но и мелодические очертания всей первой темы, дающие

право называть ее стержневой, пронизывают и вторую часть, как бы озаоря «полет к звезде»... вторая часть насыщена именно «полетностью» (это слово добавлено к темповому обозначению), временами яростной стремительностью» [Бэлза 1983: 92]. Определяя темп и характер исполнения музыки, сам композитор воспользовался традиционным термином *volando*, *Prestissimo volando* (итал.), что в русской музыкальной литературе передается существительным «полетность». Слово создало образ: это и состояние (души), и свойство, основной признак музыки гениального композитора.

Этот словесный образ используют музыковеды, характеризуя своеобразие музыки, главные черты творчества композитора.

Так, описывая драматургическое развитие 3-й симфонии, Бэлза замечает: «Первая тема отличается типично скрябинской «полетностью»»; в другом месте книги он пишет: «В Шестой сонате лирика сочетается с часто встречавшейся уже в произведениях Скрябина «полетностью»... Радостная взволнованность сохраняется и в ритмике сонаты, и в «полетности» пассажей» [Там же: 146, 148]. Развивая эту идею, Бэлза пишет о «типичной для Скрябина «полетной» звучности», о «полетных», радостно-взволнованных образах [Там же: 124 и др.]. Ср. в работах других исследователей творчества композитора: «Но темп ускоряется, всепоглащающая «полетность» становится основой музыкального развития» [Дельсон 1971: 295]. «К излюбленным скрябинским образам-состояниям... относятся состояния радостной устремленности, «полетности», по его собственному определению» [Михайлов 1982: 70].

В музыкальной литературе слова «полётность», «полётный», как правило, имеют кавычки, сигнализируя о какой-то их необычности (ср. «культуративную» функцию кавычек, см. работы Б. С. Шварцкопфа). Такое подчеркнутое выделение этих слов в тексте объясняется их происхождением, сферой бытования, стилистической прикреплённостью, лексико-семантическими связями.

Этот термин употребляется в музыкальной литературе и в более «приземленном» значении, которое описывает физические свойства голоса или звука, ср.:

***Полетность** — способность голоса быть слышимым на большом расстоянии при минимальных затратах сил говорящего или поющего. При этом и у того, кто говорит, и у того, кто слушает, возникает ощущение облегченного звукоизвлечения — голос как бы «летит» (Педагогическое речеведение); Музыканты и певцы высоко ценят еще одно важное свойство звука — его полетность. Это свойство определяется ими как способность звука лететь вдаль, распространяться на большие расстояния,*

а кроме того, выделяться на фоне других звуков, например, «резать» оркестр — **лететь** через оркестр (С. В. Рязанцев. В мире запахов и звуков. 1997). В книге В. П. Морозова «Тайны вокальной речи» (1967) есть раздел с названием «Курьезы **полетности** голоса».

Однако это слово долгое время не было отражено в словарях. В первом издании Малого академического словаря (МАСа) слово *полѣтность* отсутствует [Евгеньева (ред.), 1957–1961], не было его и в орфографическом словаре (1974)². Оно не зафиксировано и в «Грамматическом словаре русского языка» [Зализняк 1977], где содержится более 3000 слов на -*ость*, и в «Обратном словаре русского языка», представляющем более 4500 образований с суффиксом -*ость* [Обратный словарь... 1974]. Отсутствие в словарях свидетельствовало о неузуральности этого существительного, о неупотребительности его в общелитературном языке.

Действительно, оно относится к области музыкальной терминологии и используется в специальной и музыкально-критической, мемуарной литературе. Появление этого слова, однако, вполне естественно и возможно и в других сферах речи с экспрессивно-стилистическим заданием (для создания определенного образа, для передачи идеи порыва, полета, высокой устремленности, ср., например: *Песнь его души, ее **полетность** отделяла поэта от простых смертных* (Из газет. 1993); *Заметили **полетность** руки, учли глазомер, заставили, еще в начальных классах, особых художеств не предполагавших, малевать побольше...* (Б. Евсеев. Евстигней. 2010); (о народной музыке) *Главенствует хоровое, надличностное начало. Удивителен ансамблевый строй: голоса пряят в свободном распеве, сопрягаясь, давая импульсы друг другу. Слушая или подпевая, чувствуешь какую-то особую устремленность, **полетность**, возвышенность* (<https://www.perunica.ru/folk/6068-staroe-novoe-vechnoe-poyut-narodnye-ispolniteli-sela-verhnyaya-pokrovka-1988.html>).

А также оно употребляется и в еще одном значении, более близком к прямому, связанному с движением, которое по своей легкости уподобляется полету. Например, в танцевальной сфере, ср.: *А когда я приходил на Матюхину, танцующую Китри, я мог расслабиться и ожидать от спектакля только наслаждения. Ее невесомые прыжки, **полетность** и безукоризненная техника всегда внушали полное доверие и никогда не вызывали на финальном фуэте опасливого ожидания: вдруг сойдет, не докрутит, не дай бог упадет — у нее всегда оставался запас* (Континент Сибирь. 26.07.2021); *Задиристая бодрость чардаша сменялась **полетностью** зажигательного канкана, экспрессивность вербункоша контрастировала с меланхоличностью вальса*

² См. «Орфографический словарь русского языка» [Бархударов и др. (ред.) 1974].

и цыганского романа (Моргаушская районная газета. 14.05.2021); *Ни один зритель в зале не останется равнодушным от представления, ведь каждый выход танцоров — это искрометный юмор, завораживающие хороводы, полётность прыжков и вихревые вращения, чередование красок и ритмов, колоритные национальные костюмы Украины* (Атмосфера. 16.06.2021).

Существительное «полётность» можно отнести к разряду потенциальных слов, т. е. слов, «имеющихся в языке в потенции... которые произведены, но еще не закреплены традицией словоупотребления или могут быть произведены по образцу слов высокопродуктивных словообразовательных типов» [Земская 1973: 218]. Исследователи подчеркивают, что большей частью «бывает трудно установить, являются ли они новыми в языке или уже и ранее существовали в нем» [Там же]³. Эти наблюдения имеют прямое отношение и к слову *полётность*. Очевидно, что *полётность* и *полётный*, имея общий корень, семантически связаны со словом *полёт*, многозначным существительным, среди значений которого Большой академический словарь (БАС⁴) выделяет такие: 1) Передвижение, перемещение по воздуху в каком-либо направлении; 2) Авиационный вылет, рейс; 3) *Перен.* О быстром, стремительном перемещении, передвижении...; 5) *Перен.* Устремление, порыв.

Не фиксируя слово *полётность*, словарь приводит прилагательное *полётный*, определяя его как «относящийся к полету» (в 1-м и 2-м знач.), не отмечая у него переносного значения.

Однако некоторые потенциальные слова со временем могут закрепиться в языке, войти в узус и получить отражение в словарях. Так произошло и со словом *полётность*. Уже во втором издании МАСа это слово фиксируется, ср.:

ПОЛЁТНОСТЬ, -и, ж. Наличие полета (во 2 знач.), вдохновенная устремленность. *Полетность финала симфонии. Полетность пения.*
□ Особенно близки были Софроницкому скрябинская *мятежность*, *полетность* и *озаренность* игры. Я. Мильштейн, О В. В. Софроницком.

ПОЛЁТ, -а, м. 1. Движение, перемещение кого-, чего-л. летящего... || Спец. Акробатический или балетный прыжок на большое расстояние... || Воздушный рейс с определенным заданием. 2. *перен.*; чего или какой. Устремление, порыв. *Творческий полет фантазии...*

³ Еще в 40-е годы Г. О. Винокур писал: «В каждом языке, наряду с употребляющимися в повседневной практике словами, существуют, кроме того, своего рода “потенциальные слова”, т. е. слова, которых фактически нет, но которые могли бы быть, если того захотела бы историческая случайность» [Винокур 1943: 15]. Эта идея прорабатывалась в ряде исследований и впоследствии (см. работы А. И. Смирницкого, Э. И. Хан-Пиры и др.).

⁴ БАС — Большой академический словарь, см. [Тимофеев, Меделец (ред.) 1960].

В Большом толковом словаре (под ред. С. А. Кузнецова) также встречаем:

ПОЛЁТНОСТЬ, -и; *ж.* Наличие полёта (4 зн.); вдохновенная устремлённость. *П. финала симфонии. П. пения, игры;*

ПОЛЁТ, -а; *м.* 1. Движение, перемещение по воздуху в каком-л. направлении. ... 2. *Спец.* Спортивный, акробатический или бальный прыжок на большое расстояние. *Исполнять прыжки и полёты. Застыть в полёте...* 3. Воздушный рейс с определённым заданием... 4. Устремление, порыв. *Творческий п. фантазии...*;

<Полётный, -ая, -ое (1, 3 зн.). *П-ое обмундирование. П-ые листы, карты. П-ое поле. П. день...* [Кузнецов (ред.) 2006].

Уже в одной из своих ранних работ Д. Н. Шмелев указывал на важную роль многозначности для создания новых наименований: «В словарном творчестве, начиная с самых элементарных его форм, постоянно используется многозначность слова, возможность “прямого” и “переносного” его употребления» [Шмелев 1960: 143]. Пример такого рода мы имеем и в нашем случае, одно из значений соотносится с прямым значением слова *полёт* (‘перемещение звука по воздуху’), а другое со специальным (‘акробатический или бальный прыжок’), третье — с переносным. Примечательно, что словарной фиксации удостоилось именно это переносное значение. Остальные так и остались в сфере профессиональной терминологии.

На основе одного из переносных значений многозначного слова *полёт* (‘порыв, устремление’) возник новый словесный ряд, включающий и прилагательное, и существительное (и наречие). Но каков был путь образования этих слов?!

Обычный, традиционный способ создания отвлеченного имени, оформленного суффиксом *-ость*, — от соответствующего однокоренного имени прилагательного, ср.: *гениальный — гениальность, мятежный — мятежность, порывистый — порывистость* и т. д. Имена на *-ость* представляют в русском языке обширную, постоянно пополняющуюся группу существительных («имен качества» [Золотова 1976])⁵. Свойственное им общее значение отвлеченного (опредмеченного) признака проявляется некоторыми оттенками, что связано в первую очередь с разными структурно-семантическими типами производящих основ (имен прилагательных). Так, наряду с именами, передающими значение «собственно качества» (*яркость, щедрость*), широко распространены деадъективы, обозначающие «признак, определяемый наличием того, что называет

⁵ Суффикс *-ость* исторически является одним из наиболее продуктивных выразителей отвлеченного значения свойства, качества, состояния, в связи с чем ему уделяли внимание многие лингвисты: В. В. Виноградов [Виноградов 1947], С. П. Обнорский, Ю. С. Сорокин [Сорокин 1965] и др.

производящая основа» (*облачность, влажность*)), а также обозначающие «свойство, состояние кого-чего-либо» (*робость, бодрость*) и нек. др.

Существительное *полётность* с полным правом может занять свое место в кругу таких имен, обозначая отличительный признак, качественную характеристику определенного явления (музыки гениального композитора). В то же время это слово выступает из ряда типовых, узуальных отадъективных образований с суффиксом *-ость*: обозначая, называя особое, уникальное явление, существительное *полётность* отличается и своим семантико-стилистическим статусом. «Семантика имен на *-ость* во многом зависит от того, — писал акад. В. В. Виноградов, — употребляются ли они “абсолютивно” или в сочетании с родительным падежом существительного, качество и внутреннее свойство которого они выражают» [Виноградов 1947: 128].

Полётность употребляется преимущественно абсолютивно, приобретая «терминированный» характер (ср. использование именно этого слова-характеристики во многих работах о Скрябине). Ю. С. Сорокин, исследуя развитие словарного состава русского языка середины XIX века, обращает наше внимание на процесс приобретения многими именами на *-ость* абсолютивного употребления, на их «склонность к семантическому обособлению и независимость от соответствующих прилагательных» [Сорокин 1965: 189].

В нашем случае языковая ситуация представляется даже более сложной, так как «соответствующее» прилагательное — *полётный* в значении, соотносимом с семантикой «порыва, высокого устремления», — не зафиксировано словарями русского языка. Можно предположить, что оно возникло в связи с появлением существительного, параллельно с ним.

Наблюдения за функционированием образований с суффиксом *-ость* в современном языке дают интересный материал для нового взгляда на процессы создания таких существительных. Ср. некоторые примеры: «Он [Муслим Магомаев. — Е. Г.] был в те годы самым известным певцом, звездой, но как-то этой **звездности** в нем не было» (Р/с «Эхо Москвы». 10.04.95; музыковед Анатолий Агамиров); «Они-то и принесут всю личность и **ценнобумажность**» (Р/с «Эхо Москвы». 07.04.95; ведущий Сергей Корзун); «Университетское образование стремится к тому, чтобы избежать однобокости, **“флюсовости”**, по выражению Козьмы Пруткова» (Специальный выпуск газеты Российского открытого университета. 1994. № 3); «**Fremdwort’ность** таких прилагательных не тускнеет в современном русском языке... Группа в языке малопродуктивна, она слишком Fremd (М. В. Панов); «Наряду с такими голосами, исполненными веры в могущество “системы” и во “все-ей-нипочемность”, есть и осторожно сомневающиеся» (Ю. Н. Караулов).

Высокая активность этого словообразовательного форманта, фактически полное отсутствие каких-либо ограничений (см. работы Н. А. Еськовой) в сочетаемости с основами и его четкая, определенная семантика создают условия для расширения круга основ и соединения этого форманта с новым типом основ. Приведенные выше примеры и другие подобные образования дают возможность сделать следующий вывод: минуя формальный шаг — прилагательное — суффикс *-ость/-ность* развивает способность сочетаться непосредственно с основами имен существительных (или других частей речи). Вот еще один, бесспорный, пример: «Он выбрал картину. Ее называют *“Три зубра”*. На ней изображен сам Зубр, он сидит, держит руки на фигуре зубра, на стене, над ним, висит фотография Нильса Бора. Обычная, известная фотография, но в соседстве с этими двумя зубрами у Нильса Бора тоже проступает *“зубрость”*, бычье упорство, тяжелая челюсть, сосредоточенность и диковатость, неприрученность зубров...» (Д. Гранин).

Очевидно, что здесь отвлеченное имя произведено непосредственно от основы существительного (зубр), без участия прилагательного, то есть «зубрость» возникла не путем синтаксической деривации (по Курилову) и является результатом независимой (лексической) деривации⁶.

Эту тенденцию заметили и другие исследователи, ср.: «Кажется, что следует признать возможность образования в различных стилях книжной речи, как и в разговорной, существительных с суффиксом *-ость/-ность*... от существительных же... и от предложных сочетаний с существительными, ср.: И прежде случалось мне испытывать странное чувство, что неудачи начинаются с той минуты, как уезжает Андрей. *Безандрейность* — сочувственно спрашивала Лена (Каверин. Открытая книга)» [Виноградова 1984: 17, 111], см. также [Земская 1992]⁷.

В. Н. Виноградова, исследуя стилистический аспект русского словообразования, наряду с другими наблюдениями делает следующий вывод: имена качества (например, в художественной речи) «могут сохранять метафоричность мотивирующего их прилагательного или получать метафорическое значение при образовании непосредственно от существительного» [Виноградова 1984: 130].

Пример такого рода дают нам семантические и словообразовательные связи слова *полётность*, созданного на основе одного из переносных значений существительного *полёт*. Высокие устремления, драматизм,

⁶ Продуктивность и функционирование отвлеченных имен разных типов во многом зависит от тех процессов, с которыми связано их образование. Рассмотрение некоторых типов лексических единиц как результатов определенного транспозиционного процесса, как известно, восходит к Ежи Курилову. Практика современного словотворчества вносит некоторые дополнения в теорию.

⁷ Суффикс *-ость* в ряде случаев выступает с интерфиксом *-н-*.

ощущение эмоционального взрыва, образы стихии, бури, лирически-созерцательные раздумья — эти музыкальные образы вызывают к жизни и соответствующие им слова-характеристики. Для произведений Скрябина характерны авторские ремарки, определяющие характер исполнения: *tempestoso* (бурно), *presto tenebroso*, *agitato* (очень быстро, сумрачно, возбужденно), *patetico* (патетически), гневно, гордо; спокойно, сосредоточенно и под., например: «Первая тема ее (поэмы “К Пламени”) построена на приглушенных сумрачных аккордах... постепенно уходящих в низкий регистр, после погружения в который начинается как бы разгорание языков пламени, достигающее яркой, сияющей звучности, прорезаемой волевыми призывными возгласами («подобно ф а н ф а р е» — гласит ремарка...). В Седьмой (сонате)... стремительные взлеты приводят к сильному эмоциональному напряжению с отчетливо выраженными чертами *фанфарности*» [Бэлза 1983: 146, 149].

В музыкально-критической литературе, посвященной творчеству Скрябина, используются и другие имена-характеристики, например *гимничность*, *сонатность*, *балладность*, *картинность*, *поэмность*. Эти имена, называющие определенный признак, свойственный музыке композитора, также можно считать и семантически, и формально связанными с существительными, что подтверждает во многих случаях и контекст, ср., например: «Подобно Шопену, Скрябин сочетал в своих этюдах *поэмность* с определенной технической задачей, причем в основу каждого этюда легли принципы не программности или *картинности* (напомним, что впоследствии Рахманинов называл свои сочинения в этом жанре “этюдами-картинами”), а психологической углубленности... Четвертый этюд можно смело назвать лирической поэмой — столько в нем лирической экспрессии и мелодической красоты... Все этюды нового цикла наделены чертами *поэмности*» [Бэлза 1983: 95].

В разной степени, но все эти образования несут в себе образную эмоциональность, экспрессию, что объясняется не только семантико-слово-образовательными особенностями этих имен, но и их стилистической прикрепленностью и ассоциативно-эмоциональными связями.

Литература

- Бархударов С. Г. и др. (ред.). Орфографический словарь русского языка. Изд. 13-е. М.: Русский язык. 1974. 480 с.
- Бэлза И. Ф. Александр Николаевич Скрябин. М.: Музыка, 1983. 176 с.
- Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.–Л.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1947. 783 с.

- Виноградова В. Н. Стилистический аспект русского словообразования. М.: Наука, 1984. 184 с.
- Винокур Г. О. Маяковский — новатор языка. М.: Советский писатель, 1943. 136 с.
- Дельсон В. Ю. Фортепианные сонаты Скрябина. М.: Музгиз, 1971. 47 с.
- Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка: в 4 т. Т. 3. П–Р / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; 1-е изд. М.: 1957–1961; 2-е изд. (испр. и доп.). М.: Рус. яз., 1981–1984.
- Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. М.: Русский язык. 1977. 879 с.
- Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М.: Наука, 1973. 328 с.
- Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М.: Наука, 1992. 220 с.
- Золотова Г. А. О синтаксических свойствах имен качества // Синтаксис и стилистика. М.: Наука, 1976. 316 с.
- Кузнецов С. А. (ред.). Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2006. 1536 с.
- Михайлов М. К. Александр Николаевич Скрябин. Л.: Музыка. 1982. 108 с.
- Обратный словарь русского языка. М.: Советская энциклопедия. 1974. 944 с.
- Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90-е гг. XIX в. М.–Л.: Наука, 1965. 565 с.
- Тимофеев К. А., Меделец Н. М. (ред.). Большой академический словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. Т. 10. М.–Л.: Изд-во академии наук СССР, 1960. 1774 с.
- Шмелев Д. Н. Можно ли отвлечься от «речевой оболочки»? // Вопросы литературы. 1960. № 4.
- Шмелев Д. Н. Слово и образ. М.: Наука, 1964. 119 с.

References

- Barkhudarov et al. (eds.). *Orfograficheskii slovar' russkogo yazyka. Izd. 13-e* [Spelling dictionary of the Russian language. Ed. 13th] Moscow. Russkii Yazyk Publ. 1974. 480 p.
- Belza I. F. *Aleksandr Nikolaevich Skryabin* [Aleksandr Nikolaevich Skryabin]. Moscow, Muzyka Publ., 1983. 176 p.
- Del'son V. Yu. *Fortepiannye sonaty Skryabina* [Scriabin's piano sonatas]. Moscow, 1971. 47 p.
- Evgen'eva A. P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 volumes. V. 2 K–O]. Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistic Research. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1983. 736 p.
- Kuznetsov S. A. (ed.). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Great dictionary of the Russian language]. St. Petersburg, Norint, 2008. 1536 p.
- Mikhailov M. K. *Aleksandr Nikolaevich Skryabin* [Aleksandr Nikolaevich Skryabin]. Leningrad, 1982. 108 p.
- Shmelev D. N. [Is it possible to get distracted from the “speech shell”?]. *Voprosy literatury*, 1960, no. 4. (In Russ.)

- Shmelev D. N. *Slovo i obraz* [Word and image]. Moscow, Nauka Publ., 1964. 119 p.
- Sorokin Yu. S. *Razvitie slovarnogo sostava russkogo literaturnogo yazyka. 30–90-e gg. XIX v.* [Development of the vocabulary of the Russian literary language. 30–90s of the XIX century]. Moscow–Leningrad, 1965. 565 p.
- Timofeev K. A., Medeleets N. M. (eds.). *Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo yazyka* [Large academic dictionary of the Russian language]. Russian Academy of Sciences, Institute of linguistic research; V. 10. Moscow–Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1960, 1774 p.
- Vinogradov V. V. *Russkii yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove* [Russian language. Grammar teaching about the word]. Moscow–Leningrad, 1947. 783 p.
- Vinogradova V. N. *Stilisticheskii aspekt russkogo slovoobrazovaniya* [The stylistic aspect of Russian word formation]. Moscow, Nauka Publ., 1984. 184 p.
- Vinokur G. O. *Mayakovskii – novator yazyka* [Mayakovsky – a language innovator]. Moscow, Sovetskii Pisatel' Publ., 1943. 136 p.
- Zemskaya E. A. *Sovremennyi russkii yazyk. Slovoobrazovanie* [Modern Russian language. Word formation]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 328 p.
- Zemskaya E. A. *Slovoobrazovanie kak deyatel'nost'* [Word formation as an activity]. Moscow, Nauka Publ. 1992. 220 p.
- Zolotova G. A. [On the syntactic properties of quality names]. *Sintaksis i stilistika* [Syntax and stylistics]. Moscow, Nauka Publ. 1976. 316 p.

Об одном случае полной диссимиляции в русском языке

Сергей Владимирович Князев, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия), svknia@gmail.com

DOI: 10.31857/S013161170017966-1

АННОТАЦИЯ: В статье излагаются новые результаты экспериментального исследования возможности полной диссимиляции конечных в группе согласных [р] и [в] в позиции перед идентичным согласным в следующем слоге в современном русском литературном языке.

В ходе первого эксперимента были сопоставлены слова двух групп — с аналогичным согласным в следующем слоге (*черствого, распространяется, чувствовать, первого*) и без него (*черствая, распространяются, чувство, первая*). В эксперименте приняли участие 72 диктора, студенты МГУ имени М. В. Ломоносова, носители современного русского литературного произношения в возрасте от 18 до 28 лет. 1129 полученных от них слов были проанализированы с использованием программы PRAAT: измерены значение второй форманты в начале вокалического элемента после исследуемого сочетания согласных, направление изменения второй форманты, характер распределения интенсивности в слове, наличие или отсутствие закрытой фазы согласного [р]. Полученные данные свидетельствуют о том, что в словах первой группы (*черствого, чувствовать, первого*) [в] отсутствует в 74–91 % случаев, второй (*черствая, чувство, первая*) — в 3–7 %; [р] в слове первой группы (*распространяется*) отсутствует в 85–90 % случаев, в слове второй группы (*распростирается*) — в 1–18 % случаев; при этом наблюдается слабая зависимость ассимиляции от типа фразовой позиции (положения слова во фразе); а отсутствие согласного тем вероятнее, чем

больше согласных в составе консонантного сочетания, в который он входит.

Следующий эксперимент был посвящен анализу влияния места ударения в слове на наличие или отсутствие полной диссимилиации [в] в сочетании согласных перед [в] следующего слога. От тех же 72 носителей современного русского литературного произношения получен 141 стимул со словами *торжествовать* и *ходатайствовать*, которые были проанализированы с использованием программы PRAAT аналогично первому эксперименту. Результаты свидетельствуют о том, что полная диссимилиация значительно чаще происходит перед безударным слогом (91 % всех исследованных случаев), чем перед ударным (37 %); таким образом, в соответствии с исходной гипотезой, ее наличие зависит от положения согласных в слове относительно ударения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русский язык, фонетика, диссимилиация

для цитирования: Князев С. В. Об одном случае полной диссимилиации в русском языке // Русская речь. 2021. № 6. С. 31–49. DOI: 10.31857/S013161170017966-1.

Issues of Modern Russian Language

On a Case of Complete Lag Dissimilation in Modern Standard Russian

Sergey V. Knyazev, Vinogradov Russian Language Institute (Russian Academy of Sciences)
(Russia, Moscow), svknia@gmail.com

ABSTRACT: The present paper reports some new results of the experimental research aimed at finding out whether the complete regressive lag dissimilation is possible for coronal vibrant [r] and labio-dental fricative/approximant [v] in a position before the same consonant in the following syllable in Modern Standard Russian.

The first experiment examined consonant cluster regressive lag dissimilation in two groups of words. The first group included words with consonant clusters with final [r] or [v] followed by the homorganic consonant in the next syllable (*chyorstvogo*, *rasprostranyayutsya*, *chuvstvovat'*, *pervogo*). The second group included words with the same consonant clusters but no homorganic consonant was present in the next syllable (*chyorstvaya*, *rasprostirayutsya*, *chuvstvo*, *pervaya*). Seventy-two speakers of Modern Standard Russian — students of Moscow State University from 18 up to 28 years of age — participated in the study. A total of 1129 tokens were manually analyzed using Praat software. Specifically, in order to detect the presence or absence of the target sounds, for labio-dental fricative/approximant [v], the second formant's and intensity values in a vocalic part of segment adjacent to dental stop [t] (e.g., *chyorstvogo*) or coronal vibrant (e.g., *pervogo*) were measured; for vibrant [r], the closure part was analyzed. The results showed that [v] consonant was absent in 74–91 % of cases in the words of the first group, but only in 3–7 % of cases in the words of the second group. Similarly, [r] was absent in 85–90 % in the words of the first group and 1–18 % in the words of the second group. Moreover, although the deletion of the cluster final [r] and [v] was detected in all clusters analyzed in this study, it is more likely to be observed in a cluster containing more than two consonants. Furthermore, the present findings demonstrated that the dissimilation might depend on the position of the word in a phrase, being more frequent for the words under phrase accent.

The follow-up experiment was designed to assess the effect of word stress on the complete regressive lag dissimilation of the consonant cluster with labio-dental fricative/approximant [stv]. A total of 141 tokens from 72 Modern Russian speakers were obtained, the stimuli included two words *kho'dataystvovat'* and *torzhestvo'vat'* and were analyzed in PRAAT. The results showed that the dissimilation can be found more often before unstressed syllable than before the stressed one (91 % and 37 % of cases, respectively). Thus, in accordance with the initial hypothesis, the second experiment demonstrated that complete regressive lag dissimilation (consonant deletion) depends on the consonant cluster position in a word.

KEYWORDS: Russian, phonetics, dissimilation

для цитирования: Knyazev S. V. On a Case of Complete Lag Dissimilation in Modern Standard Russian. *Russian Speech = Russkaya Rech'*. 2021. No. 6. Pp. 31–49. DOI: 10.31857/S013161170017966-1.

0. Введение

В живой речи произношение звуков может определяться их положением в слове, а также характером соседних звуков. Основными типами взаимодействия звуков друг с другом являются их **ассимиляция** (уподобление) и **диссимиляция** (расподобление). В первом случае один или несколько признаков звука уподобляются соответствующим признакам другого (в русском языке чаще всего последующего); так, в слове *бесполезный* конечный согласный приставки *без-* оглушается под влиянием следующего глухого согласного, а в слове *бессистемный* еще и смягчается в положении перед мягким. Ассимиляция чаще всего происходит между контактирующими звуками¹ и может приводить к совпадению звуков по всем признакам (например, в слове *бесшумный* в конце приставки произносится [ш], такой же, как и в начале корня); в этом случае она называется полной.

Во втором случае один или несколько признаков сходных или одинаковых звуков, находящихся в относительной близости друг от друга, меняют свое значение на противоположное и звуки эти становятся менее похожими. Так, в русском языке в словах *что, конечно* на месте *ч* произносится [ш], а в словах *мягкий, лёгкий* на месте *г* — [х']. Диссимиляции могут подвергаться звуки и не находящиеся в непосредственном контакте друг с другом², например, в слове *коридор* возможно (хоть ненормативно) произношение [л'] на месте первого *р*, а старославянское слово *вельблѣдъ* (*вельблуд*) изменилось в *верблуд* в результате замены первого [л'] на [р].

Согласно самой распространенной теории звуковых изменений основной причиной диссимиляции принято считать восприятие носителями языка двух сходных соседних элементов как результата их ассимиляции [Ohala 1981; 1992; 1993], другое объяснение может заключаться в артикуляционной сложности произношения двух похожих звуков в соседстве друг с другом [Garrett & Johnson 2013; Garrett 2015]. В целом диссимиляция гораздо чаще встречается в области согласных, нежели гласных, при этом наиболее частотными являются изменения по месту образования согласных, наличию/отсутствию голоса, а также изменения, связанные с расподоблением звуков типа [л] (боковых) и [р] (дрожащих) [Suzuki 1998]. В этом плане современный русский литературный язык (СРЛЯ) представляет собой не вполне типичную картину, поскольку наиболее частотным типом диссимиляции в нем является расподобление именно по способу образования согласных.

¹ И называется в этом случае контактной.

² В этом случае диссимиляция называется дистантной.

Слуховой анализ современного произношения свидетельствует о том, что в литературном русском языке в словах *распространяются*, *свидетельствовать*, *чувствовать* и т. п. последний в сочетании согласных [р] или [в] (подчеркнутый в приведенных выше примерах) в обычной речи часто не произносится: [р'сп'стран'айуц:ъ], [св'ид'эт'ыл'ств'ът'], [ч'уств'ът']. Например, по данным МУРКО (мультимедийного подкорпуса НКРЯ [Гришина 2015]), в слове *чувствовал* этот согласный не произносят такие эталонные носители литературного русского языка, как А. А. Зализняк, С. П. Капица, К. И. Чуковский, А. Миронов, А. Ширвиндт, Р. Плятт, С. Бондарчук, М. Державин, М. Ульянов, Л. Дуров, Е. Весник, Е. Копелян, Ф. Искандер, Э. Лимонов, М. Чудакова и многие другие³. Возможность такого произношения отмечена и в «Большом орфоэпическом словаре русского языка» [Касаткин (ред.) 2012]. Однако в словах *распро-давать*, *свидетельство*, *чувствуешь* и т. п. отсутствия данного согласного чаще всего не фиксируется⁴. На основании этих наблюдений можно сформулировать предположение, что отсутствие [р] и [в] в указанных сочетаниях может быть обусловлено наличием идентичного согласного в следующем слогое того же слова; если это действительно так, то в данном случае имеет место процесс, в результате которого происходит выпадение согласного вследствие наличия такого же согласного в ближайшем окружении; его можно назвать полной диссимилиацией⁵, поскольку в результате расподобления один из согласных полностью устраняется. Данная статья посвящена изложению результатов экспериментальной проверки этой гипотезы.

1. Эксперимент 1: наличие/отсутствие диссимилиации

В ходе первого эксперимента была протестирована гипотеза о зависимости реализации конечного в сочетании согласного от наличия/отсутствия того же согласного в следующем слогое.

1.1. Процедура эксперимента: материалы, методы, участники

Основным **материалом** исследования служили слова с наличием в них внутрисловного сочетания с согласным *р* или *в* в его конце в слогое с безударным гласным и наличием либо отсутствием в следующем безударном

³ https://processing.ruscorpora.ru/search.xml?lang=ru&sort=i_grtagging&req=чувствовал&g=i_doc&format=html&spp=50&text=lexform&dpp=10&kwsz=5&p=6&mode=murco&sr=1&spd=10&nodia=1&out=normal

⁴ Хотя в разговорной речи спорадически возможно и оно [Земская (ред.): 90].

⁵ В данном случае — дистантной.

слоге того же согласного ([р] или [в] соответственно). Для экспериментального анализа были отобраны четыре пары слов, удовлетворяющие этим требованиям: *черствого*, *распространяются*, *чувствовать*, *первого* и *черствая*, *распростираются*, *чувство*, *первая*. Для слова *распространяются* в качестве основания для сравнения было выбрано слово *распростираются*, которое встречается в Национальном корпусе русского языка⁶ и, как и слово *распространяются*, содержит сочетание согласных в следующем после анализируемого слоге, а кроме того, еще и согласный [р] в слоге через один от анализируемого, что делает его максимально сходным с тестовым словом (с отличием только в исследуемом параметре — наличием либо отсутствием идентичного согласного именно в последующем слоге). Выбор этих пар — и этого их количества — был обусловлен тем, что для сочетаний с *р* другие общеупотребительные примеры, удовлетворяющие перечисленным выше условиям, отсутствуют, а для случаев с *в* были отобраны примеры, различающиеся количеством согласных в исследуемом сочетании: два (*первого/первая*), три (*чувствовать/чувство*) и четыре (*черствого/черствая*).

Охарактеризованные выше слова были помещены в предложения как в сильной, так и в слабой фразовой позициях⁷, а предложения — в связный текст:

Экспериментальный текст 1

Тестовые примеры выделены подчеркиванием. Цифрой ¹ обозначены слова в сильной фразовой позиции, цифрой ² — в слабой.

— А вот как ваша первая² экспедиция прошла, вы помните?

— Ну, первая¹ была давно и, надо признать, не очень удачная была, так что ничего кроме чувства² досады никто из нас не испытал, а чувство¹ это — не из самых приятных. Но слухи распространяются² мгновенно, и теперь, конечно, никого этим не удивить, а мы добрались тогда до Алексеевки только ночью, наверное, в самом начале первого¹. Конечно, не на такой долгий путь мы рассчитывали; сейчас-то все вокруг только и делают, что распространяются¹ — и о переправах, и обо

⁶ См., например: *Вокруг нас распростирились луга в темных пятнах проталин* (М. Горький); *Бескрайняя страна Россия распростириается во все стороны* (Л. М. Леонов); *До самого края неба распростирилась равнина Фракийская* (Д. С. Мережковский).

⁷ О сильных и слабых фразовых позициях см. [Пауфощима 1983: 5–8]. Сильной обычно считается позиция слова в начале и конце фразы и его положение под фразовым акцентом (логическим ударением), слабой — позиция внутри фразы при отсутствии фразового акцента, чаще всего — в непосредственном соседстве с выделенным словом.

всём, и через Ульму тоже, но мы-то тогда ничего подобного и не подозревали и уже у первого² брода три часа проканителились; воды было столько, что пришлось всё на себе почувствовать¹: и сырость, и холод, и голод — даже кусочка чёрствого² хлеба во рту целый день не было, да и не могло быть чёрствого¹: припасы все мокрее мокрой курицы были после переправы. Но как зато прекрасно — почувствовать² восторг и счастье от того, что мы увидели утром после всех этих мытарств: вокруг распростираются² луга, за ними лес, на краю деревянная часовня и обетный крест...

- А это куда ж они там распростираются¹?
- Куда-куда, куда надо. Ладно, не хочешь слушать, давай спать тогда.
- Давайте, конечно, но наша чёрствая² начальница нас вряд ли оставит тут в покое.
- Ну, брось, не такая уж она и чёрствая¹ на самом деле: кто нам кашу утром варил ни свет ни заря, пока все дрыхли без задних ног? Да и вообще, это с виду только она такая суровая, а на самом деле очень за нас переживает.

В дальнейшем текст был прочитан **72 информантами**, студентами МГУ им. М. В. Ломоносова и Высшей школы экономики, носителями современного русского литературного произношения (место рождения не контролировалось), и записан непосредственно в память персонального компьютера. Все информанты имели возможность предварительно ознакомиться с текстами, которые им предстояло прочитать. Перед началом эксперимента дикторы были проинструктированы читать тексты как можно естественнее, а не стараться делать это театральнo, «с выражением». В результате было получено 1152 тестовых примера, из которых проанализировано было **1129** (23 примера были исключены из рассмотрения вследствие наличия в произношении информанта фразового акцента в предполагавшейся слабой фразовой позиции или его отсутствия в предполагавшейся сильной).

1.2. Процедура анализа

Процедура анализа была различной для сочетаний, заканчивающихся согласными [р] и [в]. В случае с дрожащим [р] принятие решения о его наличии или отсутствии в речи чаще всего не вызывает затруднений: он в подавляющем большинстве случаев характеризуется наличием как минимум одной закрытой фазы — очень краткого (обычно 20–40 мс) перерыва в звучании (соответствующего смыканию кончика языка с альвеолами или близкого ему сужению), а также хорошо заметным на динамических

спектрограммах⁸ резким понижением третьей форманты⁹ по направлению к смычке [Кодзасов, Кривнова 2001: 181]. Ниже на рис. 1 приведена спектрограмма слова *распространяются* в произношении информанта 63, на которой отчетливо видны закрытые фазы (краткие смычки) согласного [р] в первом и третьем слогах и ее отсутствие во втором.

В случае с [в] ситуация представляется более сложной: в позиции перед гласным он чаще всего похож на гласный, т. к. обычно присущая большинству согласных шумовая составляющая у него отсутствует, поэтому принятие решения о его наличии или отсутствии вызывает трудности. В этой связи решение в данном случае принималось на основании анализа других параметров:

- 1) Согласные [т] и [р], предшествующие [в] в тестовых примерах, — переднеязычные (они произносятся при помощи кончика языка), а сам [в] — губно-зубной; это различие на динамических спектрограммах отражается в положении и форме второй форманты (F_2) гласного звука, следующего за *-т-* или *-р-*: значения ниже 1100 Гц свидетельствуют о наличии губного согласного, выше 1300 Гц — о его отсутствии [Raphael et al 2012: 190–195]. На спектрограмме, приведенной ниже на рис. 2, видно, что в слове *чувствовать* значение F_2 гласного, следующего за [ст], выше на 485 Гц, чем в слове *чувство* (1462 и 977 Гц соответственно). На спектрограммах, приведенных ниже на рис. 3 и 5, можно наблюдать, что направление изменения F_2 в начале звука, следующего за *-т-*, различно: понижение на гласном по направлению к последующему [в] в словах *чёрствого* и *существовать* при отсутствии этого изменения в словах *чёрствая* и *существует*.
- 2) Гласные и согласные звуки характеризуются различной интенсивностью (с которой связана их громкость): у гласных она значительно выше. На этом основании можно достаточно надежно отличить сочетание «гласный + согласный + гласный» на месте сочетания *-ова-* в словах *участвовали*, *существовать*, в которых представлена структура [нарастание — спад — нарастание] интенсивности, от структуры с постепенным увеличением интенсивности, соответствующим сочетанию «согласный + гласный» ([ву]) в словах *участвуй* и *существует* (см. ниже рис. 4 и 5).

⁸ Визуальном представлении звуков, на котором можно наблюдать их основные физические параметры: длительность (на горизонтальной оси), частоту колебаний (на вертикальной) и интенсивность (передается степенью затемнения).

⁹ Области усиления энергии; на спектрограмме они выглядят в виде полос затемнения, нумерация начинается с самой нижней.

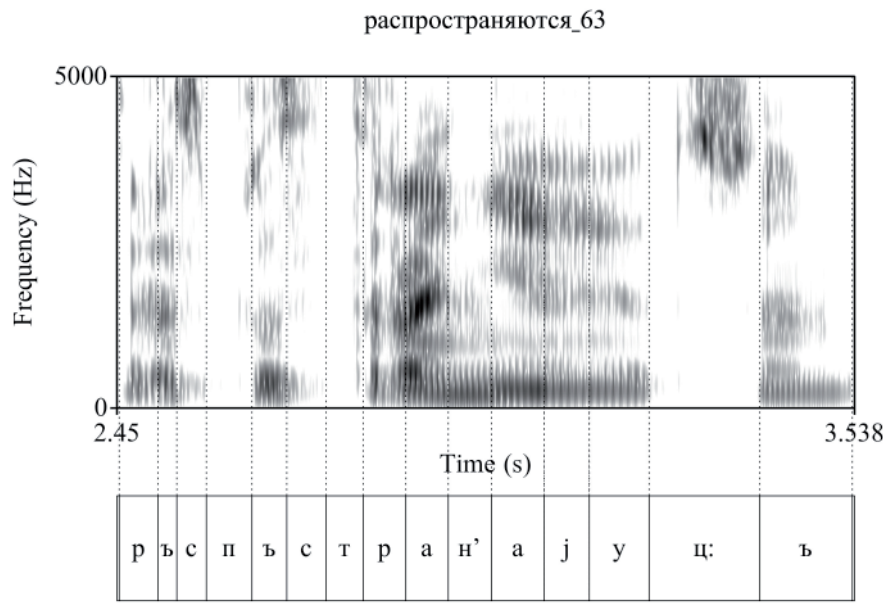

Рис. 1. Динамическая спектрограмма слова *распространяются* | Fig. 1. Dynamic spectrogram of the word *rasprostranyayutsya*

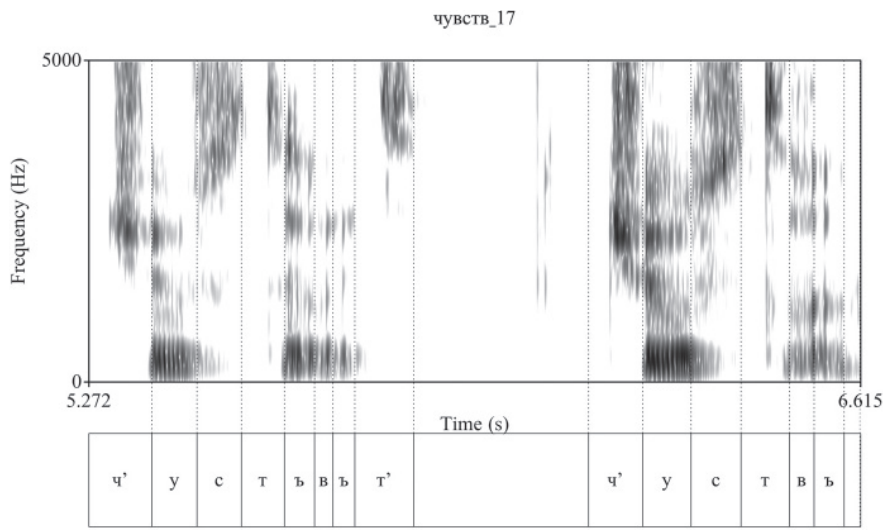

Рис. 2. Динамическая спектрограмма слов *чувствовать* (слева) и *чувство* (справа). В первом слове значение F_2 вокалического элемента, следующего за [ст], выше на 485 Гц (1462 и 977 Гц) | Fig. 2. Dynamic spectrogram of the words *chuvstvovat'* (on the left) and *chuvstvo* (on the right) F_2 of the vocoid element following [st] cluster is 485 Hz higher in *chuvstvovat'* (1462 vs 977 Hz)

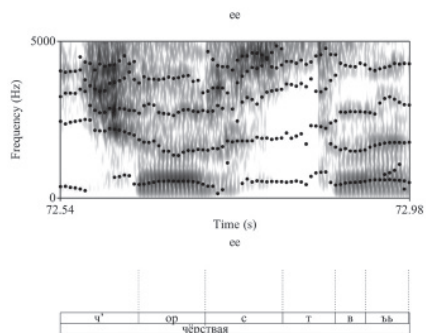

Рис. 3. Динамическая спектрограмма слов *чёрствая* (слева) и *чёрствого* (справа)

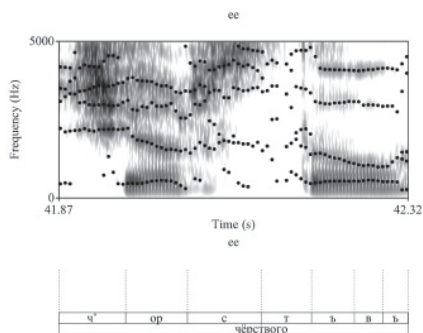

Fig. 3. Dynamic spectrogram of the words *cherstvaya* (on the left) and *cherstvogo* (on the right)

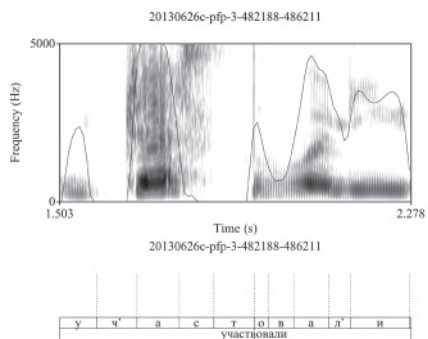

Рис. 4. Динамическая спектрограмма и кривая интенсивности слов *участвовали* (слева) и *участвуй* (справа)

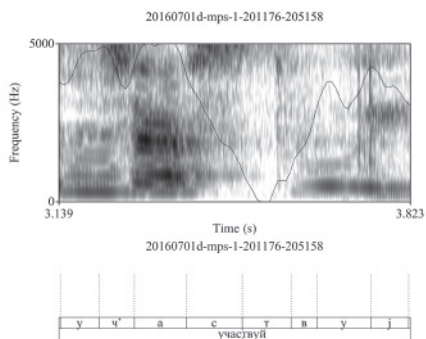

Fig. 4. Dynamic spectrogram and an intensity curve of the words *uchastvovali* (on the left) and *uchastvuy* (on the right)

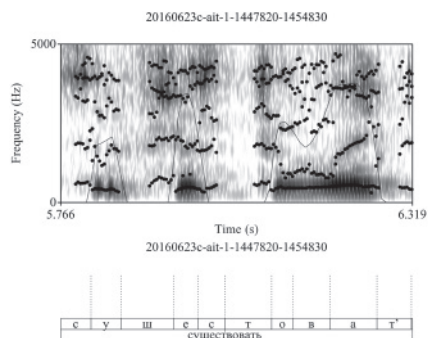

Рис. 5. Динамическая спектрограмма и кривая интенсивности слов *существовать* (слева) и *существует* (справа)

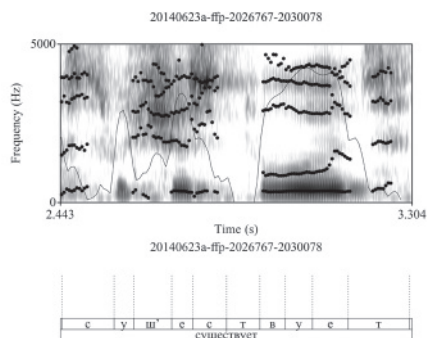

Fig. 5. Dynamic spectrogram and an intensity curve of the words *sushchestvovat'* (on the left) and *sushchestvuyet* (on the right)

1.3. Результаты

Результаты проведенного исследования обобщены в таблицах 1, 2, 3.

В таблице 1 представлены данные о наличии [р] в сочетании *-спр-* в словах *распространяются* и *распростираются* в сильной и слабой фразовых позициях.

Табл. 1. Наличие [р] в словах *распространяются* и *распростираются* в сильной и слабой фразовых позициях

Table 1. The presence of [r] in *-spr-* cluster in *rasprostranyajutsya* and *rasprostirajutsya* words

	сильная	слабая
<i>распространяются</i>	11 (15 %)	7 (10 %)
<i>распростираются</i>	71 (99 %)	59 (82 %)

Эти данные дают основания утверждать, что в позиции перед [р] следующего слога последний согласный в сочетании *спр* отсутствует в произношении 85 % информантов, принявших участие в исследовании, в сильной фразовой позиции и в произношении 90 % носителей — в слабой, в то время как при отсутствии [р] в слоге, непосредственно следующем за анализируемым, дрожащий обычно сохраняется в слабой фразовой позиции (82 % всех случаев) и практически всегда представлен в сильной (99 %). Результаты **статистического анализа** данных¹⁰ свидетельствуют о том, что тип контекста¹¹ является значимым предиктором реализации [р].

В таблице 2 представлены усредненные данные о значении второй форманты в начале вокалического элемента после сочетания согласных в парах слов *черствого/черствая*, *чувствовать/чувство*, *первого/первая* в разных типах фразовых позиций.

Эти данные позволяют заключить, что в позиции после согласного перед [в] следующего безударного слога сочетание «в + гласный» реализуется иначе, чем в случае, когда [в] в следующем слоге отсутствует: разница в положении F2 достигает почти 300 Гц в сильной фразовой позиции и 360 — в слабой. Во втором случае [в] в сочетаниях согласных в общем

¹⁰ В этом и последующих экспериментах для статистической обработки данных была построена бинарная логистическая регрессия в среде R, версия 4.0.2 [R Core Team 2019], с использованием функции *glm*, так как зависимая переменная, а именно реализация согласного, являлась бинарной: наличие vs отсутствие. В качестве предикторов был задан тип контекста (наличие vs отсутствие согласного в следующем слоге в двух первых экспериментах, место ударения в третьем), все предикторы были центрированы по среднему значению. Неясные случаи были закодированы как отсутствующие данные. Информационный критерий Акаике (AIC) модели достиг 194.03, 427.74 и 125.66 соответственно.

¹¹ $\beta = -2.433, p < 0.000$.

Табл. 2. Среднее значение F_2 (Гц) вокалического элемента на месте *в* в парах слов *черствого/черствая, чувствовать/чувство, первого/первая* в сильной и слабой фразовых позициях

Table 2. F_2 mean value of vocoid after consonantal cluster in *cherstvogo/cherstvaya, chuvstvovat'/chuvstvo, pervogo/pervaya* pairs; weak and strong phrase positions

	сильная	слабая
<i>черствого/черствая</i>	1317 – 1083 = 234	1396 – 1129 = 277
<i>чувствовать/чувство</i>	1371 – 1090 = 281	1444 – 1028 = 416
<i>первого/первая</i>	1378 – 993 = 385	1411 – 1006 = 405
перед [в] следующего слога // не перед [в] следующего слога	1355 – 1056 = 299	1417 – 1054 = 362

случае присутствует, о чем свидетельствует положение F_2 в диапазоне 1000–1100 Гц, в первом — отсутствует в произношении носителей современного русского языка как в слабой, так и в сильной фразовых позициях, о чем свидетельствует усредненное значение F_2 после согласных [т] и [р] в диапазоне 1300–1450 Гц (возможно, при этом предшествующие сочетанию «*в* + гласный» согласные произносятся с той или иной степенью губной артикуляции, что компенсирует утрату губного согласного в восприятии¹²).

Данные аудитивного анализа полностью согласуются с приведенными выше: в тех случаях, когда F_2 в начале сочетания «*в* + гласный» превышает 1250 Гц, на слух никакого губного элемента не отмечается, в тех же случаях, когда значение F_2 составляет менее 1150 Гц, этот элемент перцептивно фиксируется без сомнений и/или затруднений; промежуточные значения могут быть интерпретированы как тем, так и другим способом. Это наблюдение позволяет представить полученные в ходе эксперимента данные в виде таблицы (см. ниже табл. 3), где приведены данные о количестве случаев (в процентах от общего числа), в которых [в] в сочетании согласных присутствует (F_2 выше 1250 Гц), отсутствует (F_2 ниже 1150 Гц) или на этот вопрос ответить затруднительно (F_2 в диапазоне 1150–1250 Гц).

На основании данных, приведенных в таблице 3, можно заключить, что в сочетании согласных перед [в] в следующем слоге [в] произносится только в 9,7 % случаев (42 вхождения из 432), однако, если в следующем

¹² Такое явление может наблюдаться еще и в тех случаях, когда слово заканчивается трех- или четырехэлементным сочетанием, последним согласным в котором является [в]: этот [в], превышающий по степени сонорности предшествующие ему согласные, может не произноситься, чтобы не образовывался дополнительный слог; при этом следы его присутствия могут сохраняться в виде округления губ предшествующего согласного, например [ср'ец'ц^о] (*средств*).

Табл. 3. Наличие или отсутствие [в] в сочетании согласных в парах слов *черствого/черствая, чувствовать/чувство, первого/первая* без учета фразовой позиции

Table 3. The presence or absence of [v] in consonantal clusters in *cherstvogo/cherstvaya, chuvstvovat'/chuvstvo, pervogo/pervaya* pairs; all phrase positions

	наличие [в] (%)	неясные случаи (%)	отсутствие [в] (%)
<i>черствого/черствая</i>	12/128 (8/89)	1/6 (1/4)	131/10 (91/7)
<i>чувствовать/чувство</i>	6/133 (4/92)	7/7 (5/5)	131/4 (91/3)
<i>первого/первая</i>	24/136 (17/94)	13/4 (9/3)	107/4 (74/3)
перед [в] / не перед [в]	42/397 (10/92)	21/17 (5/4)	369/18 (86/4)

слоге [в] отсутствует, [в] в том же сочетании произносится в 91,8 % случаев (397 вхождений из 432). Результаты **статистического** анализа подтверждают, что тип контекста является значимым предиктором реализации [в]¹³.

2. Эксперимент 2: зависимость от места ударения

Можно предположить, что наличие или отсутствие описанного выше явления зависит от места ударения в слове, точнее от положения сочетания согласных относительно словесного ударения. На втором этапе исследования была протестирована эта гипотеза.

2.1. Процедура эксперимента: материалы, методы, участники

В качестве **материала** для анализа были выбраны слова *ходатайствовать* (с в в заударных слогах) и *торжествовать* (с в в первом предударном и ударном слогах). Эти слова также были помещены в предложения, в этот раз только в слабой фразовой позиции (поскольку, как показал описанный выше эксперимент, исследуемые явления фиксируются во всех типах фразовых позиций), а предложения — в связный текст.

Экспериментальный текст 2

(тестовые примеры выделены подчеркиванием)

— Ну, спасибо Вам за всё, что Вы для меня сделали. Не знаю, как бы я вывернулся, если б не Вы. С другим адвокатом мне б лет десять, наверное, впаляли.

¹³ $\beta = -5.240, p < 0.000$.

— Что ж, приятно это слышать, конечно, но что-то мне подсказывает, что рано ещё торжествовать победу: ходатайствовать в суде мы сейчас не можем, поэтому сразу в прокуратуру подаём прошение, по-моему, так шансов больше. Но в любом случае ещё придётся потерпеть недельку-другую.

Текст был прочитан теми же **72 информантами** и записан непосредственно в память персонального компьютера. Все информанты имели возможность предварительно ознакомиться с текстом, который им предстояло прочитать. Перед началом эксперимента дикторы были проинструктированы читать текст как можно естественнее, а не стараться делать это театрально, «с выражением». В результате было получено 144 тестовых примера, из которых проанализирован был 141 (3 примера были исключены из рассмотрения вследствие наличия в произношении информанта явного фразового акцента в предполагавшейся слабой фразовой позиции).

2.2. Процедура анализа

Процедура анализа для сочетаний, содержащих [в], была той же, что и в первом эксперименте: решение принималось не на основании поиска шумовых элементов в сигнале на месте [в], а на основании измерений значения интенсивности и частоты второй форманты (F_2) вокалического элемента, следующего за [т]: ее значения ниже 1150 Гц рассматривались как свидетельство наличия губного согласного, выше 1250 Гц — как показатель его отсутствия.

Ниже на рис. 6 приведена динамическая спектрограмма слова *ходатайствовать* в произношении информанта 49, на которой видно, что значение F_2 вокалического элемента, следующего за [т], составляет около 1400 Гц и понижается до 1150 Гц по направлению к [в] следующего слога; на рис. 6 представлена динамическая спектрограмма слова *торжествовать* в произношении того же информанта, на которой видно, что значение F_2 вокалического элемента, следующего за [т], сохраняется неизменным по направлению к [в] следующего слога (оно составляет 1032 Гц, что на 370 Гц ниже, чем в слове *ходатайствовать*). Таким образом, в произношении этого информанта в сочетании *-ств-* в слове *торжествовать* конечный элемент наличествует, а в слове *ходатайствовать* отсутствует.

2.3. Результаты

Результаты исследования приведены ниже в таблице 4. В ней представлены усредненные данные о значении второй форманты в начале вокалического элемента на месте [в] в паре слов *ходатайствовать/*

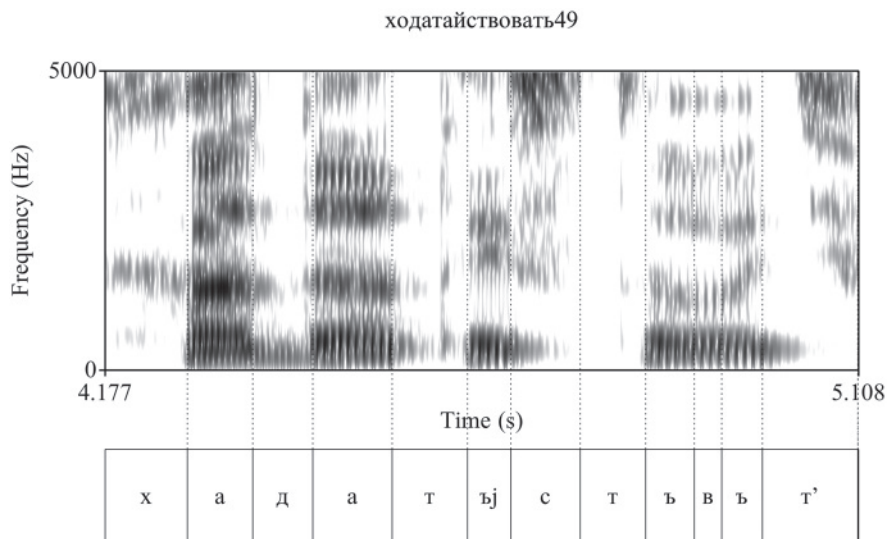

Рис. 6. Динамическая спектрограмма слова *ходатайствовать*. Значение F_2 вокалического элемента, следующего за сочетанием [ст], 1385 Гц и существенно понижается по направлению к [в] следующего слога

Fig. 6. Dynamic spectrogram of the word *khodataystvovat'*: F_2 of vocoid after [st] cluster is 1385 Hz and falls to [v] in the next syllable

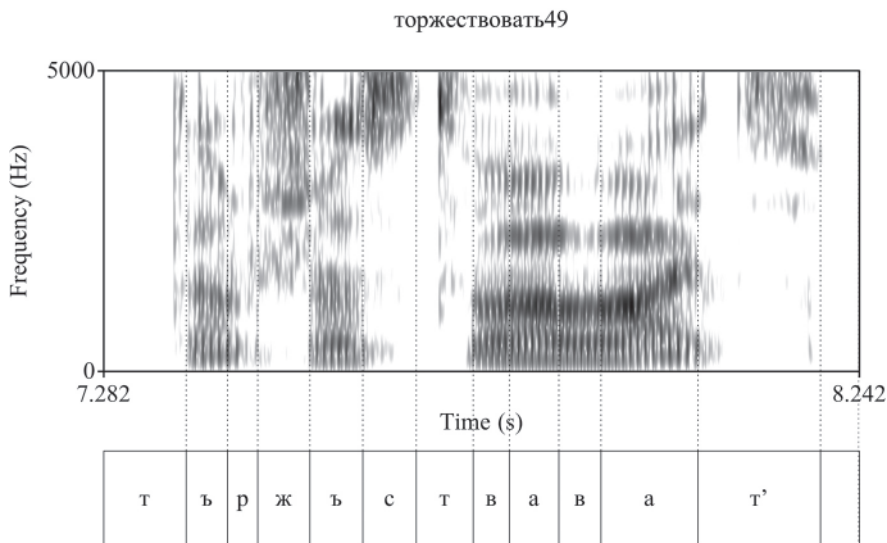

Рис. 7. Динамическая спектрограмма слова *торжествовать*. Значение F_2 вокалического элемента, следующего за [ст], 1079 Гц (на 306 Гц ниже, чем в слове *ходатайствовать*) и сохраняется неизменным по направлению к [в] следующего слога

Fig. 7. Dynamic spectrogram of the word *torzhestvovat'*: F_2 of vocoid after [st] cluster is 1079 Hz (309 Hz lower than in *khodataystvovat'*) and stable before [v] in the next syllable

Табл. 4. Среднее значение F_2 (Гц) вокалического элемента на месте *в* и наличие/отсутствие [в] в кластере -ств- в паре слов *ходатайствовать/торжествовать*

Table 4. F_2 mean value of vocoid after -stv- cluster and presence or absence of [v] in *khodataystvovat'/torzhestvovat'* pair

	<i>ходатайствовать</i>	<i>торжествовать</i>
F_2 (Гц)	1421	1229
наличие [в] (%)	6	54
неясные случаи (%)	3	9
отсутствие [в] (%)	91	37

торжествовать в слабой фразовой позиции, а также количество случаев (в процентах от общего числа), в которых [в] в сочетании присутствует, отсутствует или же на этот вопрос ответить затруднительно.

На основании данных, приведенных в таблице 4, можно заключить, что в заударном слоге (*ходатайствовать*) в сочетании согласных [в] произносится только в 5,5 % случаев (4 из 72), в то время как в предударном слоге (*торжествовать*) — в 54,2 % случаев (39 из 72). Статистический анализ полученных данных свидетельствует о том, что место ударения является значимым предиктором реализации [в]¹⁴.

3. Выводы

На основании полученных данных может быть сформулирован следующий вывод: результаты описанного выше экспериментально-фонетического исследования подтверждают гипотезу о том, что в безударных слогах в сочетаниях согласных, заканчивающихся сонорным [р] или [в], этот последний согласный в большинстве случаев отсутствует, если в следующем безударном слоге есть тот же согласный ([р] или [в] соответственно), причем количество согласных (в данном исследовании — от 2 до 4) в группе согласных на описанную реализацию влияет незначительно (хотя в двучленном сочетании отмечено наименьшее количество случаев нулевой реализации [в], в трех- и четырехэлементных кластерах отличий не зафиксировано).

Наличие или отсутствие [в] в сочетании согласных перед [в] следующего слога зависит от его положения относительно ударения в слове: если исследуемая группа согласных находится в первом предударном слоге, а такой же согласный, соответственно, в ударном, число нулевых реализаций [в]

¹⁴ $\beta = -3.010, p < 0.000$.

вследствие его диссимилиции следующему [в] существенно сокращается. Очевидным объяснением данному явлению может служить тот факт, что контроль говорящего за артикуляцией звуков вне просодического ядра слова (состоящего в СРЛЯ из ударного и первого предударного слогов) существенно ослабляется, и редукции в этом положении могут подвергаться не только гласные, но и согласные звуки при наличии для этого некоторых дополнительных условий — в частности, аналогичного согласного в следующем слоге.

Описанный в настоящем исследовании процесс может быть охарактеризован как **полная дистантная диссимилиция**: расподобление двух идентичных согласных в соседних слогах приводит к полной утрате одного из них. При этом, поскольку указанное явление хоть и очень частотно, но не обязательно, его следует отнести к случаям орфоэпической прикреплённости [Каленчук 1993], а не фонетической обусловленности или, в терминах классификации языковых изменений Р. Бермудеса-Отеро [Bermúdez-Otero 2007], к числу фонетически категориальных и лексически градуальных процессов.

Источники

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 30.08.2021).

Литература

- Гришина Е. А. Мультимодальный модуль в составе Национального корпуса русского языка // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Выпуск 6. М.: ИРЯ РАН, 2015. С. 65–87.
- Земская Е. А. (ред.). Русская разговорная речь. М.: Наука, 1973. 486 с.
- Каленчук М. Л. О фонетической обусловленности и орфоэпической прикреплённости // Проблемы фонетики I. М.: Наука, 1993. С. 67–75.
- Касаткин Л. Л. (ред.). Каленчук М. Л., Касаткина Р. Ф., Касаткин Л. Л. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты. М.: АСТ-ПРЕСС, 2012. 1008 с.
- Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф. Общая фонетика. М.: РГГУ, 2001. 592 с.
- Пауфощима Р. Ф. Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. М.: Наука, 1983. 110 с.
- Bermúdez-Otero R. Diachronic phonology // Paul de Lacy (ed.). *The Cambridge handbook of phonology*. Cambridge, Cambridge University Press, 2007, pp. 497–517.

- Garrett A. Sound change // Claire Bowern & Bethwyn Evans (eds.). *The Routledge handbook of historical linguistics*. London, Routledge, 2015, pp. 227–248.
- Garrett A., Johnson K. Phonetic bias in sound change // Alan C. L. Yu (ed.). *Origins of sound change: approaches to phonologization*. Oxford, Oxford University Press, 2013, pp. 51–97.
- Ohala J. The listener as a source of sound change // Carrie Masek, Roberta Hendrick & Mary Frances Miller (eds.). *Papers from the parasession on language and behavior*. Chicago, Chicago Linguistics Society, 1981, pp. 178–203.
- Ohala J. What's cognitive, what's not, in sound change // Günter Kellerman & Michael D. Morrissey (eds.). *Diachrony within synchrony: language history and cognition*. Frankfurt, Peter Lang, 1992, pp. 309–355.
- Ohala J. The phonetics of sound change // Charles Jones (ed.), *Historical linguistics: problems and perspectives*. London, Longman, 1993, pp. 237–278.
- R Core Team. 2019. R: A language and environment for statistical computing. Retrieved from. Vienna, Austria: Foundation for Statistical Computing. <https://www.r-project.org/>
- Raphael L. J., Borden G. J., Harris K. S. *Speech science primer: Physiology, acoustics, and perception of speech*: Third edition. Williams & Wilkins, 2012. 320 p.
- Suzuki K. A *Typological investigation of dissimilation*. University of Arizona: Doctoral dissertation, 1998. 222 p.

References

- Bermúdez-Otero R. Diachronic phonology // Paul de Lacy (ed.). *The Cambridge handbook of phonology*. Cambridge, Cambridge University Press, 2007, pp. 497–517.
- Garrett A. Sound change // Claire Bowern & Bethwyn Evans (eds.). *The Routledge handbook of historical linguistics*. London, Routledge, 2015, pp. 227–248.
- Garrett A., Johnson K. Phonetic bias in sound change // Alan C. L. Yu (ed.). *Origins of sound change: approaches to phonologization*. Oxford, Oxford University Press, 2013, pp. 51–97.
- Grishina E. A. *Mul'timodal'nyi modul' v sostave natsional'nogo korpusa russkogo yazyka* [The multimodal module as part of the Russian national corpus]. *Trudy Instituta russkogo yazyka imeni V. V. Vinogradova* [Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute]. Vol. 6. Moscow, RLI RAS Publ., 2015, pp. 65–87. (In Russ.)
- Kalenchuk M. L. O foneticheskoy obuslovlennosti i orfoepicheskoy prikrepennosti [On the phonetic conditioning and orthoepic attachment]. *Problemy fonetiki* [Problems of phonetics]. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 67–75. (In Russ.)
- Kasatkin L. L. (ed.), Kalenchuk M. L., Kasatkina R. F., Kasatkin L. L. *Bol'shoy orfoepicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Large orthoepic dictionary of Russian]. Moscow, AST-PRESS Publ., 2012. 1008 p.
- Kodzasov S. V., Krivnova O. F. *Obshchaya fonetika* [General phonetics]. Moscow, RGGU Publ., 2001. 592 p.

- Ohala J. The listener as a source of sound change // Carrie Masek, Roberta Hendrick & Mary Frances Miller (eds.). *Papers from the parasession on language and behavior*. Chicago, Chicago Linguistics Society, 1981, pp. 178–203.
- Ohala J. What's cognitive, what's not, in sound change // Günter Kellerman & Michael D. Morrissey (eds.). *Diachrony within synchrony: language history and cognition*. Frankfurt, Peter Lang, 1992, pp. 309–355.
- Ohala J. The phonetics of sound change // Charles Jones (ed.). *Historical linguistics: problems and perspectives*. London, Longman, 1993, pp. 237–278.
- Paufoshima R. F. *Fonetika slova i frazy v severnorusskikh govorah* [Phonetics of word and phrase in Northern Russian dialects]. Moscow, Nauka, 1983. 110 p.
- R Core Team. 2019. R: A language and environment for statistical computing. Retrieved from. Vienna, Austria: Foundation for Statistical Computing. <https://www.r-project.org/>
- Raphael L. J., Borden G. J., Harris K. S. *Speech science primer: Physiology, acoustics, and perception of speech*: Third edition. Williams & Wilkins, 2012. 320 p.
- Suzuki K. *A Typological investigation of dissimilation*. University of Arizona: Doctoral dissertation, 1998. 222 p.
- Zemskaya E. A. (ed.). *Russkaya razgovornaya rech* [Russian colloquial speech]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 486 p.

Изменение стилистического статуса сниженной лексики в свете лексикографических и корпусных данных

Анна Разифовна Пестова, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва),
pestova2012@gmail.com

DOI: 10.31857/S013161170017976-2

АННОТАЦИЯ: В статье анализируется изменение стилистического статуса сниженной лексики в русском языке второй половины XX — начала XXI в. Сопоставляются стилистические пометы (главным образом *разг.* и *прост.*) в академических толковых словарях русского языка, а также отслеживается динамика употребления слов, изменивших свой стилистический статус, по данным Национального корпуса русского языка. Выявляются две противонаправленные тенденции, обусловленные изменением частотности употребления слова: повышение стилистического статуса, связанное с увеличением частотности употребления (*блат*, *бордовый*, *высоченный*, *зазывала* и др.), и понижение стилистического статуса, коррелирующее с сокращением употребительности (*внакладку*, *заваль*, *всполохнуться* и др.). Отдельно рассматривается изменение стилистического статуса словообразовательных дублетов, когда один из них постепенно уходит на периферию и снижает стилистическую окраску, а другой становится нейтральным (*бородатый/бородастый*, *брезговать/брезгать* и др.). Подчеркивается важность обращения к данным НКРЯ для корректной стилистической оценки лексики. Кроме того, затрагивается вопрос взаимодействия различных факторов, влияющих на изменение стилистического статуса сниженной лексики. На примере слова *правша* описывается повышение стилистического

статуса, обусловленное экстралингвистическими обстоятельствами и связанным с ними увеличением частотности употребления слова.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лексикография, стилистика, лексикографическая стилистика, толковый словарь, стилистические пометы, разговорная речь, просторечие

для цитирования: Пестова А. Р. Изменение стилистического статуса сниженной лексики в свете лексикографических и корпусных данных // Русская речь. 2021. № 6. С. 50–68. DOI: 10.31857/S013161170017976-2.

Issues of Modern Russian Language

Change in the Stylistic Status of Derogatory Words Based on Lexicographic and Corpus Data

Anna R. Pestova, Vinogradov Russian Language Institute (Russian Academy of Sciences)
(Russia, Moscow), pestova2012@gmail.com

ABSTRACT: The article analyzes the change in the stylistic status of derogatory words in the Russian language in the second half of the 20th — early 21st century. The author compares stylistic labels (mainly colloquial and substandard) in academic explanatory dictionaries of the Russian language, as well as presents the shift of the use of words that have changed their stylistic status, according to the National Corpus of the Russian Language. Two opposing tendencies are revealed, due to a change in the frequency of the use of the word: an increase in stylistic status associated with an increase in the frequency of use (*blat*, *bordovy*, *visochenniy*, *zazivala*, etc.) and a decrease in stylistic status, correlating with a decrease in use (*vnakladku*, *zaval'*, *vspolokhnutsa*, etc.). Another aspect the article considers is the change in the stylistic status of word-formation doublets, when one of them gradually goes to the periphery and reduces the stylistic coloring, while the other

becomes neutral (*borodatiy* — *borodastiy*, *brezgovat/brezgat*, etc.). The paper emphasizes the importance of referring to the corpus data for the correct stylistic assessment and raises the question of the interaction of various factors affecting the change in the stylistic status of the derogatory words. By way of example of the *pravsha*, the work describes an increase in the stylistic status, caused by extralinguistic circumstances and the increase connected to the frequency of use of a certain word.

KEYWORDS: lexicography, stylistics, lexicographic stylistics, explanatory dictionary, stylistic marks, colloquial speech, vernacular

FOR CITATION: Pestova A. R. Change in the Stylistic Status of Derogatory Words Based on Lexicographic and Corpus Data. *Russian Speech = Russkaya Rech'*. 2021. No. 6. Pp. 50–68. DOI: 10.31857/S013161170017976-2.

В последние несколько десятилетий лингвисты обращают внимание на демократизацию языка, которая проявляется, в частности, в размывании границ между функциональными подсистемами, тесном взаимодействии между литературным языком и внелитературными элементами, насыщении публичных сфер общения разговорной, просторечной, жаргонной и сленговой лексикой ([Гловинская 1996], [Земская 1996], [Костомаров 1994], [Крысин 2008], [Скляревская 2006]). Эти процессы оказали значительное влияние на картину стилистического расслоения русской лексики. Одной из самых заметных тенденций является повышение стилистического статуса сниженной лексики (см., например, [Пурицкая, Панков 2018], [Шестакова, Кулёва 2019], [Базаров, Кулёва, Пестова, Шестакова 2021]). Некоторые исследователи, впрочем, отмечают и противоположный процесс — снижение стилистического статуса лексики ([Титова 2009], [Флекенштейн 1990], [Чен 2010]).

В нашей работе мы анализируем эти противонаправленные тенденции, обращаясь: 1) к данным нормативных академических толковых словарей, а именно к стилистическим пометам в Словаре Ушакова (СУш), Малом академическом словаре (МАС) и «Академическом толковом словаре русского языка» (АТос)¹; 2) к материалам Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

¹ В статье используются следующие сокращения: СУш — «Толковый словарь русского языка» (в 4 т.) [Ушаков (ред.) 1935–1940]; МАС — Малый академический словарь («Словарь русского языка». Т. 1–4) [Евгеньева (ред.) 1981–1984]; АТос — «Академический толковый словарь русского языка»

Мы сделали выборки словарных статей на алфавитном фрагменте А–Г, в которых есть пометы *разг.* и *прост.* (в том числе в сочетании с другими пометами: экспрессивно-оценочными — *неодобр.*, *пренебр.*, *презр.* и т. п.; хронологическими — *дореволюц.* и *нов.* (только в СУш), *устар.*; специальными — *спец.*, *мед.*, *мат.*, *воен.*, *спорт.* и мн. др.).

Количественные результаты данных выборок представлены в табл. 1.

Табл. 1. Выборки словарных статей, содержащих пометы *разг.* и *прост.* на алфавитном фрагменте А–Г в СУш, МАС, АТоС: количественные подсчеты

Table 1. Selections of vocabulary entries containing notes colloquial and substandard on the alphabetical fragment A – G: quantitative calculations

Словарь	Количество словарных статей, содержащих помету <i>разг.</i>	Количество словарных статей, содержащих помету <i>прост.</i>	Общее количество словарных статей на алфавитном фрагменте А–Г
СУш	2112 (18 %)	679 (6 %)	11 558
МАС	1428 (12 %)	794 (7 %)	11 944
АТоС	1967 (15 %)	736 (6 %)	13 020

Как показывает анализ наших выборок, самой яркой тенденцией в лексико-стилистических процессах в русском языке второй половины XX — нач. XXI в. является повышение стилистического статуса сниженной лексики (из просторечного — в разговорное) либо ее стилистическая нейтрализация (из просторечного или разговорного — в нейтральное).

Так, чаще всего встречаются такие смены помет *прост.* и *разг.*, которые демонстрируют повышение стилистического статуса слова, в частности:

- 1) *прост.* → *разг.* (например, *администраторша*, *бахнуть*, *вислый*, *гри-вастый*, *грозиться* ‘угрожать’, *гущина*);
 - 2) *разг.* → нейтральное (например, *абсолютно*, *аптечка*, *афера*, *бархат-ка*, *взмах*, *визжать*, *волдырь*, *гипертония* ‘гипертоническая болезнь’);
 - 3) *прост.* → нейтральное (например, *бобёр* ‘бобр’, *бордовый*, *винище*, *выпятиться*, *голенастый*);
 - 4) *разг.* → *устар.* (например, *амикошонство*);
 - 5) *прост.* → *устар.* (например, *ахти*);
 - 6) *разг.* → *книжн.* (например, *воленс-ноленс*)
- и нек. др.

[Крысин (ред.) 2016]; ТСПР — «Толковый словарь русской разговорной речи». Вып. 1 [Крысин (ред.) 2014]; БТС — «Большой толковый словарь русского языка» [Кузнецов (ред.) 2000]; БАС-1 — «Словарь современного русского литературного языка». В 17 т. [Чернышев (ред.) 1948–1965]; БАС-3 — «Большой академический словарь русского языка» [Горбачевич, Герд (ред.) 2004–]; СШ — «Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов» [Шведова (ред.) 2007].

При этом слова, повышающие стилистический статус, как правило, совершают один «шаг» вверх: от просторечного к разговорному или от разговорного к нейтральному. Значительно реже они «поднимаются» сразу на две ступени: от просторечного к нейтральному (минуя стадию разговорности).

Обратная тенденция — снижение стилистического статуса слова, когда нейтральные слова и значения становятся стилистически маркированными либо разговорная лексика переходит в просторечную, — менее типична. Движение слова вниз по «стилистической лестнице» отражают такие смены помет, как:

- 1) *разг.* → *прост.* (например, *аховый, блажить, внакладку, враз, выхлебать, горазд*);
 - 2) *разг.* → *устар.* и *прост.* (например, *воевать* ‘вести завоевательную войну’, *горячка* ‘болезнь’) / *прост. устар.* (например, *бородастый, выклеить* ‘оклеить со всех сторон’, *выпугнуть*);
 - 3) без пометы → *прост.* (например, *блудливый, бумажный* ‘хлопчатобумажный’);
 - 4) без пометы → *разг.* (например, *бабах, баба-яга, бедлам, валкий*);
 - 5) *спец.* → *разг.* (например, *вдевальный, выгнать* ‘добыть посредством перегонки’);
 - 6) *спец.* → *прост.* (например, *гвоздяной*)
- и нек. др.

Как показывает анализ таких переходов, они могут быть обусловлены различными факторами, такими как: 1) изменения в семантической структуре слова (см., например, [Базаров, Кулёва 2020]; 2) постепенная утрата связи с социальной средой, в которой преимущественно употреблялось слово; 3) различные экстралингвистические обстоятельства (в частности, постановка стилистических помет, обусловленная требованиями государственной идеологии); 4) изменение частотности употребления слова. Факторы эти, как правило, взаимообусловлены: так, увеличение частотности употребления слова нередко бывает вызвано некоторыми экстралингвистическими обстоятельствами и приводит к изменению его семантической структуры и к постепенному стиранию связи с социальной средой. Каждому из них можно посвятить отдельную статью. В настоящей работе мы остановимся на изменении стилистического статуса слова, связанного с изменением частотности его употребления.

Д. Н. Шмелев отмечал: «...частое употребление стилистически окрашенных слов приводит к тому, что их стилистическая окраска перестает ощущаться говорящими и слушающими» [Шмелев 2002: 243]. Напротив,

сокращение употребительности ведет к понижению стилистического статуса: «...от того, насколько сокращалась употребительность, зависела степень интенсивности приобретаемой словами разговорной окраски. При резком сокращении употребительности нейтральные слова уходили за пределы литературного языка, в просторечие» [Там же: 248].

На нашем материале это можно подтвердить словами *верхоглядничать*, *взахотеться*, *видалый*, *визготня*, *внакладку*, *вприглядку*, *вывязать* ‘заработать вязанием’, *блудни*, *бородастый*, *верченый*, *взмостить*, *взмоститься*, *выкормок* ‘выкормленный ребенок по отношению к кормилице’, *выфрантиться*, *выпугнуть*, *выклеить* ‘оклеить со всех сторон’, *вышнырнуть*, *всполохнуть*, *всполохнуться*, *высидеть* ‘путем долгой усидчивой работы, долгих размышлений, занятий написать, сочинить что-л., прийти к чему-л.’, *вышпарить*, *выездить* ‘изъездить’, *ворохнуть*, *ворохнуться*, *заваль*, *огулом*, *одолжаться* ‘становиться обязанным’, *облатка* ‘оболочка из желатина или крахмального теста для порошковых лекарств; капсула’, *околёсная*; фразеологизмами *бамбуковое положение*, *с безумных глаз*, *заложить/залить за галстук* и др. Все эти лексические единицы снизили свой стилистический статус вместе со снижением частотности их употребления. Отследим такую зависимость на примере некоторых слов из приведенного списка в табл. 2. В ней указаны стилистические пометы при данном слове в СУш, МАСе и АТоСе и его употребительность на материале НКРЯ² в следующие периоды: 1900–1940, 1941–1981 и 1982–2020 гг.

Табл. 2. Снижение стилистического статуса слова и уменьшение частотности его употребления

Table 2. Decrease in the stylistic status of the word and decrease in the frequency of its use

Слово	Стилистические пометы: СУш → МАС → АТоС ³	1900– 1940 гг.	1941– 1981 гг.	1982– 2020 гг.
<i>внакладку</i>	<i>разг. → разг. → прост.</i>	14	25	10
<i>балаганить</i>	<i>разг. → прост. → прост.</i>	18	7	3
<i>бранчивый</i>	<i>разг. → прост. → прост. устар.</i>	10	0	0
<i>взмоститься</i>	<i>разг. → прост. → прост. устар.</i>	10	1	1
<i>всполохнуться</i>	<i>разг. → прост. → прост.</i>	18	6	4
<i>заваль</i>	<i>разг. → прост. → прост.</i>	33	19	5

² Поиск осуществлялся по основному подкорпусу НКРЯ в августе 2021 г.

³ Стилистические пометы из АТоСа здесь и далее указаны только для слов из алфавитного фрагмента А–Г (вышедшего к моменту написания работы) и частично — Д–З (составленного и готовящегося к печати).

Обратную тенденцию можно проиллюстрировать словами *башковитый*, *блат*, *бобёр* 'бобр', *бордовый*, *грудастый*, *гонор*, которые повысили стилистический статус вместе с увеличением частотности употребления, см. табл. 3.

Табл. 3. Повышение стилистического статуса слова и увеличение частотности его употребления

Table 3. Increasing the stylistic status of the word and increasing the frequency of its use

Слово	Стилистические пометы: СУш → МАС → АТоС	1900– 1940 гг.	1941– 1981 гг.	1982– 2020 гг.
<i>башковитый</i>	<i>прост.</i> → <i>прост.</i> → <i>разг.</i>	15	31	47
<i>блат</i>	нет значения → <i>прост.</i> → <i>разг.</i>	74	184	501
<i>бобёр</i> 'бобр' ⁴	нет значения → <i>прост.</i> → без пометы	5	5	15
<i>бордовый</i>	<i>прост.</i> → <i>разг.</i> → без пометы	28	78	475
<i>грудастый</i>	<i>прост.</i> → <i>прост.</i> → <i>разг.</i>	110	68	131
<i>гонор</i>	<i>разг.</i> → без пометы → без пометы	52	65	178
<i>вышибала</i>	<i>дореволюц. вульг.</i> → <i>прост. устар.</i> → <i>разг.</i>	40	26	90
<i>высоченный</i>	<i>прост.</i> → <i>прост.</i> → <i>разг.</i>	79	178	512
<i>зазывала</i>	нет слова → <i>прост. устар.</i> → <i>разг.</i>	23	16	82

Как отмечает В. Д. Девкин, «разговорность окраски ощущается без колебаний, пока слово ново и не начало употребляться всеми. Как только оно становится общеизвестным и широкоупотребительным, к нему меняется отношение, и оно начинает считаться нейтральным» [Девкин 2005: 119]. См., например, существительное *вертолётчик*. Его нет ни в СУш, ни в БАС-1, поскольку до середины XX в. для вертолета было другое название — *автожир*. В конце 1940-х гг. *автожир* полностью заменяется *вертолёт*ом, который в словарях того времени дается с пометой *нов. авиац.* (СУш, БАС-1) и толкуется «*то же, что автожир*». Первое вхождение слова *вертолётчик* в НКРЯ датируется 1959 годом:

Перов, поднятый по тревоге, пролетел две тысячи километров над океаном на крохотной «Аннушке», разыскал вертолётчиков, спас их и теперь, заменяя вертолёт, нес воздушную вахту при дрейфующей станции (С. Морозов. Русское сердце // Огонек. № 2. 1959).

⁴ Осуществлялся поиск по точной форме *бобёр*.

В МАСе существительное *вертолётчик* маркируется пометой *разг.* в обоих значениях: ‘специалист по производству вертолетов’ и ‘специалист по вождению вертолетов’. Когда составлялся АТОС (начало XXI в.), слово уже стало общеупотребительным, привычным, поэтому оба эти значения даются в нем как нейтральные: разговорность со временем стерлась.

В свете вышесказанного любопытно обсудить судьбу слов, которые в СУш маркированы пометой *разг., редко*. На наш взгляд, это довольно противоречивая помета, поскольку одним из критериев отнесения слова к разговорным является его «достаточно широкая употребительность в устной речи носителей литературного языка и в языке средств массовой информации» [ТСРР: 11]. Как показывает анализ слов, которые в СУш сопровождалась пометами *разг., редко*, большинство из них либо отсутствует в словнике МАСа и АТОСа (*вкарабкаться, вструхнуть, выполоснуть, дубинноголовый, зануждаться* ‘начать нуждаться’, *заснимать* ‘возобновить съёмки после перерыва’, *извертеть* ‘испортить, вертя’, *изморщинить, наловчить* и мн. др.), либо (реже) снижают свой стилистический статус до *прост.* (*взвезд, втолкнуться, прост. устар. (вы)лазить* ‘облазить что-л. со всех сторон; лазая, побывать во многих местах’). В единичных случаях они даются в МАСе и/или АТОСе без стилистических помет, как нейтральные слова (*высечка* ‘действие по знач. глаг. высечь¹–высекать’, *закоптить* ‘начать коптить’), либо при них сохраняется помета *разг.*, но без добавления *редко* — такой пометы в МАСе и АТОСе нет (*бурливый* ‘шумный, беспокойный’, *взбросить, встаскивать, замотать* ‘начать сорить деньгами’), либо к помете *разг.* добавляется *устар.* (*артель* ‘толпа’).

Возвращаясь к фактору частотности, который влияет на изменение стилистического статуса слова, отметим, что он работает не всегда. Следует отметить, что чаще он действует в сторону понижения стилистического статуса (и, соответственно, уменьшения частотности); в обратную сторону (когда стилистический статус повышается, а частотность снижается) он работает гораздо реже, и здесь можно привести множество контрпримеров. См., например, употребительность слов *богаделка, вперёбой, галдёж, гнусливый, бахвал, обок, дебелый*, также повысивших свой стилистический статус (табл. 4). С другой стороны, есть примеры повышения стилистического статуса, когда частотность не меняется: *волынец* ‘тот, кто волынит’, *голенастый*, либо когда частотность увеличивается, а стилистический статус понижается: *блажить*.

В ряде случаев снижение частотности слова и понижение его стилистического статуса обусловлено тем, что оно вытеснено его словообразовательным дублетом: так, прилагательное *бородастый*, постепенно

Табл. 4. Отсутствие корреляции между повышением стилистического статуса слова и изменением частотности его употребления

Table 4. Lack of correlation between an increase in the stylistic status of a word and a change in the frequency of its use

Слово	Стилистические пометы: СУш → МАС → АТоС	1900– 1940 гг.	1941– 1981 гг.	1982– 2020 гг.
<i>богаделка</i>	<i>дореволюц. → прост. → разг.</i>	39	5	0
<i>вперебой</i>	<i>прост. → разг. → разг.</i>	87	22	24
<i>галдёж</i>	<i>разг. фам. → прост. → разг.</i>	108	58	64
<i>гнусливый</i>	<i>прост. → разг. → разг.</i>	16	1	0
<i>бахвал</i>	<i>прост. → прост. → разг. неодобр.</i>	30	10	11
<i>обок 'рядом'</i>	<i>прост. → разг.</i>	36	13	9
<i>дебелый</i>	<i>разг. → без пометы</i>	105	45	99
<i>волеиник 'тот, кто волеинит'</i>	<i>прост. → прост. → разг. неодобр.</i>	2	0	2
<i>голенастый</i>	<i>прост. → без пометы → без пометы</i>	73	88	68
<i>блажить</i>	<i>разг. → прост. → прост.</i>	26	28	60
<i>вчуе</i>	<i>разг. → без пометы → книжн.</i>	51	19	41

вытесненное синонимом *бородастый*, совершило переход *разг. → прост. → прост. устар.*

Иногда в подобных парах словообразовательных дублетов происходят интересные перераспределения стилистических помет. Приведем в качестве примера глаголы *брезгать* и *брезговать*. В СУш в качестве основного варианта дается *брезгать* — с пометой *разг.*, а в качестве его просторечного эквивалента — *брезговать*. В МАСе оба глагола поднялись по стилистической шкале вверх: *брезгать* дается как нейтральный вариант, *брезговать* — как разговорный. В АТоСе же картина меняется: в качестве нейтрального указан глагол *брезговать*, а *брезгать* приводится с пометой *устар.* Как видно из табл. 5, повышение стилистического статуса варианта *брезговать* коррелирует с увеличением частотности его употребления: с начала XX в. вытесняя на периферию свой эквивалент *брезгать*, он из просторечного становится стилистически нейтральным.

Еще один интересный пример подобного перераспределения — словообразовательные дублеты *бычачий*, *бычий* и *бычиный*. Как видно из табл. 6, основным, нейтральным вариантом в СУш считается прилагательное

Табл. 5. Стилистический статус словообразовательных дублетов *брезгать* и *брезговать* и изменение частотности их употребления

Table 5. The stylistic status of derivational doublets *brezgat'* and *brezgovat'* ('disdain') and the change of the frequency of their use

Слово	Стилистические пометы: СУш → МАС → АТоС	1859–1899 гг.	1900–1940 гг.	1941–1981 гг.	1982–2020 гг.
<i>брезгать</i>	<i>разг.</i> → без пометы → <i>устар.</i>	183	164	36	24
<i>брезговать</i>	<i>прост.</i> → <i>разг.</i> → без пометы	170	285	188	592

бычачий; *бычий* дается с пометой *реже* (это противоречит данным Корпуса), словарной статьи *бычинный* в СУш нет. Однако уже после выхода СУш употребление прилагательного *бычачий* резко сокращается, и в АТоСе мы видим уже другую картину: основным вариантом является *бычий*, а малоупотребительные *бычачий* и *бычинный* сопровождаются пометой *прост.*

Табл. 6. Стилистический статус словообразовательных дублетов *бычачий*, *бычий* и *бычинный* и изменение частотности их употребления

Table 6. The stylistic status of derivational doublets *bychachii*, *bychii* and *bychinyi* ('bullish') and the change of the frequency of their use

Слово	Стилистические пометы: СУш → МАС → АТоС	1900–1940 гг.	1941–1981 гг.	1982–2020 гг.
<i>бычачий</i>	без пометы → без пометы → <i>прост.</i>	99	8	13
<i>бычий</i>	<i>реже</i> ⁵ → без пометы → без пометы	237	133	409
<i>бычинный</i>	нет слова → без пометы → <i>прост.</i>	27	3	1

Рассмотрим несколько иной случай — когда меняется стилистический статус слов, маркированных пометой *спец.* В качестве примера возьмем словообразовательные дублеты *гвоздевой* и *гвоздяной*. Оба они сопровождаются в СУш пометой *спец.*, однако *гвоздевой* считается стилистически сниженным: при нем стоит также помета *прост.* Однако уже в МАСе это прилагательное дается как нейтральное; в АТоСе при нем тоже нет никаких стилистических помет; в то же время слово *гвоздяной* маркируется пометой *прост.* Данный процесс стилистического перераспределения коррелирует с повышением частотности прилагательного *гвоздевой* и полным отсутствием примеров употребления прилагательного *гвоздяной* с 1941 по 2020 гг. в НКРЯ (см. табл. 7).

⁵ По сравнению с прилагательным *бычачий*.

Табл. 7. Стилистический статус словообразовательных дублетов *гвоздевой* и *гвоздяной* и изменение частотности их употребления

Table 7. The stylistic status of derivational doublets *gvozdevoi* and *gvozdyanoi* ('nail') and the change of the frequency of their use

Слово	Стилистические пометы: СУш → МАС → АТоС	1900– 1940 гг.	1941– 1981 гг.	1982– 2020 гг.
<i>гвоздевой</i>	<i>прост. спец.</i> → без пометы → без пометы	4	6	18
<i>гвоздяной</i>	<i>спец.</i> → <i>прост.</i> → <i>прост.</i>	2	0	0

В некоторых случаях, на наш взгляд, происходит не изменение стилистического статуса словообразовательных дублетов, а скорее исправление не вполне корректной информации, приведенной в более раннем словаре.

Здесь необходимо подчеркнуть, что корпусные методы исследования стали доступны лексикографии лишь в последние годы: авторы СУш и МАСа не имели возможности верифицировать стилистические пометы при помощи анализа динамики употребления слова. В качестве примера возьмем пару прилагательных *весноватый* и *веснушчатый*. В СУш оба они даются с пометой *разг.* МАС уже стилистически их разводит — и справедливо: как показывают данные НКРЯ (см. табл. 8), вариант *веснушчатый* гораздо более употребителен, и уже на этапе составления СУш он должен был располагаться на стилистической шкале выше, чем *весноватый*. (Что касается современного стилистического статуса слова *весноватый*, то, на наш взгляд, опираясь на данные НКРЯ и языковую интуицию, к помете *прост.* следовало бы добавить *устар.*)

Табл. 8. Стилистический статус словообразовательных дублетов *весноватый* и *веснушчатый* и изменение частотности их употребления

Table 8. The stylistic status of derivational doublets *vesnovatyi* and *vesnuschatyi* ('freckled') and the change of the frequency of their use

Слово	Стилистические пометы: СУш → МАС → АТоС	1900– 1940 гг.	1941– 1981 гг.	1982– 2020 гг.
<i>весноватый</i>	<i>разг.</i> → <i>прост.</i> → <i>прост.</i>	11	1	0
<i>веснушчатый</i>	<i>разг.</i> ⁶ → без пометы → без пометы	265	259	233

Аналогичным примером «исправления» информации, представленной в словаре-предшественнике, являются словообразовательные дублеты *вздыхатель* и *воздыхатель*. Существительное *вздыхатель* в СУш

⁶ Дано в СУш в написании *веснущатый*. При подсчете вхождений в НКРЯ учитывались оба варианта написания.

маркируется *разг. ирон. устар.* Составители МАСа оставляют лишь *разг. шутл.*, хотя, как показывает НКРЯ, частотность этого слова не увеличивается (см. табл. 9). Именно поэтому АТoS возвращает ему помету *устар.*, а также добавляет вытеснивший его словообразовательный дублет, которого не было ни в СУш, ни в МАСе, — *воздыхатель*.

Табл. 9. Стилистический статус словообразовательных дублетов *вздыхатель* и *воздыхатель* и изменение частотности их употребления

Table 9. The stylistic status of derivational doublets *vzdyhatel'* and *vozdyhatel'* ('admirer') and the change of the frequency of their use

Слово	Стилистические пометы: СУш → МАС → АТoS	1900– 1940 гг.	1941– 1981 гг.	1982– 2020 гг.
<i>вздыхатель</i>	<i>разг. ирон. устар.</i> → <i>разг. шутл.</i> → <i>разг. устар. шутл.</i>	34	8	9
<i>воздыхатель</i>	нет слова → нет слова → <i>разг. шутл.</i>	8	12	69

Любопытный случай — стилистическая окраска синонимов *времяпрепровождение* и *времяпровождение*. СУш и МАС дают им противоположную оценку: в СУш разговорным считается *времяпрепровождение*, а нейтральным *времяпровождение*, а в МАСе — наоборот. В АТoS стилистический статус у обоих слов повышается: *времяпрепровождение* здесь маркируется пометой *книжн.*, а *времяпровождение* дается как нейтральное существительное.

Как показывают материалы НКРЯ, гораздо более частотным является вариант *времяпрепровождение*: 559 вхождений против 179 у слова *времяпровождение*. Мы провели опрос образованных носителей русского языка (как лингвистов, так и нелингвистов), в котором приняло участие 68 человек. На вопрос: «Какой вариант вы используете: *времяпровождение* или *времяпрепровождение*?» — большинство респондентов — 69 % — выбрало вариант *времяпрепровождение*, 13 % — *времяпровождение*, остальные 18 % ответили, что не используют эти слова в своей речи. Это подтверждает данные НКРЯ и, на наш взгляд, свидетельствует о большей стилистической нейтральности варианта *времяпрепровождение*. Как видно из табл. 10, этот вариант за последние четыре десятилетия используется чаще более чем в 3,5 раза.

Поэтому мы бы согласились со стилистической оценкой МАСа, который маркировал как нейтральный вариант *времяпрепровождение* и как разговорный — *времяпровождение*. (Отметим, что именно так их и оценивают БАС-3 и БТС.)

Табл. 10. Стилистический статус словообразовательных дублетов *времяпрепровождение* и *времяпровождение* и изменение частотности их употребления

Table 10. The stylistic status of derivational doublets *vremyapreprovozhdenie* and *vremyaprovozhdzenie* ('pastime') and the change of the frequency of their use

Слово	Стилистические пометы: СУш → МАС → АТоС	1900– 1940 гг.	1941– 1981 гг.	1982– 2020 гг.
<i>времяпрепровождение</i>	разг. → без пометы → книжн.	129	77	257
<i>времяпровождение</i>	без пометы → разг. → без пометы	41	8	71

Еще раз подчеркнем важность анализа корпусных данных, в том числе частотности употребления слова либо его значения, при постановке стилистической пометы. Кроме того, как было показано выше, необходимо рассматривать слово не отдельно, а вместе с его синонимами — и в первую очередь это касается словообразовательных дублетов. Так, в Табл. 11 можно увидеть группу таких дублетов *вперегонки*, *вперегонку* и *наперегонки*. На наш взгляд, значительное увеличение частотности последнего из них — *наперегонки* — свидетельствует о том, что оно должно маркироваться на стилистической шкале выше, чем *вперегонки*, которое, в свою очередь, выше, чем почти неупотребительное *вперегонку*.

Табл. 11. Стилистический статус словообразовательных дублетов *вперегонки*, *вперегонку* и *наперегонки* и изменение частотности их употребления

Table 11. The stylistic status of derivational doublets *vperegonki*, *vperegonku* and *naperegonki* ('race') and the change of the frequency of their use

Слово	Стилистические пометы: СУш → МАС → АТоС	1900– 1940 гг.	1941– 1981 гг.	1982– 2020 гг.
<i>вперегонки</i>	без пометы → разг. → разг.	35	26	8
<i>вперегонку</i>	обл. → разг. → разг. устар.	33	1	0
<i>наперегонки</i>	без пометы → разг.	55	106	250

Обращение к корпусным данным (если бы это было возможно во времена, когда составлялись СУш и МАС) позволило бы более точно стилистически маркировать словообразовательные дублеты *гнусавый* и *гнусливый*, *горбун* и *горбач*, *грязнуля* и *грязнуха*. Вторые слова в этих парах почти не употребляются на протяжении более чем полувека: в НКРЯ представлены единичные вхождения за период с 1941 по 2020 гг. (см. табл. 12, 13 и 14). Опираясь на эти данные, лексикографам следовало бы обсудить стилистические пометы при словах *гнусливый*, *горбач* и *грязнуха*: все они ощущаются как устаревшие (или как минимум уходящие).

Табл. 12. Стилистический статус словообразовательных дублетов *гнузавый* и *гнусливый* и изменение частотности их употребления

Table 12. The stylistic status of derivational doublets *gnusavyi* and *gnuslivi* ('nasal') and the change of the frequency of their use

Слово	Стилистические пометы: СУш → МАС → АТоС	1900– 1940 гг.	1941– 1981 гг.	1982– 2020 гг.
<i>гнузавый</i>	<i>разг.</i> → без пометы → без пометы	261	136	209
<i>гнусливый</i>	<i>прост.</i> → <i>разг.</i> → <i>разг.</i>	16	1	0

Табл. 13. Стилистический статус словообразовательных дублетов *горбун* и *горбач* и изменение частотности их употребления

Table 13. The stylistic status of derivational doublets *gorbun* and *gorbach* ('humpbacked') and the change of the frequency of their use

Слово	Стилистические пометы: СУш → МАС → АТоС	1900– 1940 гг.	1941– 1981 гг.	1982– 2020 гг.
<i>горбун</i>	без пометы → без пометы → <i>разг.</i>	619	213	223
<i>горбач</i>	<i>прост.</i> (во всех словарях)	25	1	0

Табл. 14. Стилистический статус словообразовательных дублетов *грязнуля* и *грязнуха* и изменение частотности их употребления

Table 14. The stylistic status of derivational doublets *gryaznulya* and *gryaznuha* ('dirty') and the change of the frequency of their use

Слово	Стилистические пометы: СУш → МАС → АТоС	1900– 1940 гг.	1941– 1981 гг.	1982– 2020 гг.
<i>грязнуля</i>	<i>разг. фам. пренебр.</i> → <i>разг.</i> → <i>разг.</i>	2	18	40
<i>грязнуха</i>	<i>разг. укор.</i> → <i>разг.</i> → <i>разг.</i>	4	3	3

На наш взгляд, следует учитывать употребительность словообразовательных дублетов при стилистической характеристике слова. Данный метод анализа может быть использован лексикографами при работе над последующими томами АТоСа для стилистического противопоставления таких дублетов, как *оборотистость* и *оборотливость*, *объесть* 'разъесть (о кислоте, щелочи и т. п.)' и *разъесть*, *огрызть* и *обгрызть*, *одряблеть* и *одрябнуть*, *соседить* и *соседствовать*, *околёсица*, *околёсная* и *околёсина* и мн. др.

Как было отмечено выше (см. табл. 4), фактор изменения частоты употребления слова не является универсальным. На изменение стилистической окраски могут влиять и другие факторы.

В качестве примера приведем историю слова *правша*. Так, в СУш его нет, в БАС-1 оно маркируется пометой *разг.*, в МАСе — *прост.*, в СШ и БАС-3 —

без стилистических помет, в БТС — разг. Ср.: *левиша* во всех словарях дается как нейтральное (без стилистических помет). Разная стилистическая окраска этих морфологически и семантически аналогичных слов объясняется внеязыковыми факторами. До недавнего времени леворукость расценивалась как отклонение: нормой считалось преобладающее владение правой рукой. Именно поэтому не было необходимости для специального обозначения правши: норма не требует специального обсуждения и, следовательно, наименования. Поэтому в НКРЯ всего 61 вхождение слова *правша* против 666 вхождений слова *левиша*⁷. Причем большинство примеров приходится на последние четыре десятилетия, см. табл. 15⁸.

Табл. 15. Частотность употребления слова *правша*

Table 15. Frequency of use of the word *right-hander*

1850–1899	1900–1940	1941–1981 гг.	1982–2020
2	4	1	54

Увеличение частотности употребления слова *правша* в последние годы связано, на наш взгляд, с изменением отношения к явлению леворукости: она перестала считаться болезнью, пороком, отклонением, которое нужно исправлять. Таким образом, праворукость стала лишь одним из двух вариантов нормы — и слово *правша* начало активно употребляться. Поэтому стилистическая помета *прост.*, которая маркировала это существительное в МАСе, в современных словарях при нем уже не ставится: как мы уже отмечали, теперь оно рассматривается либо как нейтральное (СШ, БАС-3), либо как разговорное (БТС).

Любопытно, что опрос образованных носителей русского языка показывает, что оба слова: и *левиша*, и *правша* — являются в их сознании скорее нейтральными. Мы задали респондентам два вопроса: «Каким является, на ваш взгляд, слово *правша*: разговорным или нейтральным?» и «Каким является, на ваш взгляд, слово *левиша*: разговорным или нейтральным?». В опросе приняло участие 188 человек: как лингвистов, так и нелингвистов (интересующихся вопросами русского языка и стилистики в частности), от 18 до 54 лет. Хотя большинство респондентов ответило, что оба слова являются нейтральными, однако слово *левиша* демонстрирует большую нейтральность, чем *правша*, см. табл. 16.

⁷ Даже если отфильтровать вхождения с другим значением слова *левиша* — ‘об умелом, искусном мастере, способном выполнить самую тонкую работу’, возникшим по прозвищу персонажа повести Н. С. Лескова «Сказ о тульском косом Левше и о стальной блохе» (1881 г.), — вхождений на основное значение ‘тот, кто владеет левой рукой лучше, чем правой’ всё равно гораздо больше, чем вхождений слова *правша*.

⁸ Поиск в НКРЯ осуществлялся в сентябре 2021 г.

Табл. 16. Результаты опроса о стилистической окраске слов *правша* и *левша*

Table 16. The results of the survey on the stylistic nuance of the words of *right-hander* and *left-hander*

Слово	Выбрали вариант «нейтральное»	Выбрали вариант «разговорное»
<i>Левша</i>	161 чел. (86 %)	27 чел. (14 %)
<i>Правша</i>	140 чел. (74 %)	48 чел. (26 %)

Слово *левша* нейтральным назвало 86 % опрошенных, *правша* — 74 %. Разница в 12 % — это, вероятно, своеобразные отголоски того, что слово *правша* раньше было стилистически маркированным членом данного противопоставления. Сейчас, однако, уже есть основания утверждать, что эти существительные стилистически почти выровнялись, и способствовали этому экстралингвистические обстоятельства, а именно изменение отношения общества к норме преимущественного владения правой/левой рукой.

Итак, мы проанализировали изменение стилистического статуса сниженной лексики (его повышение и, реже, понижение) на материале академических толковых словарей русского языка и данных НКРЯ. Результаты исследования позволяют выявить общие тенденции: при увеличении частотности употребления слова либо его отдельного значения стилистическая окраска повышается; при сокращении употребительности стилистическая окраска понижается. Давая стилистическую оценку слову или его отдельному значению, составитель словаря должен оперировать комплексом аргументов, учитывать разнородные факторы, в том числе и фактор частотности употребления слова. Одним из инструментов, позволяющих лексикографу принимать оптимальные решения относительно стилистической окраски слова, является обращение к данным НКРЯ.

Источники

Горбачевич К. С., Герд А. С. (ред.). Большой академический словарь русского языка. Т. 1–. СПб.: Наука, 2004–.

Евгеньева А. П. (ред.) Словарь русского языка. Т. 1–4, 2-е изд. М.: Русский язык, 1981–1984.

Крысин Л. П. (ред.) Академический толковый словарь русского языка. Т. 1–2: М.: Издательский дом ЯСК, 2016.

Крысин Л. П. (ред.) Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1. М.: Языки славянской культуры, 2014. 775 с.

Кузнецов С. А. (ред.) Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 16.09.2021).

Ушаков Д. Н. (ред.). Толковый словарь русского языка: в 4 т. М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935–1940.

Чернышёв В. И. (ред.) Большой академический словарь русского языка. Т. 1–17. М.–Л., 1948–1965.

Шведова Н. Ю. (ред.). Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М.: Азбуковник, 2007. 1175 с.

Литература

Базаров Е. Э., Кулёва А. С. Изменение семантики сниженной лексики в зеркале толкового словаря // Русистика: вчера, сегодня, завтра. XXXVIII. Распоповские чтения. Материалы международной конференции, посвященной 60-летию со дня основания кафедры русского языка филологического факультета ВГУ, 95-летию со дня рождения проф. И. П. Распопова, 85-летию со дня рождения проф. А. М. Ломова. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2020. С. 25–31.

Базаров Е. Э., Кулёва А. С., Пестова А. Р., Шестакова Л. Л. Стилистически сниженная лексика в современном толковом словаре: изменения в употреблении просторечной лексики // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 1. С. 42–61.

Гловинская М. Я. Активные процессы в грамматике (на материале инноваций и массовых языковых ошибок) // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Языки русской культуры, 1996. С. 237–304.

Девкин В. Д. Немецкая лексикография. М.: Высшая школа, 2005. 670 с.

Земская Е. А. Введение // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Языки русской культуры, 1996. С. 9–31.

Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 247 с.

Крысин Л. П. Активные процессы в русском языке конца XX — начала XXI века // Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX–XXI веков. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 13–29.

Пурицкая Е. В., Панков Д. И. Нормативно-стилистическая характеристика лексики современного русского языка: возможности описания в словарной базе данных // Вопросы лексикографии. 2018. № 13. С. 23–43.

Скляревская Г. Н. Слово в меняющемся мире: русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы // Исследования по славянским языкам. Сеул, 2006. № 6. С. 177–202.

Титова Е. В. О стилистическом статусе просторечия в русском языке (лексикографический обзор) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Вып. 3. 2009. С. 306–311.

- Флекенштейн К. И. Стилистически маркированная лексика в словаре и тексте // Исследования по семантике: Межвузовск. науч. сб. Уфа: Башкирск. ун-т, 1990. С. 26–33.
- Чен Ч. В. Слова, называющие лицо женского пола, в русском языке и речи: Дис. ... канд. филол. наук. СПб.: СПбГУ, 2010.
- Шестакова Л. Л., Кулёва А. С. Повышение стилистического статуса сниженной лексики и его отражение в толковом словаре // Настоящее и будущее стилистики: сб. науч. ст. Междунар. науч. конф. (13–14 мая 2019 г.) / науч. ред. д-р филол. наук, проф. Е. Л. Бартанова; отв. ред. Н. И. Клушина, С. Ф. Барышева. М.: Флинта, 2019. С. 818–824.
- Шмелев Д. Н. Стилистические изменения в лексике // Избранные труды по русскому языку. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 238–268.

References

- Bazarov E. E., Kuleva A. S. [Changes in semantics of low vocabulary as reflected in the explanatory dictionary]. *Rusistika: vchera, segodnya, zavtra. XXXVIII. Raspopovskie chteniya. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii, posvyashchennoi 60-letiyu so dnya osnovaniya kafedry russkogo yazyka filologicheskogo fakul'teta VGU, 95-letiyu so dnya rozhdeniya prof. I. P. Raspopova, 85-letiyu so dnya rozhdeniya prof. A. M. Lomova*. Voronezh: NAUKA-YUNIPRESS Publ., 2020, pp. 25–31. (In Russ.)
- Bazarov E. E., Kuleva A. S., Pestova A. R., Shestakova L. L. [Substandard vocabulary in the modern explanatory dictionary: changes in the use of vernacular lexemes]. *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*. 2021. Vol. 80. № 1. Pp. 42–61. (In Russ.)
- Chen Ch. V. *Slova, nazyvayushchie litso zhenskogo pola, v russkom yazyke i rechi* [Words calling a female person in Russian language and speech]. Diss. Cand. Philol. Sci. St. Petersburg, St. Petersburg State Univ. Publ., 2010.
- Devkin V. D. *Nemetskaya leksikografiya* [German lexicography]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 2005. 670 p.
- Flekenshtein K. I. [Stylistically marked vocabulary in the dictionary and text] // *Issledovaniya po semantike: Mezhvuzovsk. nauch. sb.* Ufa, Bashkirsk. University Publ., 1990, pp. 26–33. (In Russ.)
- Glovinskaya M. Ya. [Active processes in grammar (Based on innovations and linguistic deviations)]. *Russkij yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1995)*. [The Russian language in the end of the XX century (1985–1995)]. Moscow, Yazyki Russkoi Kul'tury Publ., pp. 237–304.
- Kostomarov V. G. *Yazykovoi vkus epokhi* [Linguistic taste of the era]. Moscow, Pedagogika-Press Publ., 1994. 247 p.
- Krysin L. P. [Active processes in the Russian language in the end of 20th – beginning of the 21st century]. *Sovremennyi russkii yazyk. Aktivnye protsessy na rubezhe XX–XXI vekov* [Modern Russian language. Active processes at the turn of the century]. Moscow, Yazyki Slavyanskikh Kul'tur Publ., 2008, pp. 13–29. (In Russ.)

- Puritskaya E. V., Pankov D. I. [The normative and stylistic characteristic of the vocabulary of the modern Russian language: the possibilities of description in the dictionary database]. *Voprosy leksikografii*. 2018, No. 13, pp. 23–43. (In Russ.)
- Shestakova L. L., Kuleva A. S. [Stylistic status upgrade of low vocabulary and its reflection in the explanatory dictionary]. *Nastoyashchee i budushhee stilistiki: sb. nauch. st. Mezhdunar. nauch. konf. (13–14 maya 2019 g.)*. Moscow, Flinta Publ., 2019, pp. 818–824. (In Russ.)
- Shmelev D. N. [Stylistic changes in vocabulary] // *Izbrannye trudy po russkomu yazyku*. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2002, pp. 238–268. (In Russ.)
- Sklyarevskaya G. N. [Word in the changing world: Russian language of the beginning of the 21st century: condition, problems, perspectives]. *Issledovaniya po slavyanskim yazykam*. Seul, 2006, № 6, pp. 177–202. (In Russ.)
- Titova Ye. V. [On the stylistic status of vernacular in Russian (lexicographical review)] *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. 9 (3), 2009, pp. 306–311. (In Russ.)
- Zemskaya E. A. [Introduction]. *Russkii yazyk konca XX stoletiya (1985–1995)*. [Russian language in the end of the 20th century (1985–1995)]. Moscow, Yazyki Russkoi Kul'tury Publ., 1996, pp. 9–31. (In Russ.)

Художественное «обаяние» канцеляризма: *ненужное зачеркнуть*

Татьяна Семеновна Садова, Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, Санкт-Петербург), tatsad_90@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170017977-3

АННОТАЦИЯ: В статье рассматривается использование канцелярского клише императивной семантики *ненужное зачеркнуть* (*нужное подчеркнуть*), принадлежащего официально-деловому стилю, в художественной литературе и публицистике. Предполагается заимствованный характер этого канцеляризма (из немецкого делопроизводства), рассматриваются особенности его функционирования в системе деловой фразеологии русского языка. Прослеживается история его внедрения в русский художественный текст с первой трети XX по XXI в., анализируются текстовые функции этой формулы в разножанровых текстах художественной и публицистической литературы — как собственно поэтические, так и прагматические. На примере истории одного клише-канцеляризма предпринимается попытка взглянуть на взаимопроникновение стилей как на закономерный процесс в рассматриваемую эпоху. Императивная семантика, лаконичность и ясность канцелярского клише *ненужное зачеркнуть* (*нужное подчеркнуть*) оказались востребованы художественным текстом как социально значимый речевой факт, при этом создающий диалоговый тип литературного повествования. Поэтический потенциал русской канцелярской фразеологии пока не осмыслен системно, хотя закономерность ее проникновения в язык художественной литературы очевидна и, безусловно, стилистически и прагматически мотивирована. Термины «клише», «канцелярская формула», «канцеляризм» в статье используются как синонимы, поскольку

статус устойчивых сочетаний делового стиля в рамках теоретической фразеологии окончательно не определен.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: деловой стиль, императивная семантика, история канцеляризма, стилистическое заимствование

для цитирования: Садова Т. С. Художественное «обаяние» канцеляризма: *ненужное зачеркнуть* // Русская речь. 2021. № 6. С. 69–76. DOI: 10.31857/S013161170017977-3.

благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ [проект 20-012-00338].

Issues of Modern Russian Language

Poetic “Charm” of Bureaucratic Cliché: *Nenuzhnoe Zacherknut’*

Tatiana S. Sadova, St. Petersburg State University (Russia, St. Petersburg), tatsad_90@mail.ru

ABSTRACT: The paper deals with stylistic transition of a bureaucratic imperative cliché *nenuzhnoe zacherknut’* [‘strike out whichever is not applicable’] (*nuzhnoe podcherknut’* [‘underline whichever is applicable’]) from the official style to fiction and journalism. The author asserts that this *kantsel’yarizm* (bureaucratic cliché) was initially borrowed from German paperwork practice and examines the features of its functioning in the system of official phraseology of the Russian language. The history of introduction of this formula into the Russian literary texts is followed from the first third of the 20th to the 21st century, its textual functions, both poetic and pragmatic, are analyzed in various genres of fiction and journalistic texts. Based on the example of the history of this cliché-*kantsel’yarizm*, an attempt is made to view interpenetration of styles as a natural process during the examined era. The imperative semantics, laconicism and clarity of the official clichés *nenuzhnoe zacherknut’* (*nuzhnoe podcherknut’*) have turned out to be relevant for fiction texts as socially significant speech facts, which at the

same time create a dialogue-based type of literary narration. The poetic potential of Russian bureaucratic phraseology has not yet been systematically investigated, although the pattern of its penetration into the language of fiction is obvious and both stylistically and pragmatically motivated. The terms "cliché", "bureaucratic formula", "kantselyarizm" are used in the article as synonyms since the status of stable combinations of the official style has not been conclusively determined within the framework of theoretical phraseology.

KEYWORDS: official style, imperative semantics, bureaucratic cliché, stylistic borrowing

FOR CITATION: Sadova T. S. Poetic "Charm" of Bureaucratic Cliché: *Nenuzhnoe Zacherknut'*. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2021. No. 6. Pp. 69–76. DOI: 10.31857/S013161170017977-3.

ACKNOWLEDGEMENTS: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project 20-012-00338).

Канцелярские речевые штампы, клише, устойчивые сочетания имеют свою — порой весьма самобытную — историю. Хорошо известная формула письменной деловой речи, выраженная инфинитивным предложением с императивной модальностью «ненужное зачеркнуть», а также его «положительный» вариант «нужное подчеркнуть» появились в русском делопроизводстве, если верить первым фиксациям в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ), не ранее 20-х гг. XX в.

Интересна не только и не столько конкретная судьба этого клише с главным компонентом «зачеркнуть», сколько его употребление в стилистически чужеродной среде как показательный пример проникновения канцелярского слога в художественную речь, несмотря на то, что деловая и художественная речь обычно жестко противопоставляются друг другу по ряду существенных языковых признаков.

И все же взаимопроникновение стилей литературного языка в процессе его исторического развития — дело неизбежное и весьма продуктивное для целого ряда функций, которые возникают у стилистически маркированного элемента в заимствующем его стиле.

А потом все разбежались кто куда: Виктор и Слава занимаются арабским, Алик спит, Бен хворает зубами, Серенький [В. Труфелев] играет в шахматы, Юра и Леня [Бородин] решают какие-то проблемы, Сережа

[Мошков] *читает умную книжку по биологии, экономике, социологии, философии (ненужное зачеркнуть), Ян дематериализовался, а я вот дописываю письмо* (Ю. Даниэль. Письма из заключения. 1966–1970)¹.

Большой талант в науке — такая же редкость, как большие таланты иного рода, они рождаются в пропорции, определяемой Всевышним или Природой (ненужное зачеркнуть), а науке пока неизвестной (Г. Горелик. Послесловие: между прошлым и будущим. Кризис фундаментальной науки? // Знание — сила. 2013).

Заметим, что рассматриваемый канцеляризм в приведенных (и многих других) случаях заимствуется целиком, без изменения лексико-грамматического состава; даже скобки, обычно сопровождающие это сочетание в документах анкетного типа, остаются на месте.

Очевидно, что канцеляризм «ненужное зачеркнуть» / «нужное подчеркнуть» используется в ситуации выбора, при котором пишущему предлагается либо *вычеркнуть ненужное*, либо *подчеркнуть нужное*.

В деловом тексте, прежде всего анкетного жанра, основная функция этого клише — максимально точно определить социальные и «статусные параметры» лица, первоначально выступающего в роли адресата этого текста. Незримый же адресант, вступая с ним в диалог, предлагает заранее подготовленные фразы-характеристики, одну из которых данному лицу необходимо выбрать и, следовательно, присвоить. Происходит неизбежная смена ролей: адресат текста по мере исполнения императива «зачеркнуть» или «подчеркнуть» предложенные фразы изначально не-своего текста, присваивая одну из них, становится автором текста. Затем он подписывает его, закрепляя таким образом «приобретенное» авторство собственным именем.

В художественном тексте в ситуацию выбора, помимо героя произведения, вовлекается читатель, который становится полноправным участником события: инфинитив «зачеркнуть» своей повелительной силой обращен и к нему. Как следствие, формируется внутренняя диалогичность художественного текста, при этом неизбежно размывается изначальная функция уточнения формулы «нужное / ненужное зачеркнуть / подчеркнуть», ее употребление подчиняется художественной задаче произведения, максимально типизированной и эстетически нагруженной.

Принимая пару канцеляризмов (*ненужное зачеркнуть* и *нужное подчеркнуть*) за два варианта одного канцелярского клише с императивной семантикой, следует отметить, что содержательная разница между ними весьма существенна.

¹ Примеры из художественной литературы, приведенные в работе, были взяты из Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Инфинитив «зачеркнуть» (благодаря приставке предела действия *за-*) семантически более тяготеет к эмоционально нагруженным контекстам: *зачеркнуть* — означает 'уничтожить что-л. написанное' [Евгеньева (ред.) 1981–1984], в то время как *подчеркнуть* — это всего лишь 'выделить нужное из множества других' [Евгеньева (ред.) 1981–1984].

Иными словами, «ненужное зачеркнуть» — это полное удаление, в том числе графическое, неподходящих вариантов, в то время как «нужное подчеркнуть» — это лишь выделенный выбор без уничтожения других, но возможных вариантов. Неслучайно в границах первого фразеологизма развивается компонентная синонимия с участием прилагательного *лишний*: «лишнее зачеркнуть». Сглаживается категорично отвергаемый характер «зачеркнутого»: *ненужное* оказывается попросту *лишним*, т. е. согласно словарному определению 'превышающим нужное, избыточным' [Евгеньева (ред.) 1981–1984].

В художественных текстах рассматриваемый канцеляризм получает своеобразное поэтическое развитие, проявляющееся как в структуре, так и лексическом варьировании устойчивого сочетания. Помимо появления изоморфных компонентов внутри фразеологизма (*ненужное* — *лишнее*; *нужное* — *необходимое*), он становится и проницаемым, и распространяемым. Авторы таких текстов словно провоцируют консерватизм канцелярской формулы, нарушая его целостность. Чаще всего такие приемы наблюдаются в иронических контекстах, нередко создающих «игровую ситуацию»:

Лебедь Лев Наумович — старший научный сотрудник почечуевского музея-заповедника, филолог-литературовед, еврей и русский интеллигент. Лишнее, как говорится, зачеркнуть. Убежденный он придерживается в общем-то либеральных, а в подписи объявляет себя анархистом-кропоткинцем (О. Зайончковский. *Счастье возможно: роман нашего времени*. 2008).

Механический или вполне осознанный выбор (и героя, и читателя), спровоцированный устойчивой императивной конструкцией, создает особое нарративное напряжение текста, а «душный» канцелярский источник, откуда она явилась, — ситуацию деловитого и, что важно, (как бы) непредвзятого, объективного предпочтения одного варианта оставшимся. Возможно, эта функциональная двойственность канцеляризма *ненужное подчеркнуть* и привлекает писателей, тем более что прием «стилистического контраста» нередко используется в художественной речи, часто выражая «стремление автора через стилистический узор языкового повествования передать глубинные смыслы эстетической концепции произведения» [Данилевская 2003: 485].

Следует признать, что прилагательное *нужный* (и его антонимическая пара *ненужный*) имеет оттенок разговорности в противоположность книжному *необходимый*; это тонко чувствуют писатели и хорошие журналисты, поэтому в ряде художественных текстов мена прилагательного «нужный» на «необходимый» вовсе не случайна: *Мотивировки поведения «Голоса»: жалость, страх, презрение, сочувствие, боль. Необходимое — подчеркнуть* (Е. Попов. Подлинная история «Зеленых музыкантов». 1997).

Зачеркнуть и *подчеркнуть*, в свою очередь, — глаголы с изначально книжной «пропиской», поскольку содержательно они связаны с письменным текстом: только на письме можно что-либо *зачеркнуть* в прямом значении этого слова. Есть основания полагать, что первична формула «ненужное зачеркнуть», что это семантическая калька с немецкого канцелярского фразеологизма *Unzutreffendes streichen*, вероятно, заимствованного русским деловым языком в 20-е гг. XX в., в пору бурного развития нового советского делопроизводства [Кузнецова, Санкина, Быкова 2001: 20–24]. «Положительный» вариант («нужное подчеркнуть») становится своеобразным ему антиподом в официальных бумагах, и прежде всего в жанрах «опросного» типа — анкетах, листах переписи и др.

В документах XIX в., если судить по известным справочникам и пособиям по деловой речи того времени [Магницкий 1835; Русаков 1839; Наливкин 1847; Стояновский 1852; Варадинов 1857 и др.], ситуация выбора в формулярных документах была представлена в виде однородных перечислений с разделительным союзом *или / либо*: <образец оформления свидетельских показаний> *онъ показалъ, что утвърждаетъ ихъ во всей силъ, безъ всякой отмыны и дополннїя (или показалъ, что утвърдитъ ихъ не можетъ потому-то, или дополнилъ то-то)* [Стояновский 1852: 274]. Если учесть, что в те времена канцелярские формуляры типографским способом не множили, то такая форма выбора кажется вполне оправданной.

Национализация типографий и активное их развитие в 20-е гг. XX в. позволили советской канцелярии упростить письменный диалог (условно) государства с гражданином. Огромными тиражами выпускались готовые формуляры, в которых искомый вариант ответа на вопрос пропечатывался сразу (эта практика сохранилась донныне). Следовало лишь зачеркнуть или подчеркнуть подходящий ответ, иногда не столько правдивый, сколько верный по идеологическим, этическим или иным «осторожным» соображениям. Поэтому этот вариант был действительно **нужен** — в прямом и самом обыденном значении этого стилистически маркированного слова. В художественных текстах такие ситуации **нужного выбора** также создают весьма реалистические картины.

Шура разъясняет мне вполголоса, что спор закрутился вокруг пятого вопроса анкеты: «Если вы не имеете детей, то по какой причине: медицинские

показания, материально-бытовые условия, семейное положение, личные соображения и пр. (**нужное подчеркнуть**)». Я не понимаю, зачем спорить, когда каждая может отвести вопрос, **подчеркнув «личные соображения»** (Н. Баранская. Неделя как неделя. 1969).

Категоричность «ненужного», динамичность инфинитивных императивов «подчеркнуть» и «зачеркнуть», их бытовая и повседневная понятность обеспечивают этому канцеляризму активную жизнь и в современном художественном тексте (на каждый из рассматриваемых вариантов клише — более 50 документов в основном подкорпусе НКРЯ). Вторгаясь в художественный текст, деловой штамп не разрушает его своей стилистической противоположностью, но, напротив, укрупняет художественную значимость текста (если она есть), организует диалог с читателем в известных ему (читателю) речевых формах.

Источники

Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984 [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/mas>

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>

Литература

Варадинов Н. В. Делопроизводство, или Теоретическое и практическое руководство к гражданскому и уголовному, коллегиальному и единоличному письмоводству, к составлению всех правительственных и частных деловых бумаг и к ведению самих дел: в 2 т. СПб.: В типографии Якова Трея, 1857. 354 с.

Данилевская Н. В. Стилистический контраст // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта; Наука, 2003. С. 483–487.

Кузнецова Т. В., Санкина Л. В., Быкова Т. А. Делопроизводство: Учебник для вузов / под ред. Т. В. Кузнецовой. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. 359 с.

Магницкий М. Краткое руководство по дѣловой и государственной словесности для чиновниковъ, вступающихъ въ службу. М.: Тип. Лазаревыхъ, 1835. 120 с.

Наливкин Ф. Руководство къ сочиненію писемъ и дѣловыхъ бумагъ съ образцами: в 2 ч. М.: Тип. Семена, 1847. 1 ч. — 135 с.; 2 ч. — 260 с.

Русаков Ф. Канцелярскій самоучитель, или Краткое руководство къ познанию дѣлопроизводства присутственныхъ мѣстъ. М.: Тип. Ник. Степанова, 1839. 186 с.

Стояновский Н. Практическое руководство къ русскому уголовному судопроизводству. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1852. 312 с.

References

- Danilevskaya N. V. [Stylistic contrast]. *Stilisticheskii enciklopedicheskii slovar' russkogo yazyka* [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language]. Moscow, Nauka, Flinta Publ., 2011, pp. 208–209. (In Russ.)
- Kuznetsova T. V., Sankina L. V., Bykova T. A. *Deloproizvodstvo: Uchebnik dlya vuzov* [Office work: Textbook for universities]. Moscow, YUNITI-DANA Publ., 2001. 359 p.
- Magnickii M. L. *Kratkoe rukovodstvo k delovoi i gosudarstvennoi slovesnosti dlya chinovnikov, vstupayushchih v sluzhbu* [A quick guide to business and government literature for officials entering the service]. Moscow, Tip. Lazarevych Publ., 1835. 120 p.
- Nalivkin F. *Rukovodstvo k sochineniyu pisem i delovykh bumag s obrazcami: v 2 chastyakh* [Guide to writing letters and business papers with samples: in 2 parts]. Moscow, Semen's Typography Publ., 1847. 1 part. — 135 p.; 2 part — 260 p.
- Rusakov F. *Kantselyarskiy samouchitel', ili Kratkoye rukovodstvo k poznaniyu deloproizvodstva prisutstvennykh mest* [Stationery tutorial, or Quick guide to learning about the production of public places]. Moscow, Stepanov's Typography Publ., 1839. 186 p.
- Stoyanovskii N. *Prakticheskoe rukovodstvo k russkomu ugovnomu sudoproizvodstvu* [A practical guide to Russian criminal procedure]. St. Petersburg, Karl Kraya's Typography, 1852. 312 p.
- Varadinov N. V. *Deloproizvodstvo, ili Teoreticheskoe i prakticheskoe rukovodstvo k grazhdanskomu i ugovnomu, kollegial'nomu i odnolichnomu pis'movodstvu, k sostavleniyu vsekh pravitel'stvennykh i chastnykh delovykh bumag i k vedeniyu samikh del: v 2 t.* [Paperwork, or Theoretical and practical guide to civil and criminal, collegial and one-person writing, to the compilation of all government and private business papers and to the conduct of the cases themselves. In 2 vols.] St. Petersburg, Tipografiya Yakova Treya, 1857. 354 p.

Антропонимическое воплощение семейного единства в средневековой Руси

Анна Феликсовна Литвина¹, Федор Борисович Успенский²,
НИУ Высшая школа экономики¹, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН²,
annalitvina@gmail.com¹, fjodor.uspenskiy@gmail.com²

DOI: 10.31857/S013161170017981-8

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена различным ономастическим средствам, которые в средневековой Руси обеспечивали целостность семьи в рамках одного поколения, подчеркивая прежде всего единство между родными братьями. В такой перспективе важными инструментами исследования оказываются история культа личных патрональных святых и феномена светской христианской двуименности, когда человек в миру был обладателем не только крестильного, но и еще одного имени из церковного календаря. Особенное внимание уделяется, с одной стороны, специальной игре с семантикой некалендарного антропонима и, с другой, — работе с повторяющимися христианскими именами в семье; в частности, в научный оборот вводится понятие «антропонимической рокировки», призванное объяснить хорошо известные в эпоху позднего Средневековья казусы внутрисемейного дублирования имен и подчеркнуть системный характер этого явления. «Язык имен» позволяет демонстрировать властные чаяния рода, апеллировать к его истории, подлинной или мнимой, по-разному расставлять акценты в семейном благочестии и текущей политической конъюнктуре. В статье показано, каким образом имена собственные становятся инструментом планирования будущего при наречении первых и последних Рюриковичей на престоле, бояр братьев Морозовых и неизвестных контрагентов многочисленных грамот, написанных в XVI–XVII столетии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: историческая ономастика, средневековая Русь, многоименность, месящесловная традиция, имянаречение в допетровской Руси, культ святых, светская христианская двуименность, личные небесные покровители

для цитирования: Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Антропонимическое воплощение семейного единства в средневековой Руси // Русская речь. 2021. № 6. С. 77–97. DOI: 10.31857/S013161170017981-8.

БЛАГОДАРНОСТИ: Статья подготовлена по результатам проекта «Древняя Русь и Петровская эпоха в рукописях: комментированное чтение и издание текстов» при поддержке фонда «Гуманитарные исследования» ФГН НИУ «Высшая школа экономики» в 2021 г.

From the History of the Russian Language

Anthroponymical Embodiment of Family Unity in Medieval Rus'

Anna F. Litvina¹, Fjodor B. Uspenskij², National Research University Higher School of Economics¹, Vinogradov Russian Language Institute (Russian Academy of Sciences)²,
annalitvina@gmail.com¹, fjodor.uspenskiy@gmail.com²

ABSTRACT: The paper dwells on various onomastic means that ensured family unity within a generation in Medieval Rus', highlighting, first and foremost, the unity between brothers. The important research tools are the history of personal patronal saints cult and the fact that many Christians of the pre-Petrine time uses to have two names: a baptismal one, as well as an additional name from the church calendar. Particular emphasis is put on intentional semantics play of non-Christian names, on the one hand, and on working with recurring Christian anthroponyms in a family, on the other hand. The article introduces a term *anthroponymical castling*, which is supposed to explain the cases common in Medieval Times where the members of the family carried the same names and underline the systemic nature of this phenomenon. 'The language of names' allows to demonstrate ambitions of the family, invoke its history, whether actual or fictional, highlight

various aspects of family piety and current political situation. The paper demonstrates how given names acted as a means of planning when they were given to the first and the last of the Rurikids to rule on the Russian throne; to the Morozov brothers, the boyars; and to some other obscure participants of numerous events described in the 16th and 17th centuries.

KEYWORDS: onomastics, name-giving in pre-Petrine Rus', Medieval Russian polyonymy, dual naming of lay Christians, cult of saints, Church calendar, patron saints

FOR CITATION: Litvina A. F., Uspenskij F. B. Anthroponymical Embodiment of Family Unity in Medieval Rus'. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2021. No. 6. Pp. 77–97. DOI: 10.31857/S013161170017981-8.

ACKNOWLEDGEMENTS: The article was prepared based on the results of the project "Ancient Russia and the Peter's Era in Manuscripts: Commented Reading and Publishing of Texts" with the support of the Humanitarian Research Foundation of the Higher School of Economics National Research University in 2021.

Для правящей династии, для знати, а позднее — и иных людей, располагающих значительным имуществом и некоторыми властными полномочиями в средневековой Руси, чрезвычайно важна была манифестация родовой преемственности, связи «по вертикали», и не было, пожалуй, более наглядного средства для выражения этой преемственности, чем имена собственные. Внук становился *Ярославом* или *Дмитрием*, поскольку *Ярославом* или *Дмитрием* был его покойный дед, имена *Андрей*, *Петр*, *Василий* вновь и вновь воспроизводились в пределах одного рода в Московской Руси, как некогда у князей Рюриковичей домонгольского времени вновь и вновь повторялись имена *Ярослав*, *Всеволод*, *Святослав*...

За этой весьма эффектной и эффективной системой межпоколенческих связей в антропонимике легко упустить из виду другую — менее жесткую и очевидную — внутриспоколенческую связь, также маркируемую именами. В самом деле, чрезвычайно удобно, когда правнук-тезка наследует земли прадеда, но для успешного обладания этим наследием, для его благополучной передачи следующим поколениям, необходимо единство между всеми правнуками — они должны действовать вместе, оберегая доставшееся им по праву крови от внешнего мира. Попытаться предотвратить конфликт и укрепить кровный союз в ближайшие десятилетия,

в сущности, почти такая же важная антропонимическая задача, как протянуть легитимизирующую цепочку имен из прошлого в будущее.

Разумеется, для правящего рода горизонтальная целостность семьи была особенно важной в домонгольское время, когда, с одной стороны, принцип общеродового владения землей еще вполне успешно противостоял идее единовластия, а с другой, конкуренция между многочисленными братьями — родными, двоюродными, троюродными — оказывалась особенно напряженной именно потому, что правом на участие в этом владении обладал каждый из них. В ту пору, как известно, значительную долю имен элиты, будь то Рюриковичи или их окружение, составляли исконные, не имеющие отношения к церковному календарю антропонимы, для которых сложилась целая система демонстрации внутрипоколенческих связей. Ярче всего, пожалуй, эта система проявляется в именах двусоставных, хотя втянуты в нее не только они. Принцип варьирования родового имени, когда, к примеру, правитель по имени *Всеволод* дает своему сыну имя *Володимир*, а дочь Рогволода становится *Рогнедой*, заодно позволяет прочертить связь между всеми или частью детей, рожденных в одной семье. Один и тот же элемент дедовского, отцовского или материнского имени воспроизводится у братьев и/или сестер, знаменуя не только их наследственные права по отношению к деду, но и связь друг с другом.

Этот принцип, хорошо известный, например, германскому Средневековью, на восточнославянской почве привел к нескольким интересным и своеобразным результатам [Литвина, Успенский 2006: 31–69]. Так, в династии Рюриковичей довольно рано на первый план выступил формант *-слав*, всей своей многовековой популярностью обязанный, по-видимому, антропонимической стратегии Владимира Святого. Выбирая имена для своих многочисленных сыновей, князь имел возможность лишь единожды использовать имя своего отца *Святослав* целиком, однако наделить своих наследников одним из элементов этого двусоставного антропонима он мог многократно. Соответственно, целая плеяда княжичей и по крайней мере одна княжна несут в своих именах эту примету дедовского наследия: *Святослав*, *Изяслав*, *Ярослав*, *Мстислав*, *Вышеслав*, *Судислав*, *Станислав*, *Предслава*. В дальнейшем потомки наследуют их имена — как единое целое или поэлементно — так что большинство династов следующего поколения оказываются «заражены» этим формантом.

С другой стороны, более раритетный и оттого, по-видимому, более выразительный элемент *-полк* в тех семьях, где к нему решили прибегнуть, с определенного времени реализуется дважды — как правило, если один из княжичей зовется *Ярополком*, то у него почти непременно отыскивается брат по имени *Святополк*, хотя первые обладатели этих имен в династии приходились друг другу отнюдь не братьями, а дядей и племянником или отцом и сыном.

Крещение, принесшее в обиход страны огромную коллекцию новых антропонимов, часть из которых были так или иначе связаны между собой, добавило очень много нового и в список возможностей манифестации единства по горизонтали. Так, мы сталкиваемся с ситуацией, когда старшему княжичу в крещении дается имя *Петр*, а его младший брат, естественным образом, становится *Павлом* [ПСРЛ, II: 562, 600]. В одной и той же семье нередко воспроизводится ситуация имянаречения святых князей-мучеников, Бориса и Глеба, причем дело может не ограничиваться простым воспроизведением двух их имен у двух братьев. Бывало, например, так, что в рамках одной семьи задействуется сразу четыре имени страстотерпцев — не только *Роман* и *Давид*, которые были даны им в крещении, но и ставшие христианскими вследствие канонизации и запечатленные в месяцесловах *Борис* и *Глеб* [Литвина, Успенский 2006: 114–115]. Таким образом, одновременно отдается особая дань почитанию святых родичей, а заодно демонстрируется связь между тремя или четырьмя братьями сразу, поскольку связь между их именами — *Роман*, *Давид*, *Борис*, *Глеб* — очевидна на Руси всякому, благодаря чрезвычайной популярности борисоглебского культа.

Разумеется, двусоставные нехристианские имена продолжают играть роль в этом выстраивании горизонтальных антропонимических связей довольно долго, и два-три века спустя после обращения страны. Так, к концу XII столетия мы обнаруживаем в Новгороде братьев, зовущихся *Вячеслав* и *Богуслав* [ПСРЛ, III: 67]. «Созвучие» между их именами отнюдь не сводится к простому повтору элемента *-слав*, игра здесь сложнее и тоньше. *Вячеслав* успело к тому времени (так же, как *Борис* и *Глеб*) сделаться именем христианским, попасть в месяцесловы в качестве именования чешского князя, принявшего мученическую смерть за веру, причем культ св. Вацлава и его бабки Людмилы был в достаточной мере распространен на Руси. Что же касается имени *Богуслав*, то оно христианским отнюдь не было и при крещении получить его было невозможно. Однако благодаря своей «благочестивой» семантике оно мыслилось, по всей видимости, как удачная пара к славянскому имени христианского святого.

Подобные примеры — а их число без труда можно увеличить, и каждый заслуживает отдельного рассмотрения¹ — дают возможность убедиться в том, что связь между братьями поддерживалась всей системой русской

¹ Ср., например, встречающиеся в Новгороде и Галиче имена *Судила* и *Несъда*, которые, возможно, были связаны между собой этимологически и принадлежали, по-видимому, ближайшим родичам (устное сообщение А. А. Гиппиуса, ср. также: [Зализняк 2004: 357; Литвина, Успенский 2021а: 16–20]). Материал новгородских берестяных грамот сам по себе является богатейшим источником семантически сближенных имен и/или имен с повторяющимися элементами, причем родственные связи между их обладателями на сегодняшний день еще недостаточно изучены.

многоименности. Коль скоро один и тот же человек зачастую являлся обладателем двух, трех, а то и четырех имен, для отсылок к горизонтальным генеалогическим связям могло использоваться любое из них, причем такие антропонимические комбинации нередко оказывались довольно сложными и информативными. В самом деле, нет сомнений, что у новгородца Богуслава было еще одно христианское имя. В его случае, поскольку оно остается нам неведомым, мы не можем сказать, включалось ли оно в ономастическую сеть, объединяющую родичей одного поколения, однако относительно множества других лиц такая информация в нашем распоряжении имеется.

Как же, однако, будут выстраиваться подобные горизонтальные связи в эпоху более позднюю, когда славянские двусоставные имена были существенно потеснены в обиходе и этот столь наглядный конструктор манифестации родственных отношений отошел на второй план? Какие характерные приемы антропонимического объединения братьев могли использоваться в его отсутствие?

Стоит отметить, что по сравнению с домонгольским временем в русской антропонимической традиции XIV–XVII вв. практика наречения нескольких братьев именами святых, непосредственно связанных в агиографической традиции или Священной истории, вопреки ожиданиям, не расширяется, а скорее идет на убыль. Своеобразная драматургия имянаречения, сближающая целые группы земных людей с их небесными прототипами, не так уж часто реализуется с той буквальной прямоотой, которая была присуща первым столетиям после крещения — формы ее становятся более сложными и изощренными. Наречение родных братьев, скажем, *Борисом* и *Глебом* или *Петром* и *Павлом* остается чем-то вполне приемлемым, но, пожалуй, не столь уж частотным. В синодике можно встретить трех членов одной семьи Мориных, которых зовут *Пров*, *Тарх* и *Андроник* (РГБ 818: л. 36), без сомнения нареченных в честь сомучеников киликийских Прова, Тарха (Тараха) и Андроника (память 12 октября), нет-нет попадают, как встарь, и родные братья с именами *Борис* и *Глеб* (см., например, наречение в семье Патрикеевых [Курдюмов 1915: 5 (№ 25)] или Морозовых, о которых нам еще предстоит говорить ниже), однако в сколько-нибудь выраженную тенденцию все это отнюдь не складывается. Особую группу случаев такого рода составляют, возможно, те казусы, когда нарекающие стремятся подчеркнуть подлинную или мнимую генеалогическую связь собственного рода с прославленными русскими святыми. Так, в XVII в. сыновья Никиты Ивановича Одоевского получают имена *Михаил* и *Федор* в честь свв. Михаила Черниговского и его боярина Федора (ср. в этой связи: [Николаева 1958: 96–97 (№ 7)]), так как Одоевские считали

себя прямыми потомками этого князя. В известном смысле Одоевские в XVII в. применяют примерно ту же стратегию имянаречения, что и князья конца XI–XII в., для которых немаловажной составляющей в культе Бориса и Глеба оставалось собственное, еще весьма наглядное и близкое родство со страстотерпцами.

Как же обстояло дело с именами некалендарными? Наиболее очевидный и, пожалуй, чаще других обращавший на себя внимание исследователей антропонимический прием — это наделение членов одной семьи нехристианскими именами, чьи значения лежат в одном семантическом поле. Это могут быть, к примеру, названия частей человеческого тела, когда один из братьев носит имя *Бедро*, а другой *Голень*, или деталей одежды (да порой еще не произвольных, а соприкасающихся друг с другом, последовательно на одну и ту же часть тела надеваемых), когда два родных брата носят имена *Чулоч* и *Башмак* (Ивановы дети Абашева, обитавшие в Тверском уезде в XVI в.) [Лаппо 1893: 124 (№ X/8)]. Именами братьев могли послужить родственные названия еды или растений, как съедобных, так и несъедобных, например *Пирог* и *Каравай* в одной семье и *Щавель* и *Пырей* в другой [Лихачев 1900: 158]. Жившие в XV столетии сыновья угличского боярина Бориса Васильевича Галицкого звались *Береза*, *Осина* и *Ива* [Чернов 2012: 702]. В дело шли и другие наименования обиходных предметов — так, братья Шуйские, Иван и Андрей Михайловичи, младший из которых был дедом будущего русского царя, звались, как известно, *Плеть* и *Частокол* (см. таблицу на с. 94). Обыгрываться могла и более сложная терминология. Так, обитавшие отнюдь не в монастыре, а в миру братья носили имена *Келарь* и *Игумен*, причем еще один сын в этой семье прозывался *Басурман* [АФЗХ, III: 137 (№ 37)], что не могло не создавать контрастную связь с квазиблагочестивыми именами его родственников.

Перебирая подобные казусы, следует обратить внимание, что такого рода имена могут появляться вместе с христианскими антропонимами своих обладателей. Так, из источников мы знаем, что уже упоминавшийся Каравай в крещении был *Андреем*, а в иночестве стал *Арсением*, тогда как его брат Пирог крещен был *Степаном*, а при постриге сделался *Сильвестром*. Однако в других случаях интересующие нас именованья фигурируют отдельно, так что порой у нас даже нет возможности узнать, как были крещены их носители (таков, например, казус с братьями Чулком и Башмаком Абашевыми). Иногда у части братьев христианские имена упомянуты, а у других — нет: так, дети Ивана / Меньшого Филиппова сына показаны в источниках как *Григорий Ерш*, *Андрей Сом*, *Иван Окунь* и *Судак* [Морозов 1993: 42; Морозов 1994: 17, 19].

Иначе говоря, картина употребления всех этих семантически сближенных антропонимов примерно такая же, как и для прочих полноценных и самостоятельных нехристианских имен. Иногда можно заподозрить некую фонетическую корреляцию между ними и христианскими именами (ср. *Иван / Ива*), однако редко у нас бывает уверенность в том, что это корреляция преднамеренная, ведь в именах братьев Ивана / Ивы, Дмитрия / Березы и Семена / Осины, они отсутствуют или, во всяком случае, далеко не столь отчетливы.

Еще более существенно в нашей перспективе, что по тому же принципу попадания в одно семантическое поле могут выстраиваться связи одновременно и по горизонтали, и по вертикали. Так, отец пресловутых Каравая / Андрея и Пирога / Степана звался *Оладья* (в крещении — *Максим*, во иночестве — *Макарий*), отец Пырея именовался *Осокой*, а дед — *Травой* [АСЗ, IV: 285 (№ 385, 386), 286 (№ 387), 287 (№ 388, 389)]. У упоминавшихся выше братьев с «рыбьими» именами — Ерша, Сома, Окуня и Судака — отец по нехристианскому имени был *Меньшой*, зато дед звался *Филипп Линь* [Морозов 1993: 42]. Однако в иных случаях семантическая перекличка могла ограничиваться и одним поколением семьи², причем нередко она охватывала не всех братьев, а лишь некоторую группу³.

Можно ли считать, что эта семантическая близость некалендарных имен — явление сравнительно новое, появившееся только в ту пору, когда вышла из употребления игра с двусоставными славянскими антропонимами? Для домонгольского времени мы не всегда располагаем достаточным материалом для того, чтобы уверенно говорить о параллельном обыгрывании как двусоставных, так и недвусоставных, но семантически сближенных имен детей в одной семье. Кажется, однако, что такая «работа» с односоставными антропонимами, каковую мы наблюдаем в XV–XVII столетии, была возможна и гораздо раньше. В то же время, вымывание из элитарной среды двусоставных славянских имен, очевидно, не могло не отразиться на самом принципе прочерчивания связей по горизонтали.

Помимо всего прочего, в Московской Руси интересующие нас семантически сближенные имена братьев иногда носят довольно странный и явно книжный характер, оставаясь при этом антропонимами немесецесловными, некрестильными:

А у Михаила Федоровича <Елизарова> четыре сына: Андрей — а прозвище Эндогур, бездетен, да Иван — прозвище Волтасар, бездетен, да Василий — прозвище Мардахай, да Наум — прозвище Обрасалан.

² Порой дело, напротив, ограничивалось лишь генеалогической вертикалью, ср., например: «А у Зука <т. е. Зыка> Семенова сына сын Крик» (роспись Тыртовых, 1686 г.) [Шабаетов 2019: 310 (№ 106)].

³ Так, у Чулка и Башмака Алабышевых был третий брат, который в источниках именуется *Олешей*.

И Волтасар во 87-м <1579> году был во Мценску воеводою <...> Да ему же, Валтасару Михайловичу, за службу дана вотчина <...> Да Обрасалану Михайловичу дана вотчина <...> А у Василья, что прозвище ему Мардахай, сын Кузьма <...> А у Наума, что прозвище ему Обрасалан, Михайловича дети... [Шабаев 2019: 288–289 (№ 89)].

Бывало так, что имя одного брата напоминает месящесловный эпитет к имени святого⁴, тогда имя другого явно подбиралось к нему на основании семантического подобия, но при этом никакого отношения к месящеслову уже не имело. Любопытны в такой перспективе нехристианские имена двух братьев Грековых:

У Никиты <Викулова сына> детей: Василей да Сила, да Иван — прозвище Персид, да Иван — прозвище Татарин, бездетны [Шабаев 2019: 284 (№ 86)]⁵.

Помимо всего прочего, нельзя не заметить, что у двух только что упомянутых братьев Грековых, Татарина и Персида, совпадают христианские имена. Здесь мы вступаем в ту область выбора имен для представителей одной семьи, которая в домонгольское время существовала лишь в зачаточном виде, зато с конца XIII в. постепенно разрастается и играет все большую роль в церковной жизни. Речь идет о практике христианской двуименности, которая создает новые возможности для манифестации семейных связей на уровне одного поколения, и, с другой стороны, о специфике функционирования имен у братьев, становившихся тезками.

Оговоримся сразу же, что в домонгольской Руси, насколько мы можем судить по дошедшим до нас памятникам, было не принято (по крайней мере, в элитарных семьях) давать детям одинаковые имена, идет ли речь об именах христианских или нехристианских. В родовой ветви смоленских князей XII в. мы можем обнаружить двух братьев с именем *Мстислав* (весьма вероятно, что и в крещении они оба были *Федорами*), однако младший из них появился на свет после смерти старшего, а для детей, живших одновременно, такое наречение едва ли было возможно. Напротив, в XIV–XVII вв. мы знаем множество примеров, когда в семье рука об руку действуют два брата-тезки. Достаточно вспомнить здесь двух Иванов,

⁴ Эпитеты такого рода — *Постник, Исповедник, Тирон, Стратилат, Воин, Голиндуха* — на Руси употреблялись в качестве имен, и притом некрестильных (см. подробнее: [Литвина, Успенский 2019: 148–155]).

⁵ Используемое здесь слово «прозвище» не должно смущать читателя — в XVI–XVII вв. «прозвищем» могли называться любые имена человека, христианские и нехристианские, за исключением тех, что он получил в крещении или при постриге [Литвина, Успенский 2018: 241–249; Литвина, Успенский 2020: 24–26].

сыновей Василия Ярославича (правнуков Владимира Андреевича Храброго), Дмитрия Шемяку и Дмитрия Красного, сыновей Юрия Дмитриевича Звенигородского, двух Андреев, сыновей Василия Темного и, наконец, двух Елен в семье Ивана III (об этих казусах см. подробнее: [Литвина, Успенский 2006: 232–237]). За пределами правящего дома можно отметить, например, двух Дмитриев Дмитриевичей Пивовых, рожденных в XVI столетии и нареченных, по всей видимости, в честь одного и того же святого, Дмитрия Прилуцкого (тогда как их отец получил свое имя по Дмитрию Солунскому — ср.: [Титов 1881: 20, 21, 88]).

Что же, однако, стоит за такими совпадениями? Можно ли говорить о многократном использовании одного антропонима как о средстве усиления генеалогической связи между братьями, и если да, то как оно устроено?

Полного тождества имен нехристианских у двух одновременно живущих братьев или сестер по источникам практически не прослеживается (во всяком случае, такие казусы исчезающе редки). Что же касается совпадения имен христианских, то за ними нередко просматривается модель более сложная, чем простое тезоименитство, и модель эта носит, на наш взгляд, довольно устойчивый, неслучайный характер, она вполне употребительна, хотя едва ли ее можно назвать массовой и всеобъемлющей.

Обратимся прежде всего к примеру, наиболее древнему и при этом обладающему едва ли не самой осязаемой структурой. Речь идет об именах двух суздальских князей, живших в XIV в., — знаменитого Дмитрия Константиновича († 1383), одно время державшего ярлык на великое княжение и сделавшегося тестем Дмитрия Донского, и его младшего брата, Дмитрия Константиновича, который в источниках иногда появляется как *Дмитрий Ноготь*.

Сразу же бросается в глаза, что имя *Дмитрий* с высокой вероятностью было дано им в честь одного и того же патронального святого — Дмитрий Солунский был одним из самых популярных святых у Рюриковичей, не говоря о том, что в ту пору из всех святых с этим именем лишь его культ был распространен на Руси достаточно широко. В свое время авторам этих строк доводилось писать о том, что такая практика была общепринятой — в правящей династии XIV–XVI вв. тождество христианских имен у отца и сына подразумевало различие небесных покровителей (отец нарекался, к примеру, в честь Иоанна Предтечи, а сын в честь Иоанна Лествичника), тогда как у родных братьев-тезок небесный покровитель был, как правило, один и тот же [Литвина, Успенский 2006: 215–237]. В целом это утверждение и сейчас представляется нам верным, однако, как

будет видно из разбираемых здесь казусов, оно нуждается в определенных уточнениях.

В самом деле, совпадение имен и патрональных святых превращало бы братьев в неких антропонимических двойников. В действительности же ситуация оказывается более многомерной. Так, старший из Дмитриев Константиновичей был, как известно, не только *Дмитрием*: в крещении он получил имя *Фома*, весьма вероятно данное ему по дню появления на свет. *Дмитрий* же — это не что иное, как княжеское, династическое имя, уподоблявшее его череде князей-предков. К счастью, все христианские имена этого князя напрямую запечатлены в летописи, и столь же прямо и непосредственно указывается статус двух из них:

...преставися во иноческомъ чину князь велики Дмитрей Константиновичъ Суздальскій и Новагорода Нижнего, внукъ Васильевъ, правнукъ Михайловъ, праправнукъ Андрѣевъ; бѣ же ему во святомъ крещеніи имя Оома, а иноческое Θεодоръ ([ПСРЛ, XI: 83]; ср.: [ПСРЛ, VIII: 48–49]).

Существенно, что монашеское имя было дано князю по тому принципу, который со временем станет на Руси господствующим — оно подбиралось к крестильному *Фома* и соответствовало ему по первой букве (см. подробнее: [Успенский, Успенский 2017: 100–112]). Что же касается младшего брата, то *Дмитрий*, судя по всему, было его единственным христианским именем, совмещавшим в себе функции родового и крестильного. Во всяком случае, никакой другой антропоним из месящеслова применительно к нему в источниках не фигурирует, а монашеское *Дионисий*, по всей видимости, подбиралось «по буквам» к известному нам *Димитрий*.

Иначе говоря, перед нами — своеобразная антропонимическая рокировка: то, что для старшего брата было лишь публичным династическим именем, для младшего оказывается единственным христианским, под ним он правил и им же был крещен. При этом некое второе именование у младшего Дмитрия все же было, однако речь идет о единице некалендарного антропонимикона, возможно, связанной с порядком появления детей в семье, желанием ономастически обозначить его статус младшего. К сожалению, это нехристианское *Ноготь* появляется в источниках не слишком часто, и нам трудно сказать что-то определенное о его бытовании.

Светская христианская двуименность у этой ветви потомков Андрея Ярославича (брата Александра Невского) со временем получает все большее распространение. В нашей перспективе интереснее всего линия «царских прародителей», уже упоминавшихся братьев Ивана Плетня и Андрея Частокола Шуйских. Убитый псарями в 1543 г. по приказу юного Ивана

Грозного Андрей Михайлович Шуйский в крещении был *Матфеем*⁶. Крестильным именем его сына (отца царя Василия) — Ивана Андреевича — стало *Максим*⁷.

Иначе говоря, с поколением царских дедов все более или менее очевидно: демонстрация связи между братьями обустраивается по принципу семантической близости некалендарных имен, а их христианские имена как будто бы никак в этом процессе не участвуют. Поколение отцов и во все представлено только одним человеком: Иван Михайлович Плетень умирает, не оставив мужского потомства, и тот факт, что хотя бы один отпрыск этой родовой линии, его племянник Иван / Максим Андреевич, сумел удержаться на исторической сцене, вернуться ко двору Грозного и сделать значительную карьеру, порой воспринимался современниками как чудо. Он оставил достаточно многочисленное потомство, и большинство его сыновей оказываются, как и он сам, носителями христианской двуименности.

Публичные имена будущего царя и его братьев (см. таблицу на с. 94) — *Василий, Андрей, Дмитрий, Александр и Иван* — как бы акцентируют и аккумулируют в себе всю историю рода. Так, *Василий* — это не что иное, как имя родного прапрадеда братьев, а *Дмитрием* (помимо целой череды отдаленных предков) звался уже упоминавшийся тесть Дмитрия Донского, Дмитрий Константинович Суздальский. В том, что при наречении отпрыска Шуйских ориентировались именно на фигуру этого князя, не возникает никаких сомнений — в крещении Дмитрий Иванович († 1612)

⁶ В синодике Суздальского собора отмечено, что в 1583 г. Иван Грозный прислал корм по Андрею Шуйскому на 9 августа: «Того же года и мѣсяца въ 9 день прислалъ государь царь и великій князь Иванъ Васильевичъ все Русіи, по князѣ Андрѣе Михайловиче Шуйскомѣ, а имя ему Матѣей, въ Суздаль въ домъ Пречистыя Бѣи владыкѣ и протопопу зъ братьею 60 рублевъ» ([Леонид Кавелин, II: 221–222 (№ 935, л. 8)]; ср. также аналогичную дату поминовения князя в Кормовой книге вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря [Суворов 1861: 325]). В этот день церковь празднует память апостола Матфея, в честь которого Андрей / Матфей Шуйский и был крещен. Весьма вероятно, что свое публичное имя он получил по Андрею Стратилату, одному из популярнейших на Руси (а в элитарной среде — в особенности) святых, чья память праздновалась 19 августа — публичные имена для носителей светской христианской двуименности чаще всего подбирались в календарных окрестностях именин нарекаемого. См. подробнее: [Литвина, Успенский 2020: 53–64].

⁷ Сведения о крестильном имени опричника, боярина и воеводы Ивана Андреевича Шуйского († 1573) удастся отыскать все в том же синодике Суздальского собора, храма чрезвычайно важного для этой семьи, и в синодике Александро-Свирского монастыря (БАН 57: л. 15 об.). Дата его поминовения приурочена к 21 января — дню празднования св. Максима Исповедника [Леонид Кавелин, II: 222 (л. 15 об.)]. Точными сведениями о том, в честь кого из свв. Иоаннов ему было дано публичное имя, мы не располагаем, да и предположения на сей счет строить затруднительно: в непосредственной близости от 21 января обнаруживается сразу несколько «иоанновских» дат (26 января — память Иоанна Палестинского, 30 января — Иоанна Златоуста, 15 января — Иоанна Кущника).

получит имя *Фома* [Херсонский, I: 46], точно так же, как его предок и полный тезка, державший в XIV в. ярлык на великое княжение. Однако в перспективе связей по горизонтали ярче всего выглядит, пожалуй, наречение двух других братьев, Андрея и Александра Шуйских.

Андрей — «дедне» имя для Андрея Ивановича († 1589), при этом *Андреем* звали и родоначальника всей ветви Шуйских, жившего в XIII в. сына Ярослава Всеволодича. С другой стороны, сами Шуйские, как известно, с определенного времени претендовали на то, что происходят не от него, а от его старшего брата, Александра Невского, и являются потомками одного из его старших сыновей, Андрея Александровича (таким образом они занимали бы более высокое положение в династической иерархии, чем представители правящего дома, поскольку те являлись потомками одного из младших детей Александра Невского — Даниила). Так или иначе, имена *Андрей* и *Александр* у двух родных братьев оказывались и для генеалогической легенды, и для реальной родовой истории, с одной стороны, так сказать парными, а с другой — архизначимыми.

В то же время имянаречение в этой семье Шуйских не сводилось к выстраиванию лишь той перспективы на будущее, которая была связана с прошлым. Как известно, все братья, сделавшись взрослыми, выступали единым фронтом, и именно это обеспечивало им успех, а порой вело к катастрофическим провалам и неудачам. Так или иначе, важность такой спаянности братьев, очевидно, предполагалась их отцом с самого начала, а потому запечатлевалась в их имянаречении сразу несколькими способами.

Один из его антропонимических приемов вновь отсылает к семье Дмитрия Константиновича Суздальского. Подобно тому, как там было два брата по имени *Дмитрий*, у Ивана Андреевича Шуйского было двое сыновей по имени *Василий* — будущий царь Василий Шуйский († 1612) и один из его младших братьев. Как мы уже упоминали выше, большинство детей в этой семье было двуименными, и Александр Иванович, обладатель весьма «амбициозного» публичного имени, в крещении был не кем иным, как *Василием* (БАН 57: л. 15 об.). Таким образом, его антропонимическое досье как будто объединяет в себе все, что способен был взять род от христианского наречения.

Перед нами вновь своеобразная антропонимическая рокировка, когда одно и то же имя используется у двух родных братьев в разном качестве, однако ситуация здесь не в точности такая, как с двумя Дмитриями в семье древних суздальских князей. Носителями христианской двуименности были оба эти отпрыска Ивана Шуйского. Царь Василий обладал еще и именем *Потаний*, причем, по всей вероятности, именно оно, а не *Василий*,

и было для него крестильным⁸. Таким образом, публичное имя старшего из братьев (*Василий*) становится для младшего, Александра / Василия, крестильным, тогда как всем известное и регулярно фигурирующее в источниках *Александр* — это не что иное, как «прозвище», мирское публичное именование. Обладателем одного-единственного христианского имени был только самый младший из братьев, Иван, причем он сделался тезкой родного отца (точнее говоря, то имя, которое для отца, Ивана / Максима, было публичным, для сына исполняло обе функции — публичного и крестильного одновременно). Любопытно, что этот Иван Иванович, подобно своему отдаленному родичу Дмитрию Ногтю, носил нехристианское имя, скорее всего, акцентирующее статус младшего брата в семье — он звался *Пуговка*.

Иначе говоря, в сложную антропонимическую игру с прошлым и настоящим, в первую очередь, втягиваются родовые, публичные имена («прозвища»), но не чужды ей и некоторые имена Шуйских, полученные ими в крещении (*Фома* и *Василий*), тогда как *Потапий* и *Елеазар* (таково было крестильное имя Андрея Ивановича: БАН 57: л. 15 об.) вроде бы остаются за ее пределами.

Эта родовая ветвь Шуйских фактически угасла в XVII столетии, однако возможность подобного объединения имен братьев никуда не делась.

Весьма интересный образчик антропонимической рокировки представлен в имянаречении знаменитых братьев Морозовых, один из которых был воспитателем, а впоследствии и свояком царя Алексея Михайловича, тогда как другой — дядькой рано умершего царевича Ивана Михайловича. Публичные имена братьев Морозовых — *Борис* и *Глеб* — хорошо известны и запечатлены во множестве источников. Очевидным образом, наречение в честь «парных» святых, русских князей-мучеников, само по себе акцентирует и выделяет связь между братьями в этой семье. Замечательно, однако, что нарекающие, прочерчивая горизонтальные линии семейного единства, этим не ограничились.

⁸ В недавно опубликованной статье мы в качестве рабочей гипотезы высказали предположение о том, что Василия крестили *Потапием* [Литвина, Успенский 2021]. Аргументом, будто бы опровергающим это допущение, может служить тот факт, что в монахи царь постригается с именем *Варлаам*, подобранным, очевидным образом, не к *Потапий*, а к *Василий*. Вообще говоря, в XVI в. если подбирали монашеское имя к христианскому мирскому, то непременно к крестильному, и принцип этот осуществлялся весьма последовательно [Литвина, Успенский 2018]. Однако следует учесть исключительность ситуации пострижения низлагаемого царя. Иночество Василия Шуйского было насильственным, внезапным и сопровождалось множеством нарушений, так что ориентация на публичное имя при наречении именем монашеским в данном случае оказывается лишь еще одним звеном в цепи отступлений от традиции и вопиющих канонических отклонений. Кроме того, за последнее время удалось существенно пополнить коллекцию примеров, где имя *Потапий* у Шуйского характеризуется как «молитвенное», т. е. именно к нему прикладывается эпитет, обыкновенно обозначающий крестильные имена. Ср.: «Кормъ по г^дре цѣе и великомъ кнѣзе Василии Ивановиче всеа Р^ссиіи молитвеное има Потапиі» (РГБ 814: л. 59 об.); «...цѣа Василиа, а млѣвеное има Потапиа» (БАН 55: л. 93 (л. 90 старой пагинации); ср. также: РГБ 814: л. 59 об.).

Оба брата были двуименными. Старший из них, Борис Иванович († 1661), в крещении получил имя *Илья*. Мы не знаем точной даты его рождения, но именины Бориса / Ильи Морозова праздновались на Илью Пророка (20 июля) [Суворов 1861: 313, 325]. Исходя из общей логики наречения двумя христианскими именами, естественно предположить, что в этот день он и появился на свет — обыкновенно крестильное имя у двуименных давалось в честь святого дня рождения, а устраивающий семью публичный антропоним подбирался в календарных окрестностях этой даты. Память Бориса и Глеба отмечалась, как известно, 24 июля, и — коль скоро родители избрали путь двуименности — для мальчика, родившегося на Ильин день, более чем естественно было бы получить имена *Илья* и *Борис*.

При этом в перспективе нашего исследования едва ли не более существенно наречение младшего из братьев Морозовых — Глеба Ивановича († 1662). Помимо родового *Глеб*, казалось бы уже достаточно манифестирующего его единство с братом Борисом, он получает еще и имя крестильное, и именем этим оказывается не что иное, как *Борис* [ВКЛ ТС: 54 (л. 167)]. Такое антропонимическое решение создает, разумеется, изрядную путаницу в различных записях коммеморативного характера, касающихся семьи Морозовых, но подобного рода затруднения никогда не смущали людей русского Средневековья, поскольку тексты подобного рода были в первую очередь адресованы не миру, но Богу.

Тем не менее имянаречение братьев Морозовых остается необычным. Вообще говоря, мы не знаем других случаев, чтобы человек, ставший *Борисом* в крещении, был *Глебом* в повседневной жизни (или наоборот). Предполагалось, по-видимому, что покровительство св. Бориса и так обеспечено всем обладателям имени *Глеб*, а все, кого зовут *Борис*, так или иначе находятся под патронатом св. Глеба. Перед нами как будто бы та же антропонимическая рокировка, что и в семье Шуйских, однако прочерчена она куда более резко. Подобное антропонимическое усиление трудно объяснить чем-то иным, нежели стремлением нарочито подчеркнуть и без того манифестированную связь младшего брата со старшим.

В целом же не стоит рассматривать продемонстрированные здесь способы антропонимического объединения семьи по горизонтали как нечто разовое или экзотическое. С одной стороны, примеры подобной демонстрации связи между братьями отнюдь не единичны, а с другой — сходные приемы мы можем наблюдать в еще более широких масштабах, когда речь идет о выстраивании генеалогических связей по вертикали. Как известно, в традиции не существовало прямого запрета нарекать сына христианским именем отца. При этом очень редко мальчик, появившийся на свет при жизни родителя, становился его полным антропонимическим подобием. Обыкновенно традиция избирает один из двух возможных сценариев расподобления. Об одном из них, более распространенном,

когда имена отца и сына совпадают, но различаются небесные покровители, нам уже приходилось писать ранее [Литвина, Успенский 2006: 215–231]. Другой же путь — куда ближе к тому, что мы наблюдали при очерчивании горизонтальных связей. При ближайшем рассмотрении хотя бы один из интересующих нас тезок, старший или младший, оказывается обладателем двух христианских имен, лишь одно из которых совпадает с именем родича. Так, у Степана Васильевича Годунова († 1603), родственника царя Бориса, сын носил отцовское имя *Степан* (*Стефан*). Однако в крещении Степан-старший был *Евдокимом*, так что к сыну перешло лишь его публичное, но не «прямое» имя (точно так же, напомним, было устроено уподобление-расподобление в случае с Иваном / Максимом Шуйским и его сыном Иваном Ивановичем Пуговкой).

Иной раз расподобление отца и сына могло, по-видимому, реализовываться по двум моделям одновременно. Здесь можно упомянуть казус из династической практики XIV в. Как известно, у Семена Гордого († 1353) был сын по имени *Семен*, при этом сам великий князь в крещении был *Созонтом*, а публичное *Семен* получил по св. Симеону Столпнику. Семен же младший был наречен в честь св. Симеона Богоприимца. Таким образом, у отца и сына-тезок не совпадали небесные покровители по имени *Симеон*, да вдобавок главным святым заступником отца, в отличие от сына, оставался св. Созонт [Литвина, Успенский 2020: 68–70 (примеч. 39)]. В целом можно заметить, что мир вертикальных связей, выстроенных на христианских именах, многообразнее, сложнее, а во многом и запутаннее — горизонтальные связи как бы подхватывают отдельные его механизмы.

Итак, в качестве своеобразных примет эпохи нам удалось выделить семантическое сближение некалендарных имен у детей из одной семьи, простое тождество христианских имен одновременно живущих братьев или сестер и тождество, так сказать, со сдвигом, когда часть христианских имен у двух братьев совпадает, но функции этим антропонимам присваиваются разные.

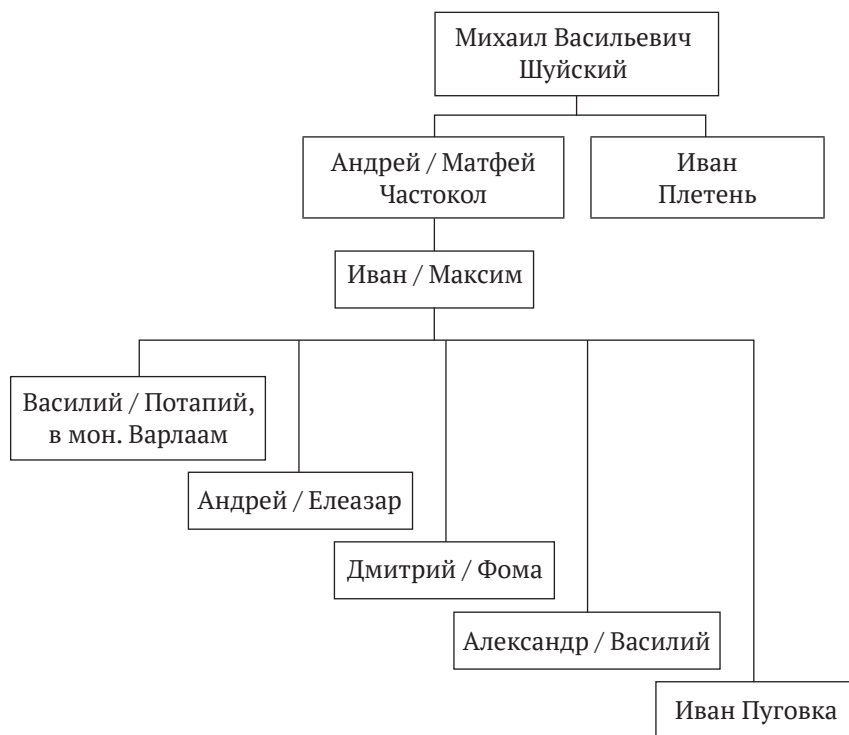
Трудно не обратить внимание, что ни один из этих способов сближения по горизонтали не носит сколько-нибудь всеобъемлющего характера — по-видимому, и самая идея демонстрации единства детей, принадлежащих к одной семье, со времен домонгольских постепенно теряет свою универсальность, дробится, а зачастую и отступает на второй план, в династической же жизни она постепенно и вовсе маргинализуется. Попросту говоря, в каких-то семейных ситуациях единство братьев в цепи родовой преемственности по-прежнему важно, но в каких-то оно может оказаться избыточным и чуть ли не вредоносным.

Быть может, поэтому историкам конца XIX — начала XX столетия, обращавшим внимание на отдельные случаи семантического сближения

некалендарных имен братьев, подобные казусы (когда одного брата зовут *Оладья*, а другого *Пирог*) казались скорее забавной причудой и экзотической игрой, нежели каким-то системным принципом. По всей видимости, элемент языковой игры, да и некоторого комизма, здесь и в самом деле порой присутствовал, однако чем больше мы видим самих этих ситуаций, тем очевиднее, что речь идет не об окказиональном каламбуре, а о некоторой вполне серьезной антропонимической тенденции, пусть и не массового свойства. «Серьезности» им добавляет и то обстоятельство, что разворачиваются они на фоне сближения христианских имен членов одной семьи, и здесь, на наш взгляд, существует еще довольно обширное поле для исследований.

До сих пор нам продолжают открываться все новые и новые сведения о вторых христианских именах людей XIV–XVII вв. — мы явно не все знаем даже относительно персон знаменитых и обильно представленных в источниках. Нельзя ли предположить, что за рядом случаев простого тождества христианских имен у одновременно живущих братьев часто, если не всегда, стоит более сложная антропонимическая модель, сродни той, что мы наблюдали на примере Шуйских и Морозовых? Попросту говоря, не стоит ли поискать вторые имена у двух Дмитриев, двух Андреев или двух Иванов, происходи они из семьи великокняжеской или любой другой? Обязательно ли эти имена, призванные расподобить тезок, должны быть христианскими? Каждому ли из братьев необходимо второе имя или для устранения антропонимического дублирования достаточно того, чтобы двуименным стал один из них?

Напоследок нам хотелось бы подчеркнуть, что нежелательность полного совпадения антропонимического досье двух родных братьев менее всего определялась потенциальными практическими неудобствами. В самом деле, у элиты XVI–XVII вв. всегда был выбор: если младший брат появился на свет на память одного из свв. Василиев, вовсе не обязательно было крестить его в честь этого святого — в ту пору богатые и благочестивые люди имели достаточно доступа к месяцесловной традиции, чтобы практически на каждый день располагать некоторым ассортиментом антропонимов, из которого можно было выбрать. Коль скоро в крещении младший был назван одним из имен старшего, это несомненно было результатом сознательного решения, когда некие семиотические цели ставились выше того, что сегодня мы понимаем как практическое удобство. Благодаря тезоименитству у братьев, к примеру, появлялся общий небесный покровитель, играющий особую роль в жизни всего поколения этой семьи. С другой стороны, коль скоро хотя бы один из них носил еще и иное христианское имя, круг его святых патронов расширялся и индивидуализировался, что тоже было весьма важно для средневековой практики личного благочестия.

Семья Шуйских

Источники

Рукописи

БАН 55 — Синодик Александро-Свирского монастыря, XVI в., БАН, ф. Алекс.-Свирск. № 55.

БАН 57 — Синодик Александро-Свирского монастыря, XVII в., БАН, ф. Алекс.-Свирск. № 57.

РГБ 814 — Синодик, 1660 г., РГБ, ф. 304. I. № 814.

РГБ 818 — Синодик, XVII в., РГБ, ф. 304. I. № 818.

Издания и исследования

АСЗ — Акты служилых землевладельцев XV–XVII века. Т. I–IV. М.: Археологический центр; Древлехранилище, 1997–2008.

АФЗХ — Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. / Отв. ред. Л. В. Черепнин; подгот. А. А. Зимина, Л. В. Черепнина. Ч. I–III. М.: Издательство АН СССР, 1951–1961.

ВКЛ ТС — Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Изд. подгот. Е. Н. Клитина, Т. Н. Манушина, Т. В. Николаева; отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука, 1987.

Курдюмов М. Г. Описание актов, хранящихся в архиве Императорской Археографической комиссии: Коллекция П. И. Савvaitова. Петроград: Типография М. А. Александрова, 1915.

Лаппо И. И. Тверской уезд в XVI веке. Его население и виды земельного владения (Этюд по истории провинции Московского государства). М.: Университетская типография, 1893.

Леонид (Кавелин). Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа Уварова. Ч. I–IV. М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1893–1894.

Лихачев Н. П. Редкие дворянские прозвища // Известия русского генеалогического общества. 1900. Вып. 1. С. 157–160.

Морозов Б. Н. Родословная роспись Чихачевых, Горсткиных, Линевых, Ершовых, Сомовых, Окуневых с уникальными известиями XIV–XV вв. // Историческая генеалогия. 1993. Вып. 2. С. 42–43.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. Т. I–XLIII. СПб. (Пг./Л.); М., 1841–2004.

Суворов Н. И. Кормовая книга Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря // Известия императорского Археологического общества. 1861. Т. 3. Ч. 4. С. 301–327.

Титов А. А. Вкладные и кормовые книги ростовского Борисоглебского монастыря в XV, XVI, XVII и XVIII столетиях. Ярославль: Типография Губернской Земской Управы, 1881.

Херсонский И. Летопись Макариева Унженского монастыря Костромской епархии. Вып. I (1439–1682) — II (1682–1891). Кострома: Губернская земская типография, 1888–1892.

Литература

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. Второе издание, переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг. М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропоники. М.: Индрик, 2006. 904 с.

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Монашеское имя и феномен светской христианской двуименности в допетровской Руси // Средневековая Русь. Вып. 13 / Отв. ред. А. А. Горский. М.: Индрик, 2018. С. 241–280.

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Мужское vs женское в контексте светской христианской двуименности на Руси XVI–XVII вв. // Slověne = Словѣне. 2019. Т. 8. № 1. С. 133–161.

- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. «Се яз раб Божий...»: Многоименность как фактор и факт древнерусской культуры. СПб.: Евразия, 2020. 128 с.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Два имени государя (Потапий Максимович Матвеев внук или Василий Иванович Шуйский) // Анатомия власти: государи и подданные в Европе в Средние века и Новое время / Сост. и отв. ред. О. Воскобойников, О. Тогоева. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. С. 120–134.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Княжье имя за пределами княжеского рода на Руси XI – начала XIII в. // Шаги/Steps. 2021a. Т. VII. № 3. С. 9–45.
- Морозов Б. Н. Родословная роспись Чихачевых, Горсткиных, Линевых, Ершовых, Сомовых, Окуневых с уникальными известиями XIV–XV вв. (исследование) // Историческая генеалогия. 1994. Вып. 4. С. 14–19.
- Николаева Т. В. Надгробные плиты под западным притвором Троицкого собора // Загорский государственный историко-художественный музей-заповедник. Сообщения. Вып. 2. Загорск: Загорский государственный историко-художественный музей-заповедник, 1958. С. 92–106.
- Успенский Б. А., Успенский Ф. Б. Иноческие имена на Руси. М.–СПб.: Нестор-История, 2017. 344 с.
- Чернов С. З. Три семьи Радонежских бояр // Русское Средневековье: Сборник статей в честь профессора Юрия Георгиевича Алексеева / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко. М.: Древлехранилище, 2012. С. 653–711.
- Шабает Л. Е. Родословные росписи, поданные в Палату родословных дел в конце XVII в.: выборное московское дворянство // Российская генеалогия: научный альманах. Вып. 5. М.: Старая Басманная, 2019. С. 138–402.

Referenses

- Chernov S. Z. [Three families of the Radonezh boyars]. *Russkoe Srednevekov'e: Sbornik statei v chest' professora Yuriya Georgievicha Alekseeva* [Collection of articles in honor of Professor Yuri Georgievich Alekseev]. Ed. by A. Yu. Dvornichenko. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2012, pp. 653–711. (In Russ.)
- Litvina A. F., Uspenskii F. B. *Vybor imeni u russkikh knyazei v X–XVI vv.: Dinasticheskaya istoriya skvoz' prizmu antroponimiki* [The choice of a name among Russian princes in the 10th – 16th centuries: Dynastic history through the prism of anthroponymy]. Moscow, Indrik Publ., 2006. 904 p.
- Litvina A. F., Uspenskii F. B. Monasheskoe imya i fenomen svetskoï khristianskoï dvuimennosti v dopetrovskoi Rusi [Monastic name and the phenomenon of secular Christian double name in pre-Petrine Russia]. *Srednevekovaya Rus'* [Medieval Russia]. Iss. 13. Ed. by A. A. Gorskii. Moscow, Indrik Publ., 2018, pp. 241–280. (In Russ.)
- Litvina A. F., Uspenskii F. B. [Male vs female in the context of secular Christian duality in Russia in the 16th – 17th centuries]. *Slověne = Slovъne*, 2019, vol. 8, no. 1, pp. 133–161. (In Russ.)

- Litvina A. F., Uspenskii F. B. "Se yaz rab Bozhii...": *Mnogoimennost' kak faktor i fakt drevnerusskoi kul'tury* ["I, the slave of God ...": Polyonymy as a Factor and Fact of the Old-Russian Culture]. St. Petersburg, Evraziya Publ., 2020. 128 p.
- Litvina A. F., Uspenskii F. B. [Two names of the sovereign (Potapiy Maksimovich Matveev's grandson or Vasily Ivanovich Shuisky)]. *Anatomiya vlasti: gosudari i poddannye v Evrope v Srednie veka i Novoe vremya* [Anatomy of power: sovereigns and subjects in Europe in the Middle Ages and Modern times]. Comp. and resp. eds. O. Voskoboinikov, O. Togoeva. Moscow, Publ. House of Higher School of Economics, 2021, pp. 120–134. (In Russ.)
- Litvina A. F., Uspenskii F. B. [Princely name outside the princely family in Russia 11th – early 13th century]. *Shagi/Steps*, 2021a, vol. VII, no. 3, pp. 9–45. (In Russ.)
- Morozov B. N. [Pedigree list of Chikhachevs, Gorstkins, Linevs, Ershovs, Somovs, Okunevs with unique news of the XIV–XV centuries (research)]. *Istoricheskaya genealogiya* [Historical genealogy]. 1994. Iss. 4, pp. 14–19. (In Russ.)
- Nikolaeva T. V. [Tombstones under the western vestibule of the Trinity Cathedral]. *Zagorskii gosudarstvennyi istoriko-khudozhestvennyi muzei-zapovednik. Soobshcheniya* [Zagorsk State Historical and Art Museum Reserve. Messages]. Iss. 2. Zagorsk, Zagorsk State Historical and Art Museum Reserve Publ., 1958, pp. 92–106. (In Russ.)
- Shabaev L. E. [Genealogical lists submitted to the Chamber of Genealogical Affairs at the end of the 17th century: elective Moscow nobility]. *Rossiyskaya genealogiya: nauchnyi al'manakh* [Russian genealogy: scientific almanac]. Iss. 5. Moscow, Staraya Basmannaya Publ., 2019, pp. 138–402. (In Russ.)
- Uspenskii B. A., Uspenskii F. B. *Inocheskie imena na Rusi* [Monastic names of Medieval Russia]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2017. 344 p.
- Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskii dialekt. Vtoroe izdanie, pererabotannoe s uchetom materiala nakhodok 1995–2003 gg.* [Drevnenovgorod dialect. The second edition, revised taking into account the material of the finds from 1995–2003]. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2004. 872 p.

Из истории русского языка

Прагматика церковнославянских местоимений в русском литературном языке

Елена Евгеньевна Серегина¹, Ольга Александровна Матвеева²,

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (Россия, Москва),

anel1974@bk.ru¹, kogda_net_ryadom@mail.ru²

DOI: 10.31857/S013161170017982-9

АННОТАЦИЯ: Церковнославянский язык оказал значительное влияние на формирование русского литературного языка. В древнейших памятниках восточнославянской письменности и в современных текстах представлены различные элементы церковнославянской языковой системы: лексика, отдельные грамматические формы и синтаксические конструкции. Стилистически значимые славянизмы употреблялись для создания возвышенного слога, передачи исторического колорита, для выражения гражданских идей, они же служили средством пародии, иронии и экспрессии. В настоящей статье рассматривается прагматический потенциал некоторых словоформ личных местоимений, заимствованных из церковнославянского языка: 1 л. (*аз, мя, ми, ны*), 2 л. (*ты, ти, вы*) и возвратного местоимения *ся*. Данные местоимения имеют книжную окраску, поэтому их использование всегда стилистически мотивировано. В качестве примеров привлекаются данные из Национального корпуса русского языка (исторический, газетный, устный), охватывающие период с XII в. по настоящее время. Также в статье рассматривается вопрос об омонимии форм *мя, ты, ся*, свойственных

спонтанной речи, и древних энклитик. При анализе примеров с архаичными местоимениями пристальное внимание обращается на контекстуальное окружение словоформ и сопутствующие церковнославянские конструкции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: церковнославянский язык, русский литературный язык, местоимения, энклитики, редуцированные формы местоимений

для цитирования: Серегина Е. Е., Матвеева О. А. Прагматика церковнославянских местоимений в русском литературном языке // Русская речь. 2021. № 6. С. 98–111. DOI: 10.31857/S013161170017982-9.

From the History of the Russian Language

Pragmatics of Church Slavonic Language's Pronouns in Standard Russian

Elena E. Seregina¹, Olga A. Matveeva², Saint Tikhon's Humanitarian Orthodox University
(Russia, Moscow), anel1974@bk.ru¹, kogda_net_ryadom@mail.ru²

ABSTRACT: Church Slavonic language had a significant influence on the formation of the Russian literary language. In the oldest monuments of East Slavic writing and in modern texts, various elements of the Church Slavonic language's system are presented: vocabulary, individual grammatical forms and syntactic constructions. Connotative Slavonicisms were used to create a high-flown style, convey historical color, to express civic ideas, they also served as a means of parody, irony and expression. This article contains information about the pragmatic potential of some word forms of personal pronouns borrowed from the Church Slavonic language: first-person, second-person and the reflexive pronoun. These pronouns have a special literary connotation, so their use is always stylistically motivated. The article uses materials from the National Corpus of the Russian language (historical, newspaper, oral) covering the period from the XII century to the present.

The paper also contains information about homonymy of these forms (typical for spontaneous speech), and of the ancient enclitics. When analyzing examples with archaic pronouns, close attention is paid to the contextual environment of word forms and Church Slavonic structures.

KEYWORDS: Church Slavonic language, Russian literary language, pronouns, enclitics, reduced forms of pronouns

FOR CITATION: Seregina E. E., Matveeva O. A. Pragmatics of Church Slavonic Language's Pronouns in Standard Russian. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2021. No. 6. Pp. 98–111. DOI: 10.31857/S013161170017982-9.

Своеобразие русского литературного языка сложилось во многом благодаря его связи с церковнославянским языком. Древнерусские памятники, в том числе деловой и бытовой письменности, тексты революционной эпохи, новейшая художественная проза и поэзия в различных объемах содержат языковые и текстуальные рефлексy церковнославянского происхождения. Прагматика славянизмов определяется авторскими задачами — от формирования возвышенного слога в XVIII–XIX вв. до экспериментов с архаикой в поэзии постмодернистов [Зубова 2000]. В статье речь пойдет о номинативе личного местоимения 1 л. *аз*, а также об энклитических формах личных (1, 2 л.) и возвратного местоимений: *мя*, *тя* (вин. п. ед. ч.), *ми*, *ти* (дат. п. ед. ч.), *ся* (вин. п.); *ны*, *вы* (вин. п. мн. ч.).

Обратимся к истории вопроса. В научной литературе представлены различные гипотезы о возникновении трех вариантов личного местоимения 1 л. *азъ*, *язъ*, *я*. Старославянская форма *азъ* по фонетическим особенностям была противопоставлена древнерусской *язъ* «наличием протетического [j], который прикрыл начальное [a] во всех праславянских диалектах, кроме древнеболгарских» [Галинская 2016: 279]. Оба варианта местоимения имеют индоевропейское происхождение. Вопрос об образовании односложной формы *я* является дискуссионным, вероятнее всего, она появилась уже в праславянском языке [Галинская 2016: 279].

Для текстов, написанных на церковнославянском языке, обычной была форма *азъ*, этот же вариант местоимения входил в состав устойчивых формул *се азъ недостойныи, азъ грѣшныи, азъ худыи* и под.: *азъ недостѣйный и грѣмь даниль...* (Хождение игумена Данила // ГИМ, Синод. Собр., № 181, XVI в.); *...и азъ худыи недостойныи и многогрѣшныи рабъ Бжїи Лаврентеи*

мни(хъ) (Суздальская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись). В текстах делового и бытового содержания доминировали формы *язъ* и *я*: *Се язъ князь смоленьскый Федоръ...* (Грамота князя Федора Ростиславича по судному делу о немецком колоколе 1284 г.); *...а чемоу са гнѣваеши а а въсьгда оу тебе* (Берестяная грамота № 605, 1100–1120 гг.).

Иногда в пределах небольшого по объему текста можно найти все три варианта личного местоимения. Хрестоматийным является пример из Мстиславовой грамоты (ок. 1130 г.): *Се азъ Мьстиславъ Володимиръ сынъ, държа Руську землю, въ свое княжение повелѣлъ есмь сыну своему Всеволоду отдати [Буй]цѣ святому Георгиеви съ данию, и съ вирами, и съ продажами...; А язъ далъ рукою своею и осеннее полюдие даровное, полътретьядесяте гривнъ святому же Георгиеви; А се я Всеволодъ далъ есмь блюдо серебряно въ [30] гривнъ серебра святому же Георгиеви.*

Различные толкования вызывает фраза грамоты, в которой не указана интитуляция: *а язъ далъ рукою своею и осеннее полюдие даровное....* Согласно исследованию А. А. Гиппиуса, в отсутствие прямых указаний на субъект речи, «говорящим» здесь является не князь Мстислав, а его сын Всеволод [Гиппиус 2008: 116]. В коммуникативной организации грамоты складывается своего рода диалог:

«— Я, Мстислав... повелеваю своему сыну Всеволоду отдать Буйцы святому Георгию вместе с даяниями, вирами и продажами...».

«— А я [= Всеволод] от себя (по своей инициативе) даю (добавляю к этому) еще и осеннее полюдье в 25 гривен» [Гиппиус 2008: 115]. В подобном прочтении древнерусские варианты местоимения *язъ* и *я* употребляются от лица новгородского князя Всеволода.

Переход от старославянского *азъ* к восточнославянским *язъ* и *я* укладывается в логику построения грамоты. Во-первых, *се азъ* — это формула, начинающая грамоту, к тому же церковнославянское *азъ* является более «престижным» для отсылки к великокняжескому титулу: Мстислав «держит Русскую землю», а Всеволод управляет от его лица Новгородом. Во-вторых, древнерусские варианты *язъ* и *я* вынесены за пределы официального начала грамоты, когда уже не требуется соблюдение славянизированного церемониала.

Сложно объяснимым является переход от *язъ* к *я*. Есть мнение, что «оба варианта употребляются в древних письменных памятниках восточных славян без каких бы то ни было различий» [Гадолина 1963: 24]. Но есть и другая трактовка прагматики местоимений именно в данной грамоте: *язъ* — это «обычная» регулярная древнерусская форма, и только вариант *я* представляет разговорную речь младшего поколения, то есть

князя Всеволода [Алексеев 2015: 204]. Правда, в такой интерпретации *язъ* (также как и *азъ*) исходит от лица великого князя Мстислава, но не Всеволода.

«Старомодное», славянского происхождения, *азъ* отца и живое разговорное *я* сына как противопоставление на языковом уровне двух поколений кажется весьма привлекательным объяснением, но лингвистически недоказуемым в силу различных причин. Во-первых, противоречива коммуникативная организация документа (*язъ* — исходит от лица Мстислава или Всеволода?), во-вторых, на настоящий момент все-таки не вполне выяснена закономерность употребления *язъ* и *я* в памятниках деловой и бытовой письменности. Так, в берестяных грамотах XI–XIII вв. преобладает вариант *я*, в XIV–XV вв. формы с *язъ* в большинстве, и это с учетом ее дальнейшей утраты в истории языка [Зализняк 1995: 113–114].

В сложном вопросе генезиса и функционирования вариантов личного местоимения *язъ* и *я* непротиворечивой представляется прагматика славянского *азъ*: уже в ранних восточнославянских памятниках письменности оно является стилистически маркированным средством.

Местоимение *аз* сохраняет востребованность и в современном русском литературном языке, показателем активности словоформы служит ее фиксация в «Частотном словаре современного русского языка» (<http://dict.ruslang.ru/>). Местоимение представлено и в толковых словарях. Для сравнения обратимся к описанию слова по двум лексикографическим источникам, изданным с разницей в несколько десятилетий — в середине XX в. и в первое десятилетие XXI вв.

В «Словаре современного русского литературного языка» (БАС) местоимение *аз* сопровождается пометой «старинное», а толкование ограничивается указанием соответствующей современной словоформы — *я*. Далее указывается, что местоимение «в литературном языке употреблялось в некоторых выражениях, заимствованных из церк.-сл., обычно в шуточном или ироническом тоне. *Аз есмь. Аз грешный, многогрешный*: — Это вы? — воскликнула Власова, вдруг чему-то радуясь. — Егор Иванович? — *Аз есмь!* — ответил он. М. Горький. *Мать*» [Чернышев (гл. ред.) 1950: 62].

В Толковом словаре русского языка под ред. Н. Ю. Шведовой помимо стилистической пометы («старинное») даются архаичные формы род., дат. и вин. падежей — *мене, ми, мя*. В качестве иллюстрации к значению местоимения приводится цитата из церковнославянского источника: «*Мне отмищение и аз воздам* (т. е. только мне принадлежит право отмищения, и карать могу только я [из послания апостола Павла, в изложении христианского учения: слова Бога о том, что единственно ему принадлежит

право воздаяния за грехи людей]. ...**Аз грешный** (устар. ирон.) — о себе самом: именно я» [Шведова (отв. ред.) 2011: 7].

В Толковом словаре Н. Ю. Шведовой важной частью словарной статьи является контекстное употребление местоимения *аз* — оно соотносено с религиозной сферой, тогда как указание на экспрессивные, ироничные и шуточные свойства выражений *аз грешный* и *аз есмь* являются основными в БАС. Для сравнения отметим, что в «Словаре русского языка» (МАС, 3-е изд. 1985 г.), *аз* толкуется только как «устарелое название буквы», номинатив личного местоимения в словарь не включается [Евгеньева (гл. ред.) 1985: 27].

Художественные тексты XIX–XX вв. показывают высокую частотность употребления устойчивых выражений с местоимением *аз*, восходящих к этикетной формуле. Меняется тональность — от авторского самоуничижения, характерного для древнерусской литературы, к ироничной самопрезентации: *Аз, худый, командирован редакцией на съезд врачей, дабы телеграфировать и корреспондировать из Москвы* (Ал. П. Чехов. Письма Антону Павловичу Чехову)¹; *А теперь небось таким же приживальщиком стал, как и аз грешный!* (И. С. Тургенев. Степной король Лир); *Немного погодя и аз многогрешный последовал его мудрому примеру* (Т. Г. Шевченко. Прогулка с удовольствием и не без морали). — *Вот мы трое — Тося, Володя и аз, грешник у пекли, — мы и есть руководящая тройка нашей организации...* (А. А. Фадеев. Молодая гвардия). В последнем примере выражение *аз грешник* сочетается с существительным *у пекли* (*в пекле*), которое можно трактовать либо как украинизм (действие в романе «Молодая гвардия» происходит в Краснодаре Донецкой области), либо как диалектную форму. Интересно примечание к этому слову Г. Дьяченко, автора «Полного церковнославянского словаря»: «*Пекло* — ‘сера горячая или смола’. Также значит: беспрестанный, неугасающий огонь, отчего пеклом называется и самый ад» [Дьяченко 2004: 412]. Таким образом, все составляющие данное выражение единицы, независимо от их происхождения, остаются в пределах церковнославянского контекста: *грешник в аду*.

Экспрессивность славянизмов мотивирует к языковой креативности и современные СМИ. Местоимение *аз* обычно используется в составе устойчивого выражения *аз есмь* заголовков или статей. Продемонстрируем несколько примеров из газетного подкорпуса НКРЯ (<http://www.ruscorpora.ru>).

В это наследство, по желанию, теперь можно внести что угодно: и пробки, и коррупцию, и аз есмь грешных, непонятливых депутатов Госдумы от Москвы («Отстаивайте же Севастополь!» // Комсомольская правда. 04.10.2011);

¹ Этот и другие примеры взяты из Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Поезд в огне и Аз воздам (Елена Дьякова. Поезд в огне и Аз воздам. «Сережа» Дмитрия Крымова в МХТ // Новая газета. 15.10.2018); *Аз директор есмь, директор и остаюсь? С понедельника Верховный Суд России рассматривает иск Игоря Филиппова о незаконном увольнении с поста директора главной библиотеки страны* (Елена Скворцова. Аз директор есмь, директор и остаюсь? // Общая газета. 1996).

В последнем примере очевидно намерение автора усилить экспрессию заголовка не только за счет устойчивого выражения *аз есмь*, но и при помощи особой синтаксической конструкции, когда именная часть сказуемого употребляется не в форме творительного, а в форме именительного падежа: *директор и остаюсь* (ср.: *директором и остаюсь*). В церковнославянском языке подобный оборот получил название «двойной именительный», ср.: ...изъ Неяже Бѣгъ воплотисѣ и **Младѣнецъ** бѣсть, прѣжде вѣкъ сѣй Бѣгъ нѣшъ — *Из Которой Бог воплотился и стал Младенцем, прежде всех веков Сущий Бог наш* (из молитвы «О тебе радуется, Благодатная, всякая тварь»). С учетом славянизированной первой части заголовка (*аз есмь*), вторую часть — *директор и остаюсь* — можно интерпретировать как модель, заимствованную из церковнославянского языка. При этом подлежащее — предполагается, что оно выражено формой 1 л. личного местоимения *аз* (или *я*) — опускается, что является нормой для церковнославянского синтаксиса [Алипий (Гаманович) 1991: 155].

Обратимся к истории форм дат. и вин. падежей личных и возвратного местоимений. Особенностью их склонения в церковнославянском языке является наличие энклитических форм наряду с полными. В единственном числе: *мѣнѣ* — *мѣ*, *тебѣ* — *те*, *себѣ* — *се* (вин. п.) и *мнѣ* — *мн*, *тебѣ* — *ти*, *себѣ* — *си* (дат. п.); во множественном числе: *нѣмъ* — *ны*, *вѣмъ* — *вы*. Приведем некоторые примеры: ...зрѣиши мѣ *бѣдѣ*, зрѣиши мѣ *исѣбѣ*, помози мнѣ *ѣкѣ* нѣмоуши, ѡкори мѣ *ѣкѣ* стѣнѣ...; *ѣкѣ* призѣ *ны* гдѣ *благѣ*стѣи *нѣмъ*.

В праславянском языке энклитиками являлись только формы дательного падежа, тогда как формы винительного падежа были акцентно самостоятельными и лишь позже стали энклитиками. Наличие полноударной и энклитической словоформ также характеризовало исходную морфологическую систему древнерусского языка: в дат. п. *мѣнѣ* — *ми*, *тобѣ* — *ти* (ед. ч.), *собѣ* — *си*; *намъ* — *ны*, *вамъ* — *вы* (мн. ч.); в вин. п.: *мене* — *мя*, *тебе* — *тя* (ед. ч.); *себе* — *ся*; *насъ* — *ны*, *васъ* — *вы* (мн. ч.).

В древнерусских текстах, близких к живой речи, употребление энклитик и полноударных форм регулировалось рядом правил: обычными являлись энклитики, а полноударные формы употреблялись в особых случаях, например, если на местоимение падало логическое ударение:

а дала тобѣ, а Нѣжатѣ не дала ('я дала именно тебе, а не Нежате') [Зализняк 1995: 150]. Таким образом, система акцентно самостоятельных словоформ «носила как бы резервный характер, т. е. использовались лишь изредка, в некоторых особых случаях. Изменение состояло в том, что эта резервная система стала основной, а затем единственной» [Зализняк 1993: 297]. Считается, что форма дат. п. *ти* вышла из народно-разговорного употребления к XV в., а *ми* утратилась к XVI в. [Гадолина 1963: 93]. Исключением стала форма винительного падежа возвратного местоимения *ся*, которая превратилась в постфикс, слившись с глаголом. При этом энклитики в составе церковнославянских цитат продолжали функционировать в русском литературном языке XVIII–XIX вв. Подчеркнем, что употребление данных форм местоимений, утраченных в истории языка, оказалось возможным благодаря цитированию священных текстов. Реже энклитики извлекались как застывшие формы церковнославянского языка (наряду с лексическими единицами или синтаксическими конструкциями славянского происхождения) для описания вполне бытовой ситуации.

Рассмотрим примеры употребления энклитических форм в литературном языке. По словам Л. А. Булаховского, «формы **мя**, **тя**, **ся** нередки у поэтов XVIII в., особенно первой его половины. Реже краткие формы дательного падежа» (Булаховский 1958: 174): *А лучше век не писать, чем писать сатиру, Яже ненавистна мя, творца, чинит миру!* (А. Д. Кантемир. Ранние редакции. Сатира IV. К музе своей («Музо! не пора ли стиль отметить твой грубый...»)).

Энклитические формы местоимений находим в произведениях художественной литературы, письмах, документах литературного общества «Арзамас». В большинстве примеров энклитики выступают в составе церковнославянских цитат, буквальных или перефразированных: *И без того мой хитон обличает **мя**, яко несть брачен, да и жена в одной исподнице гуляет* (Н. С. Лесков. Соборяне). — Ср.: *...хитѣнь **мѧ** обличѧтъ, яко нѣсть вечерній* (Последование ко Святому Причащению); *Скоро великий пост — и ты почиешь на лаврах, отдохнешь — и да благо **ти** будет* (А. П. Чехов Вл. И. Немировичу-Данченко). — Ср.: *Чтѣи отца твоего и матери твою, якоже заповѣда тебѣ Господь Богъ твой, да благо **ти** будетъ...* (Втор. 5:16); *Прииди, гласит оно [Общество безвестных людей], заблудшая овца, очистиcя от смысла греховного и будешь **ми** сосуд избранный!* (Документы «Арзамаса»). — Ср.: *Рече же къ нему Господь: иди, яко сосудъ избранъ **ми** есть сей...* (Деян. 9:15).

Энклитические формы местоимений можно обнаружить в текстах, написанных на церковнославянском языке, но не соотнесенных с религиозной сферой: *И шед, возопих: извоициче, извоициче: кую мзду возмеш*

довезти **меня** до храмины? (Андрей Белый. Серебряный голубь); ...и рекл **ми** целовальник: «Человече, чего хочеши?» (Андрей Белый. Серебряный голубь); За ним... в мужской куртке, в зеленых штанах и в зеленой полями заломленной шляпе шагала княжна, забасив, точно козлице: **Господи, мя не отверзи!** В душемучительной мерзи — Червь, древоточец могил (Андрей Белый. Москва. Часть 2. Москва под ударом). В последнем примере образцом для фразы *Господи, мя не отверзи* послужили фрагменты молитв на церковнославянском языке, созданные по модели: вокатив + императив (глагол с отрицанием) + местоимение в форме род. п.: *Гѡсподи, не оста́ви мене; Гѡсподи, не лиши́ менѣ небѣсныхъ Твои́хъ благъ...* и под.

Очевидно, что фраза *Господи, мя не отверзи* создана по измененной модели, то есть вопреки тому, как это предложение строится в церковнославянском тексте: при глаголе с отрицанием местоимение употребляется не в род., а вин. п. (*мя* вместо *мене*), при этом энклитика находится в позиции, а не в постпозиции к глаголу.

Во «Фразеологическом словаре русского литературного языка» зафиксировано устойчивое выражение с энклитической формой местоимения 2 л. мн. числа *иду на вы*, то есть «решительно и прямо выступаю против кого-либо» [Федоров 2008: 272]. Приведем интересный во многих отношениях пример из повести Л. Кассиля «Конduit и Швамбрания»: «*Иду на вы*» — телеграфировал великий князь каким-нибудь там печенегам или половцам и мчался «отмстить неразумным хозарам». Но с таким нахалом, как бальвонский царь, не стоило говорить на «вы», поэтому швамбранский император зачеркивал в сердцах «иду на вы» и писал: «иду на ты». Для детей понятен общий смысл фразы — это объявление войны. Однако опора только на современную грамматику не дает возможности правильно интерпретировать местоимение как энклитическую форму мн. числа вин. падежа (*на вас*), поэтому происходит двойная трансформация форм ед. числа, то есть неверно понятое вежливое *вы*, излишне почтительное для соперника, заменяется на фамильярное *ты* в письме. Так возникает аномальная конструкция им. падежа местоимения *ты* с предлогом, которая наделяет фразу дополнительным подтекстом: *иду на ты*, то есть *перехожу на ты и выступаю именно против тебя*. Таким образом, стремление сохранить знакомую из исторических книг формальную модель при использовании формы единственного числа местоимения ведет к не менее выразительной фразе, чем ее исходный вариант.

Церковнославянизмы вступают в омонимичные отношения с современными языковыми единицами. Это явление наиболее ярко раскрывается на лексическом уровне. *Равнодушный, нужда, работа* — значения этих и

многих других слов различаются в церковнославянских и современных русских текстах. Более редкими являются примеры омонимии архаичных² и современных словоформ, например, заимствованных из церковнославянского языка энклитик и редуцированных форм местоимений в спонтанной речи: *Аще же **тя** zde единожды обряцу, сокрушу без милости твои члены* (Е. Г. Водолазкин. Лавр); — *Смотри, я **тя** проучу, — пригрозил он* (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого. Путешествие в седьмую сторону света // Новый Мир. 2000). В первом примере *тя* (вин. п. ед. ч.) используется в конструкции, созданной по нормам церковнославянского языка, то есть по сути представляет энклитику. Во втором случае *тя* является разговорной редуцированной формой местоимения.

Обратимся к вопросу формального совпадения церковнославянских энклитик и редуцированных форм разговорной речи.

В современной устной и спонтанной письменной речи наряду с литературными формами личных и возвратного местоимений функционируют редуцированные формы вин. п.: *меня — мня — мя, тебя — тя; себя — ся* (вин. п.). Редуцированными формами дат. п. ед. ч. местоимений *тебе* и *себе* являются варианты *те* и *се*, фонетически они не совпадают с энклитиками и в статье не рассматриваются.

— *Парит-то седни как, едят **тя** мухи* (Алексей Иванов. За рекой, за речкой. 1982). *У **мя** есть рассказы на английском и роман на французском/ называется «La mysterieuse inconnue»* (Телефонный разговор. 2006 // Из коллекции НКРЯ); — *К сожалению, как это ни прискорбно, но любовь все хуже вяжется с окружающей нас действительностью: многие ее либо не познали, либо если и познали — игнорируют свои чувства руководствуясь разумом и буквально-таки душат **ся** изнутри* (О любви (форум). 2005). Для сравнения приведем пример из романа Е. Водолазкина «Лавр», где *ся* в стилизованной речи и в окружении архаичных словоформ является энклитикой: *Злато терто и внутрь приятно исцеляет тех, кои сами с собою глаголют, и сами **ся** спрашивают, и сами отвечают, и во уныние впадают* (Е. Г. Водолазкин. Лавр).

Редуцированные формы местоимений вин. п. лишь формально совпадают с энклитиками, заимствованными из церковнославянского языка, в частности, на это указывает тот факт, что редуцированные формы русского языка употребляются не только в вин., но и в род. п.: *Она же реально без **мя** не сможет!* (Телефонный разговор. 2006 // Из коллекции НКРЯ). Стоит отметить, что в русских говорах, которые также показывают употребление

² Термин «архаичный» используется в отношении церковнославянских по происхождению местоимений. Однако некоторые из форм в древнерусском и церковнославянском языках совпадали (этот вопрос более подробно будет рассмотрен ниже).

редуцированных форм *мя*, *тя*, формы род. п. исключительно преобладают над формами вин. п. [Гадолина 1963: 53]. Это значит, что варианты *мя*, *тя* не могли сохраниться как реликтовые древнерусские формы ни в говорах, ни в разговорной речи.

Однако стоит отметить, что некоторые литературные фрагменты предполагают двоякое толкование словоформ местоимений — как редуцированный вариант современного местоимения или как заимствованную из церковнославянского языка энклитику: — *Накажи **тя** господи, и Лёшку твоего накажи!..* (Алексей Иванов (Алексей Маврин). Псоглавцы. Гл. 1–20. 2011). — *Отыдь, воин! — загремел Аввакум. Не то брязну **тя** по зубам, как Николай-угодник Ария-собаку.* (Ю. М. Нагибин. Огненный протоп. 1972–1979).

С одной стороны, в приведенных примерах очевидна отсылка к религиозным текстам или воссоздание исторического колорита, например, в речи Аввакума, с другой — в контексте с местоимением *тя* употребляются просторечные слова или выражения *Ария-собаку*, *брязну*.

Итак, церковнославянские формы личных местоимений имеют длительную историю бытования в русском литературном языке. Так, местоимение *аз* уже на начальном этапе древнерусской письменности выступало как стилистически маркированное средство. В чем причина такой устойчивости употребления? Возможно, некоторые словоформы (самостоятельно или в сочетании с другими архаичными единицами) представляют собой своеобразные константы славянского наследия, хорошо усвоенные и узнаваемые носителями русского языка. В комедии М. Булгакова «Иван Васильевич» показательной фразой Якина при разговоре с царем является выражение *аз есмь*: «Аз есмь... умоляю, не хватайтесь за ножик!..». Так персонаж «переключает» языковой код с русского на церковнославянский для налаживания коммуникации с героем из прошлого («Зинаида, подскажите мне что-нибудь по-славянски!..»). Среди других факторов устойчивости можно назвать полиэкспрессию местоимений: высокий слог, исторический колорит, шутка, ирония, пародия. Все это побуждает авторов к языковой креативности при создании текстов или броских заголовков.

Энклитические формы местоимения *мя*, *тя*, *ми*, *ти*, *ны* (форма вин. п. *ся* даже в стилизованной речи используется редко) являются более специфичными для современного носителя языка по сравнению с местоимением *аз*. Энклитики прочнее «привязаны» к цитатам из церковнославянских текстов. Естественно, что их стилистические функции в современном языке совпадают с теми, что и у местоимения *аз*. Но и эти формы, во многом затемненные для носителей русского языка, могут являться способом лингвистической рефлексии профессиональных писателей или

специалистов в области языкознания. При этом текст с формами энклитик может отражать вполне бытовую ситуацию, например, СМС-сообщение коллеге (шуточное поздравление с началом учебного года): *...скорбь **мя** веляя обдержит, вегда **ми** воспомянути да имамы паки пред ученики неразумными предстати* [Альбрехт 2021: 127].

Литература

- Алексеев А. В. Историческая грамматика русского языка: учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2020. 314 с.
- Алипий (Гаманович). Грамматика церковнославянского языка. [Репр. воспр. изд. 1964 г.]. М.: Худ. лит., 1991. 271 с.
- Булаховский Л. А. Исторический комментарий к русскому литературному языку. 5-е изд., доп. и перераб. Киев: Радянська школа, 1958. 487 с.
- Гадолина М. А. История форм личных и возвратного местоимений в славянских языках. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 147 с.
- Галинская Е. А. Историческая грамматика русского языка: Фонетика. Морфология. Изд. 2-е, испр. М.: ЛЕНАНД, 2016. 416 с.
- Гиппиус А. А. Загадки Мстиславовой грамоты // *Miscellanea Slavica*. Сборник статей к 70-летию Бориса Андреевича Успенского / Сост Ф. Б. Успенский. М.: Индрик, 2008. С. 109–129.
- Дьяченко Г. Полный церковнославянский словарь (со внесением в него важнейших древнерус. слов и выражений). [Репр. воспр. изд. 1900 г.]. М.: Отчий дом, 2004. 1120 с.
- Евгеньева А. П. (гл. ред.). Словарь русского языка. Т. 1. 3-е изд., стер. М.: Русский язык, 1985. 702 с.
- Зализняк А. А. К изучению языка берестяных грамот // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1984–1989 гг.). М.: Наука, 1993. С. 191–321.
- Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М.: Языки русской культуры, 1995. 720 с.
- Зубова Л. В. Современная русская поэзия в контексте истории языка. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 431 с.
- Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://dict.ruslang.ru/> (дата обращения: 10.09.2021).
- Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. 3-е изд., испр. М.: Астрель: АСТ, 2008. 878 с.
- Чернышев В. И. (гл. ред.). Словарь современного русского литературного языка. Т. 1. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, Наука, 1950. Т. 1. стлб. 767.
- Шведова Н. Ю. (отв. ред.). Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М.: Азбуковник, 2011. 1175 с.

References

- Alekseev A. V. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka: uchebnik i praktikum dl'a akademicheskogo bakalavriata* [Historical grammar of the Russian language]. Moscow, Yurait Publ., 2020. 314 p.
- Alipii (Gamanovich). *Grammatika cerkovnoslav'anskogo yazyka* [Grammar of the Church Slavonic language]. [Repr. ed. 1964 y.]. Moscow, Hudozhestvennaya Literatura Publ., 1991. 271 p.
- Bulahovskii L. A. *Istoricheskii kommentarii k russkomu literaturnomu yazyku* [Historical commentary of the Russian literary language]. 5nd ed., revised and updated. Kiev, Rad'ans'ka Shkola Publ., 1958. 487 p.
- Chernyshev V. I. (ch. ed.). *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of modern Russian literary language]. Vol. 1. Moscow, Leningrad, Acad. of Sciences USSR Publ., Nauka Publ., 1950. 767 col.
- Dyachenko G. *Polnyi tserkovnoslavjanskii slovar' (so vneseniem v nego vazhneishikh drevnerus. slov i vyrazhenii)* [Full dictionary of Church Slavonic language]. [Repr. ed. 1900 y.]. Moscow, Otchij Dom Publ., 2004. 1120 p.
- Evgen'eva A. P. (ch. ed.). *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. In 4 vols. Vol. 1. 3rd ed. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1985. 702 p.
- Fodorov A. I. *Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian literary language]. 3rd ed. Moscow, Astrel' Publ., AST Publ., 2008. 878 p.
- Gadolina M. A. *Istoriya form lichnykh i vozvratnogo mestoimenii v slav'anskikh yazykakh* [History of forms of personal and reflexive pronouns in Slavic languages]. Moscow, Acad. of Sciences USSR Publ., 1963. 147 p.
- Galinskaya E. A. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka: Fonetika. Morfologiya* [Historical grammar of the Russian language: Phonetics. Morphology]. 2nd ed. Moscow, Lenand Publ., 2016. 416 p.
- Gippius A. A. [Mysteries of Mstislav's letter]. *Miscellanea Slavica. Sbornik statei k 70-letiyu Borisa Andreevicha Uspenskogo* [Miscellanea Slavica. Collection of articles to the 70th birthday of B. Uspenskij]. Ed. by F. B. Uspenskii. Moscow, Indrik Publ., 2008, pp. 109–129. (In Russ.)
- Lashevskaya O. N., Sharov S. A. *Chastotnyi slovar' sovremennogo russkogo yazyka (na materialakh Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka)* [Frequency dictionary of the modern Russian language]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2009. Available at: <http://dict.ruslang.ru/> (accessed 10.09.2021).
- Shvedova N. Yu. (resp. ed.). *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka s vkl'ucheniem svedenii o proishozhdenii slov* [Explanatory dictionary of the Russian language with the inclusion of information about the origin of words]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2011. 117 p.

- Zalizn'ak A. A. [To the study of the language of birch bark letters]. Yanin V. L., Zalizn'ak A. A. *Novgorodskie gramoty na bereste (Iz raskopok 1984–1989 gg.)* [Novgorod letters on birch bark]. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 191–321. (In Russ.)
- Zalizn'ak A. A. *Drevnenovgorodskii dialekt* [Old Novgorod dialect]. Moscow, Yazyki Russkoi Kul'tury Publ., 1995. 720 p.
- Zubova L. V. *Sovremennaya russkaya poeziya v kontekste istorii yazyka* [Contemporary Russian poetry in the context of the history of language]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2000. 431 p.

«Песни души»: роман Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» на языке мюзикла «Владимирская площадь»

Андрей Александрович Акулов, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
(Россия, Москва), andruak2@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170017983-0

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена проблеме перекодировки литературного произведения из вербальной системы в музыкальную, с неизбежностью вызывающей трансформации как на уровне либретто, так и на уровне партитуры. Проблема рассматривается на примере «перевода» романа Достоевского «Униженные и оскорбленные» на «язык» мюзикла «Владимирская площадь», в котором у писателя появляются два соавтора: либреттист Вербин и композитор Журбин. Автор, сопоставляя тексты романа и либретто, а также их семантику со смыслами, привносимыми мелодическими построениями, обнаруживает случаи конвергенции литературного (вербального) и музыкального кодов, используя корпусный, текстовый, интертекстуальный и семиотический методы анализа и привлекая для сравнения данные Национального корпуса русского языка в отношении использования Достоевским лексем смысловых кластеров «Музыка» и «Пение». Анализу подвергаются идейное поле романа и мюзикла, сюжет, система и образы персонажей и рассказчика, музыкальные партии персонажей мюзикла, своего рода «песни» их душ, текст которых сравнивается с ключевыми эпизодами первоисточника, рассматриваются и лейтмелодии, формирующие,

отталкиваясь от вербальных характеристик персонажей, их образы в музыкальном коде. Автор приходит к выводу об органичности перекодировки мелодрамы Достоевского в мелодическую систему мюзикла.
ключевые слова: Достоевский, роман, мелодрама, мюзикл, конвергенция вербального и музыкального кодов

для цитирования: Акулов А. А. «Песни души»: роман Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» на языке мюзикла «Владимирская площадь» // Русская речь. 2021. № 6. С. 112–127. DOI: 10.31857/S013161170017983-0.

The Language of Fiction

“Songs of the Soul”: the Novel “Humiliated and Insulted” by F. M. Dostoevsky in the Language of the Musical “Vladimirskaya Square”

Andrej A. Akulov, The Pushkin State Russian Language Institute (Russia, Moscow),
andruak2@yandex.ru

ABSTRACT: The article deals with the problem of recoding a literary work from a verbal system to a musical one that causes transformation both at the libretto and score levels. The subject of the study is the “translation” of the novel “Humiliated and Insulted” by F. M. Dostoevsky into the “language” of the musical “Vladimirskaya Square”, in which the writer has two co-authors: librettist Verbin and composer Zhurbin. The author compares the novel text with the libretto, as well as their semantics with the meanings introduced by melodic constructions, and searches out examples of verbal and music codes’ convergence, using corpus, textual, intertextual and semiotic analysis methods and data from Russian National Corpus related to Dostoevsky’s use of the lexemes of the semantic clusters “Music” and “Singing”.

The study analysed the ideological field of the novel and the musical, the plot, the system and the images of the characters and the narrator. The musical parts of the characters are seen as the as “songs” of their souls in comparison with the key episodes of the original source, and the leitmelodies, which form, based on the verbal characteristics of the characters, their images in the musical code. The author draws a conclusion that it was possible and appropriate to transcode Dostoevsky’s melodrama into the melodic system of the musical.

KEYWORDS: Dostoevsky, novel, melodrama, musical, music and verbal codes’ convergence

FOR CITATION: Akulov A. A. “Songs of the Soul”: the Novel “Humiliated and Insulted” by F. M. Dostoevsky in the Language of the Musical “Vladimirs-kaya Square”. Russian Speech = Russkaya Rech’. 2021. No. 6. Pp. 112–127. DOI: 10.31857/S013161170017983-0.

Роман «Униженные и оскорбленные» (1861) является для Ф. М. Достоевского переломным и в творческом плане — это его «первое многопроблемное, многоплановое произведение, стоящее в преддверии программных социально-философских романов», «эскиз его будущих творческих композиций» [Этов 1968: 288], и в личном — это одна из его первых попыток заявить о себе, вернуться к литературной деятельности после ссылки в Сибирь и стать в ряд лучших представителей русской словесности [Ветловская 1981: 4]. Писатель делает большую ставку на этот роман, о чем сообщает в письме А. И. Шуберт: «Хочу написать хорошо, чувствую, что в нем есть поэзия, знаю, что от удачи его зависит вся моя литературная карьера» [Достоевский 1860: 209]. Для исследователей же «Униженные и оскорбленные» дают богатейший материал для понимания того, как складывался неповторимый стиль романиста [Семенищенкова 1984: 7], сочетавшего традиции и новаторство художественного поиска.

Произведение классика неоднократно экранизировали (первая попытка перенести на большой экран «Униженных и оскорбленных» датируется еще 1915 г., а в конце 1950-х в Италии по мотивам романа сняли мини-сериал¹), несколько раз ставили на драматической сцене (одна из

¹ Униженные и оскорбленные (мини-сериал 1958) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kinopoisk.ru/series/303071/> (дата обращения: 27.09.2021).

немногих инсценировок — спектакль Е. П. Велихова на сцене Малого театра²). Но в музыкальном театре постановок по роману Ф. М. Достоевского до премьеры в 2003 г. «Владимирской площади» (театр Ленсовета, композитор Александр Журбин, автор либретто Вячеслав Вербин, режиссер-постановщик Владислав Пази) не было. Название мюзикла символично, поскольку Владимирская площадь неразрывно связана с именем классика³: здесь он жил, ходил на церковные службы в собор Владимирской иконы Божией Матери, на площади установлен памятник писателю и размещен музей Ф. М. Достоевского⁴.

В переводе романа на язык мюзикла нет упрощения в угоду неискушенному зрителю. Утверждая это, сошлемся на мнение музыковеда Л. О. Акопяна: «Литература должна быть как музыка. Перемены настроений, резкие переходы <...> Комическое, неожиданно проскальзывающее среди потрясающей трагической торжественности <...> Тему формулируют, затем развивают, изменяют ее форму <...> Романист создает модуляции, дублируя ситуации или действующих лиц» [Акопян 2013: 366].

Мюзикл соединяет литературу с музыкой, сочетая признаки художественной прозы (увлекательный связный сюжет, интересно проработанные характеры, психологические тонкости) и поэзии (эффектная рифмовка, аллитерации, собственная музыкальность стиха, богатство ассоциаций).

Важность музыкального кода для идиостиля Ф. М. Достоевского

Сам Достоевский музыку слушать любил, он часто посещал оперные концерты и всегда что-нибудь напевал про себя [Фон-Фоxt].

Для идиостиля писателя (понимаемого как тенденция в выборе определенных формальных средств выражения смысла [Баранов, Добровольский, Фатеева 2021: 376]) очень важен концепт «музыкального».

По данным Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ), в произведениях классика обнаружено 163 употребления лексем с корнем *музык**, 6 из которых встречаются в романе «Униженные и оскорбленные». Они, в свою очередь, символичны. Например, в словах Алексея

² Униженные и оскорбленные (спектакль ГАМТ 1979) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.culture.ru/movies/1830/unizhennye-i-oskorblennye> (дата обращения: 27.09.2021).

³ Окрестности Владимирской площади — мир Достоевского и его репов [Электронный ресурс]. URL: <https://izi.travel/en/375c-okrestnosti-vladimirskoy-ploshchadi-mir-dostoevskogo-i-ego-geroev/ru#81c43d8d-055a-406a-82f9-c58a338ed8b6> (дата обращения: 28.09.2021).

⁴ Прогулки по Петербургу [Электронный ресурс]. URL: <https://walkspb.ru/istoriya-peterburga/ulpl/vladimirskiy-pr> (дата обращения: 28.09.2021).

Валковского *музыка* в своем прямом значении ‘искусство, воплощающееся в звуковых художественных образах’ [Кузнецов 1998: 834] отражает внутренний мир наивного, легкомысленного влюбленного, легко отказывающегося от карьеры романиста: «Если не удастся роман (я, по правде, еще и давеча подумал, что роман глупость, а теперь только так про него рассказал, чтоб выслушать ваше решение), — *если не удастся роман, то я ведь в крайнем случае могу давать уроки музыки*. Вы не знали, что я знаю *музыку*? Я не стыжусь жить и таким трудом» [Достоевский 2008: 40]. Другой случай — появление *музыки* уже в переносном значении ‘о деле, процессе и т. п., вызывающем у кого-л. чувство удовлетворения, довольства или беспокойства, озабоченности’ [Достоевский 2008: 40] в описании истории жизни Маслобоева, сыщика-одиночки, который любил, да не женился: «Она за учителя вышла, а я стал в конторе служить, то есть не в коммерческой конторе, а так, просто в конторе. Ну, *тут пошла музыка не та*. Протекли годы, и я *теперь хоть и не служу, но денежки наживаю удобно: взятки беру и за правду стою; молодец против овец, а против молодца и сам овца*» [Достоевский 2008: 92].

Вряд ли является совпадением то, что все положительные персонажи романа любят и знают музыку. Самый показательный пример — диалог Наташи Ихменевой с Иваном Петровичем: «*Вы ведь любите музыку?* — спросила она, несколько успокоившись, еще задумчивая от недавних слез. — *Люблю*, — отвечал я с некоторым удивлением. — *Если б было время, я бы вам сыграла Третий концерт Бетховена. Я его теперь играю. Там все эти чувства... точно так же, как я теперь чувствую*. Так мне кажется. Но это в другой раз; а теперь надо говорить» [Достоевский 2008: 171].

В НКРЯ лексема *петь* зарегистрирована в произведениях Достоевского 157 раз, *песня* — 152 раза, *пение* — 18 раз, и первый всплеск частоты употреблений приходится на годы создания и публикации «Униженных и оскорбленных». В романе *песня* является символом сиюминутного счастья и веселья: тот, кто *поет*, тот весел и добр, как Николай Сергеич Ихменев, с которым, вспоминая о счастливом детстве, его дочь Наташа ощущает именно «песенную» связь («Он любовался моим детским простодушием; лаская, он еще гладил меня по голове, так же, как когда я была еще семилетней девочкой и, *сидя у него на коленях, пела ему мои детские песенки*» [Достоевский 2008: 61]), или пытается быть добрым для собственной выгоды, как, например, Маслобоев, пытающийся подкупить Нелли («Он вынул конфеты и просил, чтоб и я взяла; я не хотела; он стал меня уверять тогда, что он добрый человек, умеет *петь песни и плясать*; вскочил и начал плясать. Мне стало смешно» [Достоевский 2008: 171]).

Таким образом, частотное и значимое упоминание «музыки» и «песни» показывает органичность музыкального кода и важность концепта «музыкального» для анализируемого романа и для самого автора.

Сходства романа с мюзиклом и их различия

На уровне либретто сходство романа и мюзикла прослеживается в идее, системе персонажей, образе рассказчика, в основных сюжетных линиях.

По мнению критиков [Буданова 1989: 731], главным достоинством романа является общая гуманистическая идея, глубокое сочувствие всем униженным и оскорбленным: «Самый забитый последний человек есть тоже человек и называется брат твой» [Достоевский 2008: 29]. Автор как никогда прямо высказывает в «Униженных и оскорбленных» свою позицию: его голос слышится и в характеристике персонажей, и при описании происходящих событий от лица рассказчика, представляющего в своих дневниковых записках других героев — литератора Ивана Петровича, чей образ безусловно автобиографичен. Писатель практически прямо описывает свою работу над дебютным романом «Бедные люди», его успех у читателей и критика Б., в котором угадывается В. Г. Белинский, принятие трудного решения стать писателем и ощущение писательства делом жизни [Архипова 1972: 523]. Рассказчик так же, как и Достоевский в то время, стеснен в средствах — сочинительство для него является спасательным кругом и, вместе с тем, смыслом жизни; персонаж этот невероятно трудолюбив и как высший гуманист принимает любую несправедливость близко к сердцу. В некоторых эпизодах автор и рассказчик так похожи, что уже и непонятно, кто говорит с читателем — Иван Петрович или Федор Михайлович. Вместе с тем Иван Петрович не только повествователь, но и персонаж, который активно участвует в развитии действия и стремится помочь всем, не думая о своем пошатнувшемся здоровье и преисполнившись жертвенного служения [Накамура 2011: 37].

В мюзикле Иван Петрович тоже играет роль рассказчика, исполняя музыкальные партии то соло (так в мюзикле передаются романские внутренние монологи и лирические отступления), то в дуэте с другими персонажами (с Наташей, князем Валковским, Нелли), чередуя роли стороннего наблюдателя и главного героя и меняя точку зрения на происходящее. В мюзикле перед зрителями предстает страдающий от чахотки молодой человек, с дрожащим голосом и нервной жестикуляцией, наматывающий шарф на шею, будто петлю, бедно одетый (он ходит в одном пальто все действие) и порывисто перемещающийся по сцене: он словно подсознательно бежит от своей жизни, ничего в итоге не сумев достичь.

Системы ключевых персонажей романа и мюзикла в целом соответствуют друг другу, при этом в мюзикле в числе действующих лиц оказывается мать Нелли, у Достоевского присутствующая лишь в воспоминаниях героев, за кадром остаются второстепенные, «несюжетообразующие» персоны: сплетники, разносчики слухов, соглядатаи. Особое место в инсценировке занимает кукла Азорки, собаки старика Смита, умирающей буквально на глазах у читателя в первой главе: режиссер мюзикла делает из Азорки, в полном соответствии с текстом романа, *кароши шушель*, но превращает куклу в символ дружбы и взаимной поддержки не на словах, а на деле — Азорка, как и в романе, переходит на сцене от персонажа к персонажу.

Тема несправедливости пронизывает весь роман и превращает художественный мир «Униженных и оскорбленных» в парадокс: в глупой судебной тяжбе бывших приятелей богатый побеждает бедного, виновный — невиновного; счастье благородных и великодушных смутно и недолговечно, а корыстных и подлых — вполне осязаемо; безобразие лицемерно носит маску красоты, а красота прикрыта бедностью, нищетой. Метафорична тема болезни, так как мир романа ненормален и нездоров, и по сложившейся логике наиболее поражены болезнью самые духовно возвышенные.

Основными мотивами мюзикла также выступают идея сочувствия, сострадания к ближнему и тема несправедливости. Вслед за романом в нем социальный конфликт (нищета — роскошь, бессилие бедных и власть богатых, несправедливое угнетение человека человеком) дополняется семейным (отдаление самых близких людей друг от друга, предательство родных) и внутренним (любовь и ненависть, добро и зло, прощение и осуждение); действие на сцене правдиво показывает жизнь несчастных, одни из которых бедны материально, а другие — духовно. Основная мысль звучит во «Владимирской площади» в реплике Ихменева, полностью заимствованной из монолога персонажа в романе: *«Пусть униженные, пусть оскорбленные, но мы вместе! И пусть торжествуют эти гордые и надменные, унизившие и оскорбившие нас!»*.

Сильнее, чем в романе, звучит тема неразделенной и несчастной любви: главные герои страдают любя (и Иван Петрович, безответно любящий Наташу Ихменеву, и Наташа, замечаящая, что ее любимый Алексей Валковский все реже появляется и все больше привыкает к Катерине, и Алеша, понимающий, что любит и мучает обеих, и Катя, которая влюблена в Валковского-младшего, и Нелли, по-детски искренне испытывающая чувства к Ване).

Переживания любовного треугольника (Ваня, Наташа, Алеша), ностальгирующего по «старым добрым временам» в Ихменевке (*Ваня: Чудесный*

сон, // В нем яблони толпятся. // Им интересен *смутный разговор*. // И хороводом окружая двор, // Они *спешат смеяться*, ср. *Наташа*: <...> Как нравится тебе *моя печаль* // *Среди иных наитий*... *Вместе*: *Обида, ревность, зависть, злость*...), отражены в главной музыкальной партии мюзикла — романтической балладе «Сквозь пальцы».

Ее пафос, мелодика и сюжетная интенция сравнимы с эпизодом из романа, где Наташа напевает романс «Колокольчик» на стихи Я. П. Полонского, в нем тоже представлены две различающиеся хронотопом «картины», «два ощущения: прежнее и последнее» [Достоевский 2008: 59–60]. В первой картине улеглась *метелица, путь озарен, страстный голос поет, с колокольчиком дружно* звеня: «Ах, когда-то, когда-то мой милый придет — // Отдохнуть на груди у меня! // У меня ли не жизнь!» «А потом другая картина» — и в продолжении романса *тот же голос поет, с колокольчиком грустно* звеня: «Где-то старый мой друг? Я боюсь, он войдет // И, ласкаясь, обнимет меня! *Что за жизнь у меня!* и тесна, и темна, // И скучна моя горница; дует в окно... // За окошком растет только вишня одна, // Да и та за промерзлым стеклом не видна // И, быть может, погибла давно. / *Что за жизнь!*..» И озаренный *золотым лучом месяца, лампадой и печным пламенем* цветной мир, теряя краски, тускнеет и линяет.

Героиня обращается к Ване со светлой грустью в голосе («Я все тебя ждала, Ваня, — начала она вновь с улыбкой, — и знаешь, что делала? Ходила здесь взад и вперед и стихи наизусть читала; помнишь, — колокольчик, зимняя дорога: “Самовар мой кипит на дубовом столе...”» [Там же]) и наслаждается воспоминаниями («Как это хорошо! Какие это мучительные стихи, Ваня, и какая фантастическая, раздающаяся картина. *Канва одна, и только намечен узор, — вышивай что хочешь*. Этот самовар, этот ситцевый занавес, — так это все родное... Сколько нежности, неги в этом стихе и мучений от воспоминаний, да еще мучений, которые сам вызвал, да и любуешься ими... Господи, как это хорошо!» [Там же]).

«Песня» звучит не только в строчках, что повторяет Наташа (а в них есть и «вставной романс», похожий то на монолог героини, то на «страстный голос» из «*забытых снов*» поэта [Морозова 2010: 38]), но и в балладе, текст которой фактически представляет собой вышивание *нитями* судеб героев *по узору* заданной стихами и романом сюжетной *канвы*. Образ поддерживается и звукословесным соответствием **пальцы* (оставаясь в подтексте, они ассоциируются с *вышиванием по канве*) — *пальцы*. Как и в романе, в балладе единство распадается (*Ваня*: Как все сошлось, как все сплелось... *Наташа*: И не связать // Разорванные нити... *Алеша*: И божий мир // Висит на тонкой нити...). В ней обращает на себя внимание словесный ряд *хоровод* (лексема вызывает в воображении «картинку»

хождения с пением по кругу, взявшись за руки) — *руки разведены — пальцы врозь — пустая горсть*, наподобие замедленной съемки показывающий момент распада связей, *разрыв нити*, связующей разрозненные судьбы в единое целое.

Жанры и функции музыкальных партий

Благодаря музыке Журбина мюзикл выходит на другой уровень раскрытия персонажей и передачи их образов. Музыкальные партии представляют собой своеобразные «песни души»: герои поют о своей жизни в целом или о каком-то важном, переломном эпизоде в их судьбе, о своих чувствах, переживаниях. Музыкальные формулы просты: композитор использует в основном куплетную форму, музыкальные партии замкнуты и могут быть не связаны друг с другом тонально, но из этого складывается определенная драматургия резкой смены настроения, эмоций, событий. Таким образом, песня является подчас ключом к пониманию сюжетной линии или истории героя, а также очерчивает образ персонажа.

Так, песня-мольба хора униженных и оскорбленных «Подайте, подайте», передающая ощущение безысходности, проносится рефреном сквозь всю постановку и звучит как в начальной, так и в заключительной сцене мюзикла, призывая людей сжалиться и помочь нищим, а также задуматься о том, насколько справедливы их страдания: «Подайте! Подайте! // Сердце согрей нам теплом золотым // Сына безгрешного, Господи Боже! // Гривенник, грошик, копейку, алтын — // Кто сколько может, кто сколько может, // Подайте! Подайте! // Не оскудеет дающего рука, // Вы православные, мы, вроде, тоже. // Люди, неужто вам жалко пятака? // Кто сколько может, кто сколько может, // Подайте! Подайте!», — так звучит мольба о Божьей милости.

Примечательно, что, по данным НКРЯ, слово *нищий* в произведениях Достоевского встречается 123 раза, а в романе «Униженные и оскорбленные» — 11 раз: 3 употребления связаны с матерью Нелли, 1 раз упоминается «*нищая* Наташа», 1 раз на «*одну нищенку*» ссылается Нелли: «Милостыню не стыдно просить: я не у одного человека прошу, я у всех прошу, а все не один человек; у одного стыдно, а у всех не стыдно; так мне *одна нищенка* говорила; ведь я маленькая, мне негде взять. Я у всех и прошу»; про «*нищету*» говорит князь Валковский Ивану Петровичу: «Вы литератор, вам нужно знать свет, а вы всего чуждаетесь. Я не про рябчиков теперь говорю, но ведь вы готовы отказываться совершенно от всякого сообщения с нашим кругом, а это положительно вредно... У вас там теперь все *нищета*, потерянные шинели, ревизоры, задорные офицеры, чиновники, старые годы и раскольниковый быт, знаю, знаю»; еще одна «*нищая*

с улицы» появляется в словах Елены: «Не я первая; другие и лучше меня, да мучаются. Это мне *нищая* на улице говорила»; сама Нелли характеризуется как «*нищая* внучка Смита» («несмотря на все безобразие *нищеты* и болезни, она была даже недурна собою»); еще встречается «маленькая *нищая*» — «маленькая, худенькая девочка, лет семи-восьми, не больше, одетая в грязные отрепья; маленькие ножки ее были обуты на босу ногу в дырявые башмаки...», а первым появляется бедный Смит: «Старик не только не мог кого-нибудь обидеть, но сам каждую минуту понимал, что его могут отовсюду выгнать как *нищего*». Таким образом, в самом романе также представлен «*хор* униженных и оскорбленных» — как «голоса, слова, высказывания множества людей» в переносном, книжном употреблении лексемы [Ушаков 2014: 733] (и, по данным НКРЯ, в упоминаниях Достоевским *хора* это значение преобладает). Многоголосное страдание слышится благодаря мастерству писателя, а в мюзикле разбросанные по тексту *нищие* превращаются в *хор* уже в прямом смысле этого слова.

Можно предположить, что семантический ореол *хора* формируется и в романе, и в мюзикле не только ассоциацией с оперным искусством, но и представлением о хоре в античной трагедии [Кулишова 2010: 112], которому изначально отводилась центральная роль в сценическом действии. В романе благодаря омонимии корней формант *хор* структурирует оппозицию «нехорошего» и «хорошего» в жизни героев, актуальную и для мюзикла: на одном полюсе — *лихорадки, похороны, нехорошая любовь, нехорошие замашки, нехорошее настоящее, нехорошие люди*, а на другом — *хорошие слова, хорошее имя, хорошее прошедшее, хорошие люди*.

Кабалетта «Я вам аплодирую, Боже прости...» представляет собой кульминацию второго акта, звуча в сцене обострения конфликта между семьями и разоблачения Наташей плана князя Валковского («Банальны, простите, у вас интересы — // *Из трех миллионов лихое наследство. // Вы чувствуете близость богатой невесты?*»), которому, с ее точки зрения, впору идти на сцену: «*Талант ваш расцвел бы театру во благо. // Вы мыслящий Гамлет, страдающий Лир, // Но внешне, мой князь, лишь внешне, мой князь. / А в сердце, мой князь, вы — Яго! // Прочитана мной, как грошовая книга, // Бесчеловечная ваша интрига*». Здесь нет прямых текстовых соответствий описанию этой сцены в романе, однако тема *театра* и чьего-то *притворства* в «Униженных и оскорбленных» Достоевского возникает часто, а *грошовая книга интриги* из кабалетты Наташи явно противопоставляется авторами мюзикла исключительно часто упоминаемым в романе *дорогим книгам*, за которые держатся те или иные герои.

Важным сюжетным элементом становится и пронзительная лирическая песня Нелли «Разбилась жизнь-тарелочка», так как героиня знакомит зрителя со своей историей лишений, а затем та же «песня души»

становится ее прощальным словом публике в финальной сцене смерти девочки: «Ночь плывёт, черна, как смоль... // На ресницах стынет соль... // Бьётся в глупом детском сердце // Человеческая боль... // Разбилась жизнь-тарелочка. // И пальчики в крови... // Зачем, зачем ты, девочка, // Мечтала о любви!..», — по всей вероятности, *тарелка* используется либреттистом как образ *разбитой жизни*, которую не склеишь, *разбитых* (ср. *побить посуду* ‘разругаться’) отношений.

Ария матери Нелли, в которой она рассказывает зрителям о своей несчастной любви и трагической гибели, через картину похорон представляет и образ *надгробия* с барельефным портретом возлюбленного как символ «зарытой в землю» любви: «Я любовь к тебе воздвигла, // Слово-памятник, // Мне медальный профиль твой // Казался мраморным, // Ты судьбу мою остановил, // Как маятник, // Было платье подвенечным, // Стало траурным!..».

Лейтмелодии персонажей

Обращает на себя внимание и то, что у каждого героя есть своя лейтмелодия.

Под звуки шарманки обнажает душу Нелли, а для Достоевского шарманка является символом плача среди веселья и изломанной детской судьбы (ср. в «Преступлении и наказании»: «Она говорит и кричит, что так как ее все теперь бросили, то она возьмет детей и пойдет на улицу, шарманку носить, а дети будут петь и плясать, и она тоже, и деньги собирать, и каждый день под окно к генералу ходить» [Достоевский 2018: 276]). Кроме того, «семантический ореол» (гнусавая, плаксивая, все время повторяющая один и тот же простой мотив) *шарманки* подходит под исповедальный характер содержания композиции.

Алеша поет под веселый ритм мазурки, выступающей в текстах Достоевского символом «волочения за барышней», легкомысленных отношений (ср. в повести «Село Степанчиково и его обитатели»: «С барышнями в мазурке лимонничать, с чужими женами апельсинничать?» [Достоевский 2019: 256]), да и текст его легкой, веселой баллады соответствует образу беззаботного и простодушного волокиты, мечтающего о счастье втроем: «Мы будем счастливы все вместе, // Я в этом Господом клянусь! // И я уже сказал своей невесте, // Сказал, что на тебе женюсь. // <...> Беды забываются, // А мечты сбываются. // Верю, будем вместе мы, // Счастье — впереди!..».

Наташа и Ваня под романс вспоминают беззаботное детство, так как этот музыкальный жанр предназначен для передачи лирического настроения и переживания (обычно любовного) и диалогичен (поскольку изначально

подразумевает адресата). Более того, это и дань авторов мюзикла любви Достоевского к этому жанру — слова популярных романсов писатель часто вкладывал в уста своих героев [Фон-Фохт], — и проникновение в идиостиль писателя, который часто употреблял слово *романс* в своих произведениях (в НКРЯ отмечено 23 употребления, в том числе словосочетания *благородный романс*, *чувствительный романс*).

Князь Валковский появляется в мюзикле под звуки жестокого романса: этому жанру свойственны мелодраматизм, смакование жестокости и трагическая концовка [Тростина 2003: 200], что соответствует роли и характеру этого героя.

Блатные песни (смесь частушек и анекдотов) пьяных посетителей притона Бубновой усиливают эффект присутствия зрителя в этом месте и вызывают отвращение к их исполнителям: «До чего же все красиво, // Так не кажется, порой. // Но жизнь короче перерыва. // А между первой и второй...»; «Все сидят в одной параше, // Что в ските, что во дворце, // Мы не сеем и не пашем, // А мы-то знаем, что в конце!» Жанр, сформировавшийся в XIX в., воспеваящий тяжелый быт и нравы социального «дна», своеобразно их героизирующий, представлен здесь преимущественно блатным романсом.

Музыка во «Владимирской площади» работает на создание «звукового шума эпохи», образа Петербурга второй половины XIX века, поэтому изображаемые на сцене события и герои так органично вписываются в картину того времени.

Прозаизация ключевых моментов

По замыслу режиссера Пази наиболее драматичные и весомые слова в мюзикле не поются, а произносятся как обычные реплики, что производит наибольший эффект.

Главный герой сам представляется зрителям: «Меня зовут Иван Петрович. Я — литератор». В романе же читатель узнает о том, как зовут рассказчика и как он связан с сюжетными линиями произведения, далеко не сразу и не прямо, а косвенно, из диалога Ивана Петровича с другими героями «Униженных и оскорбленных».

Также это один из способов погружения зрителя в тонкости сюжетных перипетий:

Иван Петрович: «Когда умер старик, я поселился в его комнате. Старика звали Иеремия Смит. Он был из иностранцев. Я много думал о нем... Но у меня была и своя жизнь — другая жизнь. Вот недавнее письмо от Наташи: “Ваня, будь на Владимирской площади около часу дня. Я приду говорить с тобой. Это очень важно, не скрою. Жди меня. Наташа”».

Фоном звучит голос Наташи: «Жди меня! Жди меня!»

Этот же прием используется и для осуществления неожиданного сюжетного поворота:

Наташа: «Да, я с Алешей расстаюсь».

Речитатив, в котором либреттист использует строки, взятые из романа, преобладает над пением в тех эпизодах, где эмоции героев бьют через край:

1) *Ихменев, видя Нелли, вспоминает о дочери:* «У меня тоже была дочь, девочка. Но она... умерла. Не хочешь ли заступить на ее место — в моем доме и в моем сердце?»

Нелли: «Нет! Вы злой! Я сама злая, а вы еще злее. Вы свою дочь простить не хотите! Мне милостыни от вас не нужно! Подите прочь!»

2) *Нелли, умирая, произносит:* «За любовь нельзя проклинать, за любовь только любить можно! Мамошка, дедушка, вы помирились?..»

3) *Наташа:* «Ваня, Ванечка, зачем я разрушила твое счастье?.. Ведь мы могли бы быть навеки счастливы вместе!»

Таким образом, авторы мюзикла переключают внимание с одной формы повествования (рифмованной «поэтической» и одновременно музыкальной) на другую (прозаическую), используя регистры и мелодику речи, звучащего слова, а тем самым обозначают ключевые моменты схождения мюзикла, либретто и романа. Автор «Униженных и оскорбленных» не просто присутствует, но и выходит на авансцену «Владимирской площади», Достоевский становится самым главным героем спектакля, имеющим право на прямую речь.

В целом можно заметить, что в этом случае речь идет об адекватном переводе прозы Достоевского на язык мюзикла с помощью «перекодировки» ключевых образов, мотивов и смыслов. Авторы мюзикла уловили романсовую природу «Униженных и оскорбленных» как романа-мелодрамы, созвучную идее искусства, очищенного от дидактизма, и романс в разных своих ипостасях становится лейтмотивом мюзикла. Отталкиваясь от созданных Достоевским портретов героев, черты которых восстанавливаются по описаниям разных повествователей, композитор воссоздает их в характерных мелодиях, имеющих определенный, в том числе и характерный для соответствующих словоупотреблений в идиостиле Достоевского, семантический ореол. Либретто и текст романа связывают отношения интертекстуальности — либо через цитаты описаний сопоставимых сцен, либо через аллюзии, построенные на акцентировании ключевых слов-символов, либо через собирательные образы, данные в романе вразброс. В результате главными героями мюзикла становятся Достоевский и все воспетые им «униженные и оскорбленные».

Источники

Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. М.: Алгоритм, 2018. 816 с.

Достоевский Ф. М. Село Степанчиково и его обитатели. М.: Азбука, 2019. 256 с.

Достоевский Ф. М. Униженные и оскорбленные. М.: Эксмо, 2008. 354 с.

Фон-Фохт Н. К биографии Ф. М. Достоевского [Электронный ресурс]. URL: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/memory/v-vozpominaniyah-sovremennikov/fon-foht-k-biografii-dostoevskogo.htm> (дата обращения: 25.09.2021).

Литература

Акопян Л. О. Музыкальность Хармса // Сто лет русского авангарда. Сборник статей. / отв. ред. М. Катунян. М.: Московская консерватория, 2013. С. 365–372.

Архипова А. В. Примечания: Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972. 542 с.

Баранов А. Н., Добровольский Д. О., Фатеева Н. А. Идиостиль Ф. М. Достоевского: направления изучения // Вестник РУДН. Сер. «Теория языка. Семиотика. Семантика». 2021. № 2. С. 374–389.

Буданова Н. Ф. Комментарии: Ф. М. Достоевский. Униженные и оскорбленные. Л.: Наука, 1989. 775 с.

Ветловская В. Е. Мир «Униженных и оскорбленных» (вступительная статья) // Достоевский Ф. М. Униженные и оскорбленные. Л.: Художественная литература, 1981. С. 3–16.

Достоевский Ф. М. Письма Ф. М. Достоевского. 71. А. И. Шуберт. 3 мая 1860. Петербург // Собрание сочинений в 15 томах. СПб.: Наука, 1996. Т. 15. С. 209–211.

Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с.

Кулишова О. В. Античный театр: организация и оформление драматических представлений в Афинах V в. до н. э. СПб.: Гуманитарная Академия, 2014. 320 с.

Морозова С. Н. Жанр романа в творчестве Я. П. Полонского: соотношение романтического и реалистического // Известия ПГУ им. В. Г. Белинского. 2010. № 19. С. 36–39.

Накамура К. Словарь персонажей произведений Ф. М. Достоевского / Пер. с японского А. Н. Мещерякова. СПб.: Гиперион, 2011. 400 с.

Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/new> (дата обращения: 27.09.2021).

Семенищенкова Л. Л. Роман Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» (проблематика и особенности реализма): дисс. канд. филол. наук. Орел, 1984. 193 с.

- Тростина М. А. Жестокий романс: жанровые признаки, сюжеты и образы // Новые подходы в гуманитарных исследованиях: право, философия, история, лингвистика (Междуз. сб. науч. тр.). 2003. № 4. С. 197–202.
- Ушаков Д. Н. (гл. ред.). Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2014. 800 с.
- Этов В. И. Достоевский. М.: Просвещение, 1968. 380 с.

References

- Akopyan L. O. [Kharms's musicality]. *Sto let russkogo avangarda. Moskovskaya konservatoriya*, 2013, no. 3, pp. 365–372. (In Russ.)
- Arhipova A. V. *Primechaniya: Dostoevskii F. M. Polnoe sobranie sochinenii* [Comments: Dostoevsky F. M. Complete works]. Leningrad, Nauka Publ., 1972. 542 p.
- Baranov A. N., Dobrovol'skii D. O., Fateeva N. A. [Fyodor Dostoevsky's idiostyle: directions of study]. *Vestnik RUDN*, 2021, no. 2, pp. 374–389. (In Russ.)
- Budanova N. F. *Kommentarii: F. M. Dostoevskii. Unizhennyye i oskorblennyye* [Comments: F. M. Dostoevsky "The Humiliated and the Insulted"]. Leningrad, Nauka Publ., 1989. 775 p.
- Dostoevskii F. M. *Pis'ma. 71. A. I. Shubert. 3 maya 1860. Peterburg. Sobranie sochinenij v 15 tomah* [F. M. Dostoevsky's complete works. Letters. 71. A. I. Schubert. May 3, 1860. Petersburg]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1996. 861 p.
- Etov V. I. *Dostoevskii* [Dostoevsky]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1968. 380 p.
- Kulishova O. V. *Antichnyi teatr: organizatsiya i oformlenie dramaticheskikh predstavlenii v Afinaх V v. do n. e.* [Ancient theater: organization and design of dramatic performances in 5th century Athens BC]. St. Petersburg, Gumanitarnaya Akademiya Publ., 2014. 320 p.
- Kuznecov S. A. *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Great dictionary of Russian language]. St. Petersburg, Norint Publ., 1998. 1534 p.
- Morozova S. N. [The genre of romance in the work of Y. P. Polonsky: the correlation of the romantic and the realistic]. *Izvestiya PGU im. V. G. Belinskogo*, 2010, no. 19, pp. 36–39 (In Russ.)
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <https://ruscorpora.ru/new> (accessed 27.09.2021).
- Nakamura K. *Dictionary of F. M. Dostoevsky works' characters*. Tokyo: Misuzu Shobo, 1979. 400 p. (Russ. ed.: Meshcheryakov A. A. *Slovar' personazhei proizvedenii F. M. Dostoevskogo*. St. Petersburg, Giperion Publ., 2011. 400 p.)
- Semenishchenkova L. L. *Roman F. M. Dostoevskogo "Unizhennyye i oskorblennyye" (problematika i osobennosti realizma)*: diss. kand. filol. nauk. [F. M. Dostoevsky's novel "The Humiliated and the Insulted" (Problems and particular qualities of Realism). Cand. phil. sci. diss.]. Orel, 1984. 193 p.

А. А. Акулов. «Песни души»: роман Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» на языке мюзикла...

A. A. Akulov. "Songs of the Soul": the Novel "Humiliated and Insulted" by F. M. Dostoevsky...

Trostina M. A. [Heart-rending romance: genre features, plots and images]. *Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov "Novye podhody v gumanitarnykh issledovaniyakh: pravo, filosofiya, istoriya, lingvistika"* [Interuniversity collection of scientific papers "New approaches in humanitarian research: law, philosophy, history, linguistics"]. 2003, no. 4, pp. 197–202. (In Russ.)

Ushakov D. N. *Tolkovy slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the modern Russian language]. Moscow, Adelant Publ., 2014. 800 p.

Vetlovskaya V. E. *Mir "Unizhennykh i oskorblennykh"* [The world of "The Humiliated and the Insulted"]. Dostoevskii F. M. *Unizhennye i oskorblennye* [The Humiliated and the Insulted], Leningrad, Hudozhestvennaya Literatura Publ., 1981, pp. 3–16. (In Russ.)

Русская речь

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

Оригинал-макет подготовлен *И. Барановым, И. Мустаевым*

Зав. редакцией *О. В. Антонова*

Редакторы *А. В. Занадворова, М. А. Пузина*

Корректор *В. Л. Цумарева*

Верстка *С. В. Родионовой*

А Д Р Е С Р Е Д А К Ц И И:

119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,

редакция журнала «Русская речь»,

тел.: +7 495 637-27-35, e-mail: rus-rech@mail.ru

Подписано к печати 21.12.2021 г.

Формат 60×88 ¹/₁₆

Уч.-изд. л. 10,4

Тираж 220 экз.

Зак. 18/6а

Цена свободная

У Ч Р Е Д И Т Е Л И:

Российская академия наук

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

И З Д А Т Е Л Ь:

Российская академия наук

20 экземпляров распространяется бесплатно

Исполнитель по контракту 4У-ЭА-069-20

ООО «Интеграция: Образование и Наука»

105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314

Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»